

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ)

Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Professional Education
“St. Petersburg State University” (SPSU)

**Конференция, посвященная 150-летию
Кафедры общего языкознания**

**Conference Dedicated to 150 Years
of the Department of General Linguistics**

**4-7 сентября 2013 года
4-7 September 2013**

**Тезисы
Abstracts**

Санкт-Петербург
2013

Организационный комитет Конференции:

Людмила Алексеевна **Вербицкая**, *председатель*

Алексей Викторович **Андронов**

Александр Владимирович **Бондарко**

Елена Викторовна **Горбова**

Виктория Борисовна **Гулида**

Фатима Абисаловна **Елоева**

Николай Николаевич **Казанский**

Вадим Борисович **Касевич**

Юрий Александрович **Клейнер**, *зам. председателя*

Ксения Михайловна **Куденко**

Елена Игоревна **Риехакайнен**, *секретарь*

Наталия Арсеньевна **Слепокурова**

Андрей Николаевич **Соболев**

Максим Леонидович **Федотов**

Татьяна Владимировна **Черниговская**

Дарья Алексеевна **Чернова**

Оксана Юрьевна **Чуйкова**

ОГЛАВЛЕНИЕ¹

<i>Л. А. ВЕРБИЦКАЯ, Е. В. ГОРБОВА, Ю. А. КЛЕЙНЕР (СПбГУ) КАФЕДРА ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА</i>	<i>6</i>
<i>А. В. АНДРОНОВ (СПбГУ) О ПОНЯТИИ ИНТЕГРАЛЬНОГО ПРИЗНАКА В ФОНОЛОГИИ ...</i>	<i>11</i>
<i>А. В. БОНДАРКО (ИЛИ РАН — СПбГУ) ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ И АНАЛИЗ ГЛАГОЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ</i>	<i>13</i>
<i>К. БРАНДИСТ / С. BRANDIST (University of Sheffield, UK) THE MARRIST CRITIQUE OF INDO-EUROPEANISM REVISITED: RECONSIDERING ITS ROOTS AND HERITAGE</i>	<i>15</i>
<i>А. В. ВЕНЦОВ, Е. И. РИЕХАКАЙНЕН, Н. А. СЛЕПОКУРОВА (СПбГУ) ОТ ЛИНГВИСТИКИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ К ЛИНГВИСТИКЕ ПЕРЦЕПТИВНОЙ</i>	<i>17</i>
<i>М. Д. ВОЕЙКОВА (ИЛИ РАН — СПбГУ) НАСКОЛЬКО РАНО ПРОЯВЛЯЕТСЯ ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА: ВИД В ИМПЕРАТИВЕ У РУССКИХ ДЕТЕЙ</i>	<i>20</i>
<i>А. Х. ГИРФАНОВА (СПбГУ) КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЯ В ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКАХ</i>	<i>22</i>
<i>А. А. ГОРБОВ (СПбГУ) РОЛЬ СЕМАНТИЧЕСКОГО КАЛЬКИРОВАНИЯ В ВОСПОЛНЕНИИ ДЕФЕКТНЫХ ЧИСЛОВЫХ ПАРАДИГМ ОТВЛЕЧЕННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ РУБЕЖА XX–XXI ВЕКОВ</i>	<i>24</i>
<i>А. А. ГОРБОВ, Е. Д. САВЕНКОВА (СПбГУ) ВОПРОСЫ МОРФЕМИКИ В ТРУДАХ Ю. С. МАСЛОВА: ДОСТИЖЕНИЯ И НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ.....</i>	<i>27</i>
<i>Е. В. ГОРБОВА (СПбГУ) ОБЩАЯ АСПЕКТОЛОГИЯ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ.....</i>	<i>30</i>
<i>Е. В. ГРУДЕВА, Е. А. ПЕТРОВА (ЧГУ) «ЗЕРКАЛЬНЫЕ» ГЛАГОЛЬНЫЕ СВЯЗИ В МЕНТАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ НОСИТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ «РУССКОГО АССОЦИАТИВНОГО СЛОВАРЯ»).....</i>	<i>34</i>
<i>В. Б. ГУЛИДА (СПбГУ) СПЕЦИФИКА АССОЦИАЦИЙ СОЦИАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОГО ТИПА</i>	<i>36</i>
<i>А. Д. ДАУГАВЕТ (СПбГУ) ОСОБЕННОСТИ «ИНТЕГРАЛЬНОГО» ПОДХОДА К ДИАЛЕКТНОМУ ЧЛЕНЕНИЮ ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКА</i>	<i>38</i>
<i>Ф. А. ЕЛОЕВА, Д. А. ЧЕРНОГЛАЗОВ (СПбГУ) ПЕРФЕКТ КАК СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА ВИЗАНТИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ IX–XII ВВ. И СОВРЕМЕННОЙ НОВОГРЕЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ)</i>	<i>40</i>
<i>Е. В. ЕРОФЕЕВА (ПГНИУ) СВОЙСТВА РЕГИОЛЕКТА КАК ПРОМЕЖУТОЧНОГО ИДИОМА</i>	<i>41</i>
<i>Т. И. ЕРОФЕЕВА (ПГНИУ) НАУЧНЫЕ ИДЕИ ПЕТЕРБУРГСКИХ УЧЕНЫХ И ПЕРМСКАЯ ШКОЛА СОЦИОЛИНГВИСТИКИ</i>	<i>43</i>
<i>Н. М. ЗАЙКА (ИЛИ РАН — СПбГУ) О ЧАСТЯХ РЕЧИ В БАСКСКОМ ЯЗЫКЕ.....</i>	<i>46</i>

¹ Тезисы печатаются в авторской редакции.

<i>Н. В. ЗОРИХИНА-НИЛЬССОН (Гетеборгский ун-т) О СООТНОШЕНИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ ВРЕМЕНИ И ВИДА В ТАКСИСНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ (ИЗ СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ)</i>	<i>47</i>
<i>Л. В. ЗУБОВА (СПбГУ) РЕСТАВРАЦИЯ УТРАЧЕННОГО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ</i>	<i>50</i>
<i>Н. Н. КАЗАНСКИЙ (ИЛИ РАН — СПбГУ) ПРОМЕЖУТОЧНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ</i>	<i>52</i>
<i>М. Л. КАЛЕНЧУК (ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН) ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗНОШЕНИЯ ЗАЙМСТВОВАННЫХ СЛОВ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ</i>	<i>55</i>
<i>Л. Л. КАСАТКИН (ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН) СОХРАНЕНИЕ В ГОВОРАХ СТАРООБРЯДЦЕВ ДИАЛЕКТНЫХ ЧЕРТ ПРОШЛЫХ ЭПОХ</i>	<i>56</i>
<i>Р. Ф. КАСАТКИНА (ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН) «ФОНЕТИЧЕСКИЕ ФАНТОМЫ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....</i>	<i>58</i>
<i>В. Б. КАСЕВИЧ (СПбГУ) ГЕНЕРАТИВИЗМ КАК ТРАДИЦИОННОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ</i>	<i>58</i>
<i>Ю. А. КЛЕЙНЕР (СПбГУ) «ЛЮБИТЕЛЬСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ» НА ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ.....</i>	<i>60</i>
<i>В. Д. КЛИМОНОВ (Ун-т им. Гумбольдта, Берлин) РОЛЬ ИКОНИЗМА В СТРУКТУРИРОВАНИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ ВИДОВЫХ ПАРАДИГМ РУССКОГО ГЛАГОЛА)</i>	<i>63</i>
<i>Ю. П. КНЯЗЕВ (СПбГУ) НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА ФОНЕ ДРУГИХ КОНСТРУКЦИЙ С НЕНАЗВАННЫМ СУБЪЕКТОМ.....</i>	<i>65</i>
<i>Ю. КОНУМА (СПбГУ) КЛАССИФИКАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА</i>	<i>68</i>
<i>П. А. КОЧАРОВ (ИЛИ РАН — СПбГУ) К ВОПРОСУ О ПРЕДИКАТИВНОМ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМ ПАДЕЖЕ В ПРАЙНДОЕВРОПЕЙСКОМ.....</i>	<i>70</i>
<i>М. А. КРОНГАУЗ (РГГУ) ЯЗЫК И БЫТОВАЯ КУЛЬТУРА: СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВА.....</i>	<i>71</i>
<i>С. А. КРЫЛОВ (Институт востоковедения РАН — СПбГУ) ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕГРАММАТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Ю. С. МАСЛОВА.....</i>	<i>73</i>
<i>И. П. КЮЛЬМОЯ (Тартуский ун-т) О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ ЯЗЫКА В ИНОЯЗЫЧНОМ ОКРУЖЕНИИ.....</i>	<i>76</i>
<i>Х. Р. МЕЛИГ (Ун-т Хр. Альбрехта, Киль, Германия) БЫТИЙНОСТЬ И КАТЕГОРИЯ ВИДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....</i>	<i>77</i>
<i>В. М. МОКИЕНКО, О. И. ФОНЯКОВА (СПбГУ) ПРИНЦИПЫ ИЗУЧЕНИЯ СЛОВА В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ Б. А. ЛАРИНА И Ю. В. ОТКУПЩИКОВА</i>	<i>81</i>
<i>А. А. НОВИК (МАЭ РАН — СПбГУ) ЛЕКСИКА ПО ТЕМЕ «МИФОЛОГИЯ»: АРЕАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОМ РЕГИОНЕ ПРИАЗОВЬЯ</i>	<i>82</i>
<i>М. В. ОЛЬХОВСКАЯ (СПбГУ) РЕАЛЬНОСТЬ ГРАНИЦ ПРАЖСКОГО СТРУКТУРАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ.....</i>	<i>84</i>
<i>А. В. ПАВЛОВА (МАЙНЦСКИЙ УН-Т), Н. Д. СВЕТОЗАРОВА (СПбГУ) АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ В СВЕТЕ ПЕРЕВОДА (НА РУССКО-НЕМЕЦКОМ МАТЕРИАЛЕ).....</i>	<i>85</i>

<i>Е. В. ПЕРЕХВАЛЬСКАЯ (СПбГУ) К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СЛОВА В ИЗОЛИРУЮЩЕМ ЯЗЫКЕ (ЯЗЫК МУАН).....</i>	<i>87</i>
<i>Л. А. ПИОТРОВСКАЯ (РГПУ им. А. И. Герцена) ЭМОТИВНОСТЬ, ЭМОЦИОГЕННОСТЬ, ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ: ЯЗЫК, ТЕКСТ, ЧЕЛОВЕК.....</i>	<i>89</i>
<i>Э. РОЙЛАНД / E. REULAND (Utrecht institute of Linguistics OTS) ISSUES IN INTERPRETATION: FROM STRUCTURE TO PROCESS</i>	<i>91</i>
<i>П. А. СКРЕЛИН, Д. А. КОЧАРОВ, О. Н. ГЛОТОВА, К. В. ЕВГРАФОВА, В. В. ЕВДОКИМОВА, Т. В. ЧУКАЕВА, А. Е. БАРАБАНОВ (СПбГУ) ИСТОРИЯ ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ОТ КАМЕРТОНОВ ДО ЭЛЕКТРОМАГНИТНОГО АРТИКУЛОГРАФА.....</i>	<i>94</i>
<i>В. В. ФЕДЧЕНКО (СПбГУ) АНАЛИТИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ С ЕВРЕЙСКО-АРАМЕЙСКИМ КОМПОНЕНТОМ В ИДИШЕ</i>	<i>95</i>
<i>В. С. ХРАКОВСКИЙ (ИЛИ РАН — СПбГУ) ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ОДНО И ТО ЖЕ ЗНАЧЕНИЕ (ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ).....</i>	<i>97</i>
<i>С. Н. ЦЕЙТЛИН (РГПУ им. А. И. Герцена — ИЛИ РАН) РЕЧЕВЫЕ СБОИ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ «ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА».....</i>	<i>99</i>
<i>А. В. ЦИММЕРЛИНГ (ИСЛИ МГГУ им. М. А. Шолохова) К ОПИСАНИЮ ПАДЕЖНОЙ МНОГОЗНАЧНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ</i>	<i>101</i>
<i>Т. В. ЧЕРНИГОВСКАЯ (СПбГУ — НИЦ «Курчатовский институт») ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА КАК ЧАСТЬ КОГНИТИВНОЙ НАУКИ</i>	<i>104</i>
<i>Д. А. ЧЕРНОВА (СПбГУ) АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ.....</i>	<i>104</i>
<i>О. Ю. ЧУЙКОВА (СПбГУ — ИЛИ РАН) АКЦИОНАЛЬНОСТЬ РУССКОГО ГЛАГОЛА В КОНТЕКСТЕ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ.....</i>	<i>111</i>

Л. А. ВЕРБИЦКАЯ
Е. В. ГОРБОВА
Ю. А. КЛЕЙНЕР
(СПбГУ)

КАФЕДРА ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Кафедре общего языкознания 150 лет.

Петр I, подписав указ об открытии первого российского университета, подумал и о тех факультетах, которые должны быть созданы первыми. Это филологический, философский, медицинский и юридический.

Филологический факультет был создан для того, чтобы «научить думать, научить излагать мысли не по писанному». Курсы риторики были включены в образовательные программы в первый же университетский год, 1725. А в 1819 году был образован филологический факультет.

В 1863 году была создана Кафедра сравнительной грамматики. С 1884 года она стала называться Кафедрой сравнительного языкознания и санскритского языка, с 1917 — Кафедрой общего и сравнительного языкознания, и с 1932 года — Кафедрой общего языкознания.

И сегодня нельзя не вспомнить с чувством глубокой благодарности великих наших предшественников, заложивших основы многих направлений науки, которые развивают сотрудники кафедры сегодня.

Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ, появление которого на кафедре «сыграло решающую роль в судьбах лингвистики в стенах Санкт-Петербургского университета» (Л. В. Щерба). Николай Яковлевич Марр, крупнейший специалист по языкам народов Кавказа, существенно расширивший круг научных интересов кафедры. Некоторые идеи и установки Н. Я. Марра — отказ от европоцентризма, типологический подход к языкам, внимание к таким проблемам, как язык и мышление, язык и общество — сыграли объективно положительную роль в развитии отечественной лингвистики. Лев Владимирович Щерба, основатель Ленинградской фонологической школы, автор ряда работ по общему языкознанию, русскому языку, фонетике, лексикографии, методике преподавания иностранных языков. Иван Иванович Мещанинов, ученик Н. Я. Марра, специалист по древним языкам Кавказа и Передней Азии, посвятивший свою научную деятельность синтаксической типологии языков и теории понятийных категорий. Александр Павлович Рифтин, Юрий Сергеевич Сорокин, Александр Александрович Холодович, Борис Александрович Ларин.

Особую роль в развитии кафедры сыграл Юрий Сергеевич Маслов. Крупнейший специалист по общему, славянскому и германскому языкознанию, основатель отечественной аспектологической школы (отделение «Теория языка» — детище Ю. С. Маслова). Любой лингвист начинает свою жизнь в лингвистике с «Введения в языкознание» Ю. С. Маслова и не расстается с этой книгой никогда.

Агния Васильевна Десницкая, по инициативе которой было открыто албанское и новогреческое отделение. Леонид Владимирович Сахарный был

инициатором возникновения нового направления — психолингвистика и теория речевой деятельности.

Леонард Георгиевич Герценберг был инициатором и организатором специализации — балтистика. Вместе с Н. Н. Казанским они открыли специализацию — индоевропеистика.

За прошедшие десять лет главным событием в истории Кафедры общего языкознания (а также в истории российского образования в целом) явился переход на «Болонскую систему» (4 + 2). Важным аспектом этой системы является широта и многопрофильность образования. И то, и другое фактически существовало на Кафедре и в предшествующий период в виде двух самостоятельных отделений, наряду с собственно языковедческим — албанского и новогреческого.

Созданное по инициативе члена-корреспондента РАН А. В. Десницкой в 1957 году Албанское отделение в настоящее время является крупным мировым центром (и единственным на территории нашей страны) по изучению и преподаванию албанского языка и литературы в балканском контексте.

Широкую известность в мире приобрело Отделение византийской и новогреческой филологии, при котором в 2002 г. был создан Греческий культурный институт, в 2012 г. преобразованный в самостоятельное структурное подразделение «Греческий институт Филологического факультета СПбГУ», теснейшим образом связанный с отделением византийской и новогреческой филологии. Особо стоит отметить, что отделение византийской и новогреческой филологии и Греческий институт активно организуют культурные мероприятия: встречи с ведущими грекоязычными писателями, концерты греческой музыки и гастрольные выступления греческих и кипрских театров, съемку и показ фильмов о Греции.

В 2004 году состоялся первый прием студентов на вновь организованное Отделение баллистики, в то время единственное отделение такого рода за пределами стран Балтии.

С переходом на новую систему на базе этих отделений были созданы магистерские программы — *Балтистика*, *Балканистика* и *Византинистика и неозллинистика*, которые представляют собой следующий этап обучения для студентов двух отделений, равно как и для студентов других отделений, изучавших языки соответствующих ареалов.

Отделение теории языка также претерпело ряд серьезных изменений, начавшихся еще в период, предшествовавший глобальной реформе образования. В первую очередь они были связаны с реструктуризацией учебных программ и их направленности, вследствие чего в рамках общего языкознания возникли два направления — *Психо- и нейролингвистика* и *Социоллингвистика*. Это был совершенно естественный процесс, связанный с успехами, достигнутыми в этих областях в мировой и отечественной науке, и, соответственно, возрастанием удельного веса этих дисциплин в программах высших учебных заведений. Для Кафедры это был новый шаг на пути к междисциплинарности, что способствовало расширению научного кругозора студентов и открывало для них новые возможности практической работы — на базе научно-исследовательских институтов и клиник, в экспедициях и т. п.

При переходе на двухуровневую систему высшего образования два эти направления стали двумя магистерскими программами, позднее объединившимися в общую программу *Психолингвистика. Социолингвистика*, которая, помимо бакалавров, подготовленных Кафедрой общего языкознания, привлекает выпускников различных кафедр и факультетов СПбГУ, а также других вузов РФ.

То же относится и к магистратуре по специальности *Индоевропеистика*.

Самой молодой магистратурой Кафедры является профиль *Малые языки и языковая политика*, две первые защиты магистерских диссертаций прошли в 2013 году.

Контекстом, в котором формируются учебные программы новых направлений, остается общее языкознание, которое обеспечивает базисную подготовку студентов Кафедры и Факультета в рамках курсов введения в языкознание и общего языкознания, а также спецкурсов по отдельным аспектам лингвистической науки. В соответствии с многолетней традицией, эти курсы дают полное представление о современном состоянии мировой науки и ее прошлом, уделяя при этом особое внимание достижениям отечественной лингвистики на протяжении всей ее истории. История лингвистических учений всегда занимала значительное место в учебных программах Кафедры общего языкознания (в прежние годы лекции по этому предмету читали Ю. С. Маслов и Е. Д. Панфилов). Свойственное Кафедре расширительное понимание задач науки о языке обусловило использование в рамках учебных курсов широкого спектра текстов, в частности текстов литературных и фольклорных памятников, которые рассматриваются как специфическая форма бытования языка, представляющая собой особую коммуникативную систему, отличную от естественного языка.

При переходе на Болонскую систему на Кафедре естественным образом возник магистерский профиль *Теория языка. История лингвистики. Сравнительная поэтика*.

Таким образом, в настоящее время на кафедре имеются семь магистерских профилей. По направлению *Филология: Византийская и новогреческая филология*; по направлению *Лингвистика: Балканистика, Индоевропеистика, Малые языки и языковая политика, Психо- и социолингвистика, Теория языка. История лингвистики. Сравнительная поэтика, Языки народов стран Балтии*.

Интеграции деятельности отдельных подразделений Кафедры общего языкознания немало способствует ее научная работа, объединяющая преподавателей-ученых, работающих в разных областях. Объединяющим началом в этом служат традиции, заложенные выдающимся ученым и многолетним заведующим кафедрой Юрием Сергеевичем Масловым, чье имя было присвоено главному научному проекту Кафедры общего языкознания — *Школа общего языкознания Ю. С. Маслова* (Грант Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ).

В рамках этого проекта проводились научные экспедиции с участием сотрудников и студентов Кафедры, создавались описания грамматических систем различных языков (калмыцкого, ингерманландского финского,

башкирского) с позиций современной типологической лингвистики, были проведены полевые исследования по морфосинтаксису ингерманландского финского, энецкого и тувинского языков, в рамках экспедиции в Хабаровский и Приморский края проводилось исследование диалектов нанайского языка, проводился сбор полевого материала по аспектуальной системе языка муан (семья Нигер-Конго) и др.

Теоретические и экспериментальные исследования, проводимые в рамках Школы, вылились в ряд направлений, многие из которых стали уже традиционными для Кафедры общего языкознания:

- *Аспектологическое направление*, разработавшее, среди прочего, концепцию взаимодействия граммы и контекста;
- *Фонетическое направление*, занимающееся проблемами культуры речи, вопросами нормы современного русского литературного языка (орфоэпии и орфофонии), исследованием интерференции русского и казахского, русского и башкирского языков, русского и литовского, русского и испанского языков, а также изучением спонтанной речи, включающим исследование восприятия ее в аспекте моделирования на низшем «досемантическом» уровне перцептивной иерархии и анализ линейно-просодической организации спонтанно-речевого дискурса;
- *Историко-лингвистическое направление*, занимающееся изучением различных исторических процессов и явлений в истории лингвистических идей, различными аспектами исторического развития русского языка и вопросами методологии языкознания (здесь же было проведено исследование рукописи полевых материалов Ф. Ф. Фортунатова по литовскому фольклору), а также вопросами исторического развития русского языка;
- *Лексикологическое и лексикографическое направление*, посвященное в том числе работе над Словарем современного русского языка, являющегося Комментарием к Федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации».

Сходные мероприятия проводились и в рамках других проектов, в которых участвовали сотрудники и студенты Кафедры общего языкознания. Так, стараниями Греческого института были организованы 6 экспедиций к грекам Приазовья в Украину, 7 экспедиций на Пелопоннес (Греция) к носителям законского диалекта и 1 экспедиция к грекам Апулии (Италия).

Среди проектов, реализуемых на отделении византийской и новогреческой филологии в течение последних десяти лет, можно упомянуть такие исследования, как «Греческая поэтическая традиция» (начат в 2007 г.), «Взаимовлияние греческой и римской культур» (2008–2012 гг.), «Корпус новогреческого языка (начат в 2012 г.)», «Типология литературной нормы» (2007–2009 гг.), «Формирование языка новогреческой литературы» (начат в 2010 г.), «Язык и культура законских греков» (начат в 2007 г.).

Преподаватели албанского отделения принимали и принимают активное участие в ряде научных проектов (большинство из них развивается в тесном сотрудничестве с коллегами из ИЛИ РАН), таких, как «Малый диалектологический атлас балканских языков», «Островные и периферийные

диалекты балканских языков», «Балканские диалекты контактных зон», «Албанская составляющая словаря С. Палласа», «Создание национального корпуса албанского языка», «Сводный словарь тюркизмов в албанских языках» и др.

В течение ряда лет в рамках направления психо- и нейролингвистики проводятся эксперименты, направленные на изучение восприятия устной и письменной речи, механизмов чтения, ментальной грамматики и ментального лексикона в норме и при языковой патологии, коммуникативного взаимодействия. Эти исследования проводятся в рамках научно-исследовательских проектов, поддерживаемых СПбГУ, РФФИ, РГНФ. В 2005 году на базе Кафедры общего языкознания была создана Лаборатория когнитивных исследований (в настоящее время — на базе Факультета свободных искусств и наук), занимающаяся междисциплинарными исследованиями, связанными с изучением познания, мышления, восприятия, представления и приобретения знаний, специфики языка как средства познания и коммуникации, мозговых механизмов познания и сложных форм поведения.

Одним из главных результатов своей научно-педагогической деятельности Кафедра считает кандидатские и докторские диссертации, которые регулярно защищаются по трем специальностям, отражающим весь спектр интересов ее сотрудников — 10.02.14 — Классическая филология, византийская и новогреческая филология, 10.02.19 — Теория языка, 10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Интеграции научно-педагогической деятельности Кафедры общего языкознания способствует и совместное участие преподавателей и студентов в конференциях, прежде всего, в ежегодной Международной филологической конференции, а также в специализированных конференциях, таких, например, как важнейшая за последние десять лет масштабная Международная конференция, посвященная пятидесятилетию Албанского отделения (2007).

На базе Греческого института или при его непосредственной поддержке были проведены 16 научных конференций (8 международных), организовано 3 научных семинара, 20 лекций ведущих ученых СПбГУ, РФ и Европы.

Кафедра общего языкознания принимает активное участие в организации международных конференций по экспериментальной лингвистике и когнитивной науке (Вторая международная конференция по когнитивной науке, 2006; *Semantics and Philosophy in Europe 6*, 2013; *Russian-Finnish Intensive Course «Experimental Approaches to Language and Brain»*, 2013 и др.)

В 2011 году начал свою работу Петербургский семинар по когнитивным исследованиям, который продолжил традицию Петербургского психолингвистического семинара, проводившегося на кафедре общего языкознания СПбГУ со второй половины 80-х годов XX века. Благодаря привлечению к участию в семинаре ведущих специалистов по междисциплинарным когнитивным исследованиям, студенты всех уровней получают возможность включиться в международное научное пространство, в обсуждение совместных проектов и образовательных программ.

При непосредственном участии Кафедры общего языкознания в 2011 году был проведен XII Международный конгресс по истории языкознания, впервые проходивший в России и способствовавший признанию СПбГУ ведущим центром истории лингвистической науки.

Участие в конференциях и публикации в ведущих российских и зарубежных изданиях принесли заслуженную известность сотрудникам Кафедры общего языкознания, а многим из них — почетные звания и награды. Список публикаций членов Кафедры, в число которых входят и студенты, мог бы составить отдельный и весьма солидный том. Тем не менее вряд ли возможно обойтись без упоминания изданных членами Кафедры трудов ученых, прославивших российскую науку, таких как М. И. Стеблин-Каменский, С. Д. Кацнельсон и — самое главное — Ю. С. Маслов, чье неустаревающее «Введение в языкознание» уже многие десятилетия является классическим пособием для российских студентов и настольной книгой ученых различных школ и направлений.

Нельзя не упомянуть и подготовленный членами Кафедры сборник статей и воспоминаний «Из прошлого в будущее», посвященный 100-летию Ю. С. Маслова (Изд-во СПбГУ, 2013), в преддверии которого (2014) Кафедра общего языкознания отмечает свой юбилей.

На кафедре сложился яркий творческий коллектив, объединяющий опытных профессоров и инициативную талантливую молодежь с новыми, перспективными идеями и научными планами.

Все это дает основание с оптимизмом смотреть в будущее.

А. В. АНДРОНОВ
(СПбГУ)

О ПОНЯТИИ ИНТЕГРАЛЬНОГО ПРИЗНАКА В ФОНОЛОГИИ

Структура системы фонем определяется фонологическими признаками. Совокупность фонологических признаков фонемы определяет ее индивидуальность, а в отдельности каждый признак отражает ее более или менее тесную связь с другими фонемами, то есть является основанием для классификации фонем. Фонологические признаки хорошо видны из сравнения минимальных пар, так как они различают в таких парах соответствующие фонемы. Из-за этой различительной функции фонологические признаки принято называть дифференциальными (различительными, дистинктивными), причем обычно термины «дифференциальный», «фонологический», «релевантный» употребляются синонимически. Однако в фонологических работах встречается и противопоставляемое дифференциальному признаку понятие интегрального признака. В системе фонологической теории оно до сих пор остается на периферии, его трактовка различна у разных авторов и часто не является достаточно четкой.

Знаменательно, что в «Фонологических проблемах...» В. Б. Касевича [1983] понятие интегрального признака не используется вообще, а в «Общей фонетике» Л. Р. Зиндера встречается лишь один раз: «Трубецкой предложил различать среди признаков фонемы „релевантные“ (позднее их стали называть „дифференциальными“), т. е. существенные для противопоставления одной фонемы другой, и „иррелевантные“ („интегральные“), несущественные в этом отношении» [Зиндер 1979: 42]. Заметим, что Н. С. Трубецкой говорил о признаках не фонем, а звуков («Любой произносимый и воспринимаемый в акте речи звук содержит, помимо фонологически существенных, еще и много других фонологически несущественных признаков» [Трубецкой 1939/1960: 45]). Фонема же для Н. С. Трубецкого — это «совокупность фонологически существенных признаков, свойственных данному звуковому образованию» [Там же]. Таким образом, несущественные признаки не относятся к фонологии, количество их в принципе не может быть определено.

Л. Р. Зиндер же иррелевантные (несущественные) признаки называет интегральными и также относит их к фонологии: фонологичность интегральных признаков он видит в их важности для опознания слова, приводя известный пример с заднеязычным [ŋ] в русском языке: «никто не признает в согласном [ŋ] русскую фонему /n/; если произнести слово /a'na/ она (только не во фразе) с заднеязычным согласным ([aŋa]), то оно не будет узнано» [Зиндер 1979: 43]. Представляется, однако, что произнесенное с ретрофлексным [ŋ] или увулярным [ŋ] это местоимение тоже не будет узнано, но значит ли это, что ретрофлексность или увулярность входит в набор фонологических признаков русского языка? Другие авторы вводят условие, согласно которому интегральным может быть назван лишь такой признак, который в данном языке у других фонем выступает как дифференциальный (ср., например, [Князев, Пожарицкая 2004: 161], которые не принимают во внимание иерархию фонологических признаков и считают, что сонанты обладают интегральным признаком звонкости).

Другое понимание интегрального признака предлагается в работе [Бондарко, Вербицкая, Гордина 1991: 13]: «Кроме дифференциальных, фонемы обладают и интегральными признаками, которые объединяют определенные фонемы: так, все 6 согласных </p/, /b/, /t/, /d/, /k/, /g/ — А. А.> являются шумными согласными, что отличает всю эту группу от сонантов». Думается, что большинство фонологических признаков могут служить основанием для объединения фонем: например, все мягкие согласные функционально противопоставлены всем твердым. Следует ли считать, что интегральными (объединяющими) являются лишь те признаки, которые ни для одной пары фонем в данном языке не являются дифференциальными (решение, в некотором смысле противоположное предыдущему)?

Представляется, что дифференциальные и интегральные признаки являются двумя равноправными разновидностями фонологических признаков: первые устанавливаются на основе анализа парадигматических отношений, вторые — на основе синтагматических свойств (ср. [Яковлев 1923/1983: 130, сноска 8]). Дифференциальные признаки показывают, чем данная фонема отличается от

других (/i/ отличается от /ы/ по ряду), а интегральные — чем она похожа на другие (/i/ похожа на /е/ по влиянию на мягкость предшествующего согласного). Дифференциальные признаки выявляют количество противопоставленных единиц, а интегральные определяют их группировку (например, выделение двух рядов гласных (а не трех или пяти) в русском языке).

По-видимому, правильное было бы говорить не о дифференциальных и интегральных признаках, а о соответствующих аспектах каждого фонологического признака. Большинство фонем проявляет определенный признак в обоих аспектах (звонкость русского /b/), но некоторые — лишь в одном из них (звонкость русского /v/ проявляется лишь парадигматически, глухость русского /x/ — только синтагматически), в редких случаях аспекты могут даже противоречить друг другу (русское /v/ по своим парадигматическим свойствам относится к шумным, а по синтагматическим — к сонантам).

Литература

- Бондарко, Вербицкая, Гордина 1991 — Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, М. В. Гордина. Основы общей фонетики. СПб., 1991.
- Зиндер 1979 — Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Л., 1979.
- Касевич 1983 — В. Б. Касевич. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983.
- Князев, Пожарицкая 2004 — С. В. Князев, С. К. Пожарицкая. Современный русский литературный язык. Фонетика, графика, орфография, орфоэпия. М., 2004.
- Трубецкой 1939/1960 — Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960.
- Яковлев 1923/1983 — Н. Ф. Яковлев. Принципы фонологии // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 128–134.

А. В. БОНДАРКО
(ИЛИ РАН — СПбГУ)

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ И АНАЛИЗ ГЛАГОЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ

1. Разрабатываемая нами теория функциональной грамматики, базирующаяся на понятиях «функционально-семантическое поле» (ФСП) и «категориальная ситуация», формировалась на основе исследования и описания комплекса семантических категорий в их языковом выражении. При формировании и развитии данного направления грамматической теории важную роль играло и играет направление исследований, представленное в трудах Ю. С. Маслова. Детальный анализ связей вида и способов действия, взаимодействия категориальных значений видовых форм и контекста (см. [Маслов 1959; 1984; 2004]) привел к необходимости определения и обоснования понятия актуальности. Предметом анализа стали и другие категории, связанные с идеей времени: темпоральность, временная локализованность и таксис. Этот ряд категорий был расширен: ср. такие ФСП, как персональность, залоговость, определенность / неопределенность, качественность, количественность,

локативность, бытийность, посессивность, обусловленность. Анализ системы ФСП и категориальных ситуаций представлен в серии коллективных монографий «Теория функциональной грамматики» [1987; 1990; 1991; 1992; 1996а; 1996б] (см. изложение рассматриваемой проблематики в монографиях [Бондарко 1983; 2002; 2011]).

2. В современных аспектологических исследованиях особое внимание уделяется связям глагольного вида и аспектуальности с другими грамматическими категориями и ФСП, с функциями высказывания, а также с определенными типами синтаксических конструкций. Одним из актуальных направлений исследования глагольного вида является аспектология текста.

3. Поле темпоральности включается в систему взаимодействия с ФСП аспектуальности, таксиса и временной локализованности. С рассматриваемым полем связана функция временного порядка.

4. При анализе поля временной локализованности обращается внимание на роль данной категории в характеристике не только глагольного действия, но и семантики высказывания в целом. Эти признаки охватывают не только предикат, но и другие компоненты высказывания: субъект и объект, а также обстоятельства.

5. Исследование и описание категории таксиса предполагает помимо этапа моделирования структуры ФСП особое внимание к анализу таксисных ситуаций. Имеются в виду различные типы отношений одновременности, предшествования и следования действий в составе предикативных комплексов.

6. В системе анализа категории лица и поля персональности проводится различие между грамматическим выражением рассматриваемой семантики и ее имплицитным представлением.

7. Понятие «залог» соотносится с понятием «залоговость». Имеется в виду ФСП, которое охватывает разноуровневые средства, служащие для выражения различных типов отношения глагольного действия-предиката к субъекту и объекту.

8. В системе анализа категории модальности особое внимание уделяется взаимосвязям вариантов рассматриваемой семантики (таких, как актуальность / потенциальность, оценка достоверности, засвидетельствованность).

9. Анализ глагольных категорий, базирующийся на теории функциональной грамматики, включает комплекс проблем, существенных для различных направлений лингвистических исследований. В частности, речь идет о таких вопросах, как взаимодействие грамматики и лексики, языковое и смысловое содержание, соотношение инвариантов и прототипов, общие и частные значения грамматических форм, привативные и эквиполентные оппозиции, связи между категориями разных типов, единицы языковой системы и категориальные ситуации, категории грамматики в их отношении к семантике и структуре текста. Существенна конкретизация связей проводимых исследований с различными направлениями лингвистических исследований.

Литература

- Бондарко 1983 — А. В. Бондарко. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
- Бондарко 2002 — А. В. Бондарко. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М., 2002.
- Бондарко 2011 — А. В. Бондарко. Категоризация в системе грамматики. М., 2011.
- Маслов 1959 — Ю. С. Маслов. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (Значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.
- Маслов 1984 — Ю. С. Маслов. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
- Маслов 2004 — Ю. С. Маслов. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.
- Теория функциональной грамматики 1987 — Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
- Теория функциональной грамматики 1990 — Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
- Теория функциональной грамматики 1991 — Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. СПб., 1991.
- Теория функциональной грамматики 1992 — Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. СПб., 1992.
- Теория функциональной грамматики 1996а — Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. СПб., 1996.
- Теория функциональной грамматики 1996б — Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996.

К. БРАНДИСТ / C. BRANDIST
(UNIVERSITY OF SHEFFIELD, UK)

THE MARRIST CRITIQUE OF INDO-EUROPEANISM REVISITED: RECONSIDERING ITS ROOTS AND HERITAGE

Nikolai Iakovlevich Marr's characterisation of Indo-European linguistics is, today, the object of almost universal derision. There are many good reasons for this, among which one might cite Marr's complete reduction of the methodology of linguistics to ideological factors, the way in which this became the justification of campaigns of harassment against those who did not accept Marr's own theories, the evident absurdity of many of Marr's propositions, especially the notorious 'four element' theory, and his characterisation of the class nature of language. The problem is, however, that Marr's ideas are often taken in isolation, as if they were simply the product of a fervid imagination rather than the somewhat extravagant extrapolation of the critique of the entanglement of oriental scholarship and philology with the colonial agendas of European powers that had been developed in St. Petersburg towards the end of the Imperial period. Indeed, one can find most of Marr's propositions already anticipated in the work of Petersburg orientalists, philologists and linguists before the Revolution of 1917.

The Rozen School of Orientalism (Bartol'd, Ol'denburg and Marr) developed a critique of British and French oriental studies for being developed in the service of their respective states' imperial policies. Meanwhile Baudouin de Courtenay questioned the ideological motivation behind the valorisation of dead, written languages like Sanskrit, and Veselovskii criticized the way in which the search for Indo-European origins for literary plots and motifs presented a cultural hierarchy that obscured the contribution of subject peoples and the common developmental patterns of humanity as such. Combining positivist narratives of the rise of scientific thinking from primitive myth, and a *völkerpsychologische* approach to cultural pluralism, these thinkers provided important insights into the ideological motivations of much Western philology. In the case of the orientalists, however, this served to justify the cause of, in the words of Bartol'd, 'the historical mission of Russia — to be the intermediary in the overland trade and cultural intercourse, between Europe and Asia'. Marr inherited much from these ideas and combined them with his own romantic ideas about the historical role of Caucasian cultures.

After 1917 the orientalists found influential positions in the new academic environment and particularly promoted Stalin's policy of *korenizatsiia* as defined in 1923. Marr increasingly tailored his writing to echo the anti-imperialist policies of the Party, and found a considerable amount of official support in return. Official indulgence and the response of Western linguists, especially German philologists, to his ideas led Marr to become ever more extreme in his claims about Indo-European linguistics. Generalising wildly about Indo-Europeanism Marr did little to validate his critique with evidence and younger opportunists exacerbated the worst aspects of Marr's often rambling and dishevelled works. However, within these texts one can find some of the first attempts to mark out a field that is today known as 'linguistic ideology', questioning such widely held dogmas as the identity of a single people and a single language, and examinations of the role that ideology plays in drawing not only the boundaries of national languages but also of academic disciplines.

Perhaps more significantly, however, is the fact that Marr strongly anticipates some of the central ideas of Edward Said's notion of 'orientalism'. Indeed, Vera Tolz has recently shown that there was a genetic link between them. Recent intellectual historians have revealed in the Indo-European philology of the late 19th and early 20th centuries, many of the ideological constructions that Marr claimed to be driving much scholarship of the time and the role such scholarship played in the justification of the imperial project. While not wishing to 'rehabilitate' Marr in any real sense — the absurdity of many of his propositions, and the destructiveness of Marrist ideas in Soviet linguistics are beyond doubt — this paper does suggest Marr's critique on Indo-European philology needs to be historicised in a more substantial sense than has generally been the case.

Selected references:

- Bartol'd 1963–77 — V. V. Bartol'd. *Sobranie sochinenii v 9 tomakh*. M., 1963–77.
 Boduen de Kurtene 1963 — I. A. Boduen de Kurtene (J. N. Baudouin de Courtenay). *Izbrannye trudy po obshchemu iazykoznaniiu*. M., 1963.
 McGetchin 2009 — D. T. McGetchin. *Indology, indomania and orientalism: Ancient India's rebirth in Modern Germany*. Madison, 2009.

- Marr 1933–1937 — N. Ia. Marr. Izbrannye raboty v 5 tomakh. M.; L., 1933–1937.
- Müller 1885 — F. Max Müller. Lectures on the Science of Language. London, 1885.
- Müller 1887 — F. Max Müller. The Science of Thought. London, 1887.
- Ol'denburg 1915 — S. F. Ol'denburg. "Ne dovol'no": K vos'midesiatletiiu Grigoriia Nikolaevicha Potanina 21 sentiabria 1915 goda // Russkaia mysl', 1. 1915. S. 1–11.
- Olender 1992 — M. Olender. The Languages of Paradise: Aryans and Semites, a Match Made in Heaven. New York, 1992.
- Said 1978/1995 — E. W. Said. Orientalism: Western Conceptions of the Orient. Harmondsworth, 1995.
- Tolz 2011 — V. Tolz. Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods. Oxford, 2011.
- Veselovskii 1908–1938 — A. N. Veselovskii. Sobranie sochinenii. T. 1–6, 8, 16. SPb.; M.; L., 1908–1938.
- Veselovskii 1940 — A. N. Veselovskii. Istoricheskaja poetika. L., 1940.

А. В. ВЕНЦОВ
Е. И. РИЕХАКАЙНЕН
Н. А. СЛЕПОКУРОВА
(СПбГУ)

ОТ ЛИНГВИСТИКИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ К ЛИНГВИСТИКЕ ПЕРЦЕПТИВНОЙ

Разработка функциональной модели восприятия речи, то есть того, как слушающий осуществляет «приписывание языковой структуры речевому сигналу» [Венцов, Касевич 1994/2003: 53] и переходит от цепочки звуков к смыслу сообщения, предполагает учет информации со всех уровней языковой системы. При этом задача исследователя заключается не только в описании структуры и единиц того или иного языкового уровня, но и в моделировании способов использования носителем языка информации, содержащейся в воспринимаемом им в данный момент речевом сигнале, для распознавания смысла сообщения.

Сведения о признаках акустического речевого сигнала, используемых носителем языка при его фонетической интерпретации, а также правила их применения, к сожалению, не могут быть получены из экспериментальных работ, проводимых исследователями-фонетистами. Носитель языка, в отличие от фонетиста-исследователя, не знает заранее ни фонетического (орфографического) описания воспринимаемого речевого сигнала, ни позиций ударных и безударных гласных (слов), ни позиций акцентно выделенных слов, ни положений «интонационных центров». Нет у него и эталонов (то есть средних значений), с которыми можно было бы сопоставлять текущие физические параметры речевого сигнала при принятии решений. В его распоряжении только результаты обработки сигнала периферией слуха и правила оценки этих результатов. Задача исследователя заключается в том, чтобы найти эти правила. При этом надо учитывать, что точность «измерения»

слуховой системой параметров речевого сигнала очевидным образом не совпадает с точностью их измерения инструментальными средствами.

Положения, которые будут обсуждаться в докладе, были сформулированы в ходе сплошного слухового и инструментального анализа большого массива записей устной русской речи, а также на основании результатов ряда перцептивных экспериментов, проведенных преподавателями и студентами Кафедры общего языкознания и сотрудниками Лаборатории моделирования речевой деятельности СПбГУ¹.

Наиболее важными, на наш взгляд, являются наблюдения, касающиеся вариативности акустического сигнала. В проанализированном материале встречается не только качественная и количественная редукция звуков, примеры которой (пусть и менее разнообразные и в меньшем объеме, чем в нашем материале) представлены в ряде работ по фонетике русской спонтанной речи [Земская 1979/2006; Фонетика спонтанной речи 1988; Богданова 2007 и др.], но и практически не описанное в теоретической лингвистике явление стяжения звуков на стыке словоформ (например, *тогда_это* [tagde+tə]², *изменить_свои* [izm'in'i+svy+] и др.). Это явление, характерное, по нашим данным, не только для спонтанной, но и для подготовленной речи, представляет большой интерес для перцептивной лингвистики, поскольку «стирает» границы между словами, что, однако, не мешает слушающему распознавать естественный речевой сигнал (подробнее см. об этом в: [Нигматулина 2013]).

Кроме того, полученные данные свидетельствуют о том, что качество гласных далеко не всегда соответствует теоретически предписываемому (например, *одеть* [ad'i+t'], *социально* [syce+l'ne] и др.). Тем не менее надежность восприятия спонтанной речи от этого также не страдает. Следовательно, при восприятии речи в процессе лексического поиска в ментальном словаре носитель языка может ограничиться знанием консонантного скелета словоформы и констатацией факта наличия гласных без точной оценки их фонетического качества.

В спонтанной речи нередко происходит искажение «словарной» ритмической структуры словоформ из-за выпадения слогов (даже ударных), а также перцептивной выделенности (ударности) исходно безударных слогов (например, *было* [blo], *моей* [maj] и др.). На основе данного наблюдения можно предположить, что в процессе лексического поиска слушатель может обходиться и без информации о месте словесного ударения.

В пользу двух последних выводов свидетельствует и тот факт, что более 80 % словоформ с нейтрализованным качеством гласных и снятым словесным ударением имеют единственное лексическое решение в частотном словаре словоформ Корпуса русского литературного языка (URL: <http://www.narusco.ru>).

¹ Исследования осуществляются при поддержке грантов РФФИ № 09-06-00244-а, № 13-06-00374 А и гранта Президента Российской Федерации для молодых российских ученых МК-3646-2013-6.

² Знак «+» в транскрипции указывает на ударность предшествующего гласного.

Все упомянутые наблюдения, хотя и относятся в первую очередь к акустико-фонетическому описанию естественной звучащей речи, неразрывно связаны с одним из ключевых понятий любой модели восприятия речи, а именно с описанием того, что собой представляет ментальный лексикон слушающего и каким образом носитель языка извлекает из него необходимую информацию в процессе распознавания речи.

Результаты многочисленных экспериментов на материале русского языка свидетельствуют о том, что единицей ментального лексикона слушающего является не лексема, а словоформа (см., например, [Венцов, Касевич, Ягунова 2003; Риехакайнен 2010 и др.]). Единицы ментального лексикона связаны друг с другом многомерными связями (на основе фонетического сходства, общности морфологических и словообразовательных параметров, реализующихся синтаксических и семантических связей и т. п.), сила которых определяется тем, насколько часто та или иная связь реализуется в речи. Синтаксические связи глагольных форм можно, по-видимому, описать через принятое в теоретической лингвистике понятие валентности. При этом несколько снисходительное отношение к сирконстантам в череде глагольных валентностей едва ли рационально с точки зрения процедур восприятия речи. Логичнее допустить, что все глаголы изначально имеют одинаковое количество валентностей, но не у всех они полностью реализуются. В структуре ментального лексикона валентности могут быть отражены в связях конкретного глагола с полями лексикона, заполненными соответствующими лексическими формами (например, валентность «куда?» будет иметь связи с полями наречий (*далеко, домой*) и с предложными формами с винительным (*на стол, в поле*) или дательным (*к дому, к школе*) падежом). Элементы лексикона, связанные регулярным употреблением в одной и той же, постоянно воспроизводящейся последовательности и, соответственно, неизбежной семантизацией этой последовательности, образуют так называемые конструкции, являющиеся одним из ключевых понятий современного синтаксиса [Fillmore, Kay 1997; Croft 2001; Goldberg 2006; Лингвистика конструкций 2010].

Таким образом, перцептивная лингвистика не может и не должна полностью абстрагироваться от лингвистики теоретической, хотя бы в силу частичного совпадения терминологического аппарата. Показательно, например, что один из важнейших постулатов сосюрдовской теории — свойство линейности знака — абсолютный статус обретает именно в рамках перцептивного подхода. Однако принципиальное отличие задач перцептивной лингвистики от задач теоретического языкознания обуславливает необходимость более тщательного анализа, корректировки или даже пересмотра ряда терминов и положений теоретической лингвистики. В частности, как показывают рассматриваемые в докладе примеры, при описании восприятия естественной звучащей речи оказывается невозможным анализировать каждый из уровней языковой системы отдельно: переход от плана выражения к плану содержания в процессе восприятия речи происходит без доступной измерению временной задержки, связи между единицами ментального лексикона формируются на основе информации, поступающей со всех уровней языковой системы. Можно

предполагать, что процесс формирования и пополнения словаря на ранних стадиях усвоения языка в онтогенезе неизбежно идет по схеме «снизу-вверх», в то же время эффективность системы восприятия речи «зрелого» носителя языка, безусловно, должна обеспечиваться взаимодействием обеих схем: «снизу-вверх» и «сверху-вниз».

Из сказанного вытекает, что принципиальной методологической основой перцептивной лингвистики как одной из ипостасей лингвистики когнитивной является функциональное моделирование системы восприятия речи, поскольку только таким способом могут быть исследованы все уровни ментального лексикона и система связей между ними и внутри каждого из них.

Литература

- Богданова 2007 — Н. В. Богданова. Аллегривые формы русской речи как источник пополнения современного лексикона // Фонетика сегодня: Материалы докладов и сообщений V международной научной конференции 8–10 октября 2007 года. М., 2007. С. 23–26.
- Венцов, Касевич 1994/2003 — А. В. Венцов, В. Б. Касевич. Проблемы восприятия речи. Изд. 2-ое. М., 2003.
- Венцов, Касевич, Ягунова 2003 — А. В. Венцов, В. Б. Касевич, Е. В. Ягунова. Корпус русского языка и восприятие речи // Научно-техническая информация. Сер. 2: Информационные процессы и системы. 2003. № 6. С. 25–32.
- Земская 1979/2006 — Е. А. Земская. Русская разговорная речь: Лингвистический анализ и проблемы обучения. Изд. 4-ое. М., 2006.
- Лингвистика конструкций 2010 — Е. В. Рахилина (отв. ред.). Лингвистика конструкций. М., 2010.
- Нигматулина 2013 — Ю. О. Нигматулина. Стяжение звуков в спонтанной и подготовленной русской речи. Выпускная квалификационная работа магистра лингвистики. СПб., 2013.
- Риехаккайнен 2010 — Е. И. Риехаккайнен. Взаимодействие контекстной предсказуемости и частотности в процессе восприятия спонтанной речи (на материале русского языка). Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2010.
- Фонетика спонтанной речи 1988 — Н. Д. Светозарова (ред.). Фонетика спонтанной речи. Л., 1988.
- Croft 2001 — W. Croft. Radical Construction Grammar: Syntactic theory in typological perspective. Oxford, 2001.
- Fillmore, Kay 1997 — Ch. J. Fillmore, P. Kay. Berkeley Construction Grammar Textbook. 1997.
- Goldberg 2006 — A. Goldberg. Constructions at Work: The Nature of Generalization in Grammar. Oxford, 2006.

М. Д. ВОЕЙКОВА
(ИЛИ РАН — СПбГУ)

НАСКОЛЬКО РАНО ПРОЯВЛЯЕТСЯ ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА: ВИД В ИМПЕРАТИВЕ У РУССКИХ ДЕТЕЙ

1. Дети творчески перерабатывают ту языковую информацию, которую они получают от взрослых собеседников и на этой основе строят собственную языковую систему. При этом некоторые процессы можно считать универсальными, а некоторые с самого раннего возраста отмечены языковым

своеобразием, связанным с типологическими особенностями первого языка ребенка. Дети опираются на речь взрослых, вернее, на ее особую разновидность, так называемый «регистр общения с детьми» (РОД) [Гаврилова 2002]. Таким образом, исследователю необходимо принимать во внимание три разновидности русской речи — устную разговорную речь, речь, обращенную к ребенку, и речь самого ребенка. Эти три разновидности разговорной речи в разной степени проявляют типологические особенности русского языка, причем морфологические системы имен и глаголов также могут демонстрировать разную степень типологического своеобразия.

Первые результаты сравнения по отдельным языкам были получены в рамках международного проекта «Ранние стадии развития морфологии у детей» [Dressler 2005; Laaha, Gillis 2007]. Обследование показало, что 1) в разговорной речи наблюдается семантическая специализация, которая приводит к тому, что большинство слов употребляется лишь в ограниченном наборе форм, 2) такая специализация особенно характерна для речи взрослых, обращенной к ребенку, 3) по многим количественным показателям существуют значительные расхождения между формами русских имен существительных и глаголов.

В связи с этим возникает вопрос о том, какие именно морфологические категории обнаруживают типологическую специфику с самого начала своего появления в речи ребенка, а какие, наоборот, маскируют ее и демонстрируют универсальные черты, лишь впоследствии развивая индивидуальное своеобразие.

2. Так, одушевленные существительные чаще встречаются в им. падеже, а неодушевленные по меньшей мере так же часто выступают и в форме вин. падежа; названия контейнеров и поверхностей могут принимать форму предложного падежа и т. д. Иными словами, в разговорной речи встречаются не все падежно-числовые формы имен существительных, а всего лишь 2–4 такие формы. По показателю среднего размера парадигмы реально зафиксированные образцы разговорной речи носителей разных языков различаются намного меньше, чем литературно-письменные варианты тех же языков. Речь, обращенная к детям, еще более гомогенна, а речь самих детей практически идентична [Stephany, Voeikova 2009]. Однако мы наблюдали существенные различия по времени появления первых падежных противопоставлений у детей, связанные с типологическими особенностями их родных языков [Voeikova 2002].

Парадигма глагола в этом отношении не демонстрирует такого резкого различия по регистрам. Данные разных языков практически совпадают и по времени появления первых глагольных оппозиций, и по составу глагольных форм, употребляемых детьми, взрослыми и взрослыми по отношению к детям. Лично-числовая парадигма глагола, устроенная более универсально по сравнению с парадигмой падежа и числа, оказывается более гомогенной и в процессе употребления и усвоения.

3. Значительное типологическое своеобразие в системе глагола наблюдается лишь в той ее части, которая связана с выбором видовых форм. Так, в императиве в речи, обращенной к ребенку, в русском языке с самого начала

употребляются обе формы вида, в то время как в греческом НСВ практически не встречается [Stephany, Voeikova (в печати)]. Вид глагола, являющийся специфической грамматической категорией славянских языков, таким образом, с самого начала противопоставлен более универсальным категориям времени и лица по способу усвоения. Видовое противопоставление задается в инпите с самого начала, однако наполняется функциональным содержанием лишь ко второму-третьему году жизни ребенка.

Литература

Гаврилова 2002 — Т. О. Гаврилова. Регистр общения с детьми: структурный и социолингвистический аспекты (на материале русского языка). Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2002.

Dressler 2005 — W. U. Dressler. Morphological typology and first language acquisition: some mutual challenges // G. Booij et al. (eds.). Morphology and Linguistic Typology, On-line Proceedings of the Fourth Mediterranean Morphology Meeting (MMM4) Catania 21–23 September 2003. (URL <http://mmm.lingue.unibo.it/mmm-proc/MMM4/007-020-Dressler-MMM4.pdf>)

Laaha, Gillis 2007 — S. Laaha, S. Gillis (eds.). Typological perspectives on the acquisition of noun and verb morphology [= Antwerp Papers in Linguistics 112]. Antwerp, 2007.

Stephany, Voeikova 2009 — U. Stephany, M. D. Voeikova (eds.). Development of nominal inflection in first language acquisition: A cross-linguistic perspective. SOLA 30. Berlin; NY, 2009.

Stephany, Voeikova (в печати) — U. Stephany, M. D. Voeikova. Requests, a fundamental communicative motive: Their meanings and aspectual forms in early Greek and Russian child language.

Voeikova 2002 — M. D. Voeikova. The acquisition of case in typologically different languages // M. D. Voeikova, W. U. Dressler (eds.) Pre- and protomorphology: early phases of morphological development in nouns and verbs. LINCOM Studies in Theoretical Linguistics 29. München, 2002. P. 25–44.

А. Х. ГИРФАНОВА
(СПбГУ)

КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЯ В ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКАХ

В последнее время в лингвистической науке все меньше внимания уделяется собственно грамматическим вопросам. Но это не означает, что все проблемы давно решены. Так, категория наклонения в тунгусо-маньчжурских языках до сих пор удовлетворительно еще не описана. В описательных и теоретических грамматиках разных языков наклонение обычно рассматривается в связи с категорией времени. Некоторые исследователи объединяют обе категории в одну — (*времени-наклонения*). Другие, не отрицая тесной связи между ними, полагают, что для выяснения истории их развития необходимо рассматривать каждую из них отдельно.

Например, А. М. Пешковский считал, что время и наклонение одинаково соотносятся со связью между предметом и признаком, которая устанавливается формами согласования глагола с существительным в именительном падеже. При этом *наклонение* детерминирует отношение говорящего к реальности этой связи,

а *время* — ко времени ее проявления: «...обе категории, не обозначая отношений слов друг к другу, обозначают отношение самого говорящего к тем отношениям, которые он устанавливает между словами. Отношение к отношениям — вот в чем сущность этих категорий, и вот в чем немалая трудность их для анализа» [Пешковский 1914/1956: 87–88].

Дж. Лайонз определяет категорию наклонения «через отношение к классу «немаркированных» предложений (выделение мое. — *А. Г.*)», выражающих простую констатацию фактов. Такие предложения, по его мнению, лишены модальности, под которой автор понимает грамматически выраженное «отношение» говорящего к содержанию высказывания [Лайонз 1978: 324–326].

Р. О. Якобсон определяет наклонение как характеризующую «отношения между сообщаемым фактом и его участниками в связи с участниками факта сообщения». По его терминологии, это коннекторная шифтерная категория [Якобсон 1972: 101].

«...[К]ритерий реальности / нереальности действия не дает исчерпывающего объяснения сложного содержания глагольных наклонений» [Сабанеева 1984: 13], и в ряде языков выделяются наклонения, не связанные с таким критерием (например, в современном французском употребление субжонктива в придаточных предложениях не всегда зависит от точки зрения говорящего) [Там же].

В *тюркских языках* тесная связь категории наклонения и времени объясняется их былой генетической общностью, поскольку в основе соответствующих форм лежат одни и те же причастия (напр., см.: [Гаджиева 1961: 201]). Как известно, «категории наклонения и времени в тюркских языках выражаются единой синкретичной формой...» [Баскаков 1971: 75].

Применительно к *тунгусо-маньчжурским языкам* число выделяемых исследователями для одного и того же языка наклонений, как и их состав, могут значительно варьировать.

Так, для *эвенкийского* Г. М. Василевич выделяет пять наклонений. Кроме того, выделяются условные и сослагательные формы глагола. При этом считается, что в эвенкийском языке глаголом «...являются формы Повелительного наклонения. Все остальные наклонения являются именными глагольными формами в Именительном падеже с лично-притяжательными суффиксами, через функцию сказуемого принимающие значения глагола» [Василевич 1940: 91]. О. А. Константинова для того же эвенкийского языка выделяет шесть наклонений [Константинова 1968: 78]. В другой работе по эвенкийскому языку выделяются уже девять наклонений [Лебедева и др. 1985].

Аналогичный разброс мнений можно обнаружить в исследованиях по *нанайскому языку* (ср.: [Петрова 1935] — три наклонения; [Аврорин 1961, II: 101] — шесть, причем индикатив отсутствует!).

В одной из последних работ В. А. Аврорина по нанайскому языку в перечне глагольных наклонений приводится изъявительное наклонение с уточнением в скобках — утвердительное [Аврорин 1968: 141].

Число наклонений, выделяемых разными авторами в одном и том же языке, может значительно варьироваться, прежде всего, в связи с расхождениями в

понимании их семантики. И положение в тунгусо-маньчжуроведении в этом отношении не является уникальным. В грамматиках тюркских языков, например, также выделяется самое разное число наклонений.

Литература

- Аврорин 1968 — В. А. Аврорин. Нанайский язык // Языки народов СССР в 5 т. Т. 5. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., 1968. С. 129–148.
- Баскаков 1971 — Н. А. Баскаков. Структура и история тюркских языков. М., 1971. С. 72–80.
- Василевич 1940 — Г. М. Василевич. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1940.
- Гаджиева 1961 — Н. З. Гаджиева. Категория долженствовательного наклонения в азербайджанском языке // Вопросы составления описательных грамматик. М., 1961. С. 201–210.
- Константинова 1968 — О. А. Константинова. Эвенкийский язык. Фонетика, морфология. М.—Л., 1964.
- Лайонз 1978 — Дж. Лайонз. Введение в теоретическую лингвистику (Пер. с английского). М., 1978.
- Лебедева и др. 1985 — Е. П. Лебедева, О. А. Константинова, И. В. Монахова. Эвенкийский язык. Учебное пособие для педагогических училищ. Изд. 3-е, испр. Л., 1985.
- Петрова 1935 — Т. И. Петрова. Краткий нанайско-русский словарь (с приложением грамматического очерка). Л., 1935.
- Пешковский 1914/1956 — А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. М., 1956.
- Сабанеева 1984 — М. К. Сабанеева. Функциональный анализ наклонений в современном французском языке. Учебное пособие. Л., 1984.
- Якобсон 1972 — Р. О. Якобсон. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического описания языков различного строя. М., 1972. С. 95–113.

А. А. ГОРБОВ
(СПбГУ)

РОЛЬ СЕМАНТИЧЕСКОГО КАЛЬКИРОВАНИЯ В ВОСПОЛНЕНИИ ДЕФЕКТНЫХ ЧИСЛОВЫХ ПАРАДИГМ ОТВЛЕЧЕННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ РУБЕЖА XX–XXI ВЕКОВ

В русском языке (РЯ) конца XX — начала XXI века практически во всех сферах функционирования многие отвлеченные имена существительные все чаще употребляются в формах мн. ч. в таких контекстах, где еще в 1970-е–1980-е гг. использовались исключительно либо формы ед. ч. того же слова, либо словоформы другой лексики. Например, в текстах, созданных в начале XXI в., нередко встречаются коллокации типа *макроэкономические **обеспокоенности**, полномочия и **ответственности** государства, разработка региональных и локальных **политик**, преимущества дополнительных **сервисов**, повысить объемы **продаж**, потребительские **практики*** и т. п., ср.:

- (1) *Наша задача заключается в том, чтобы с цифрами в руках снять эти озабоченности* (Выступление Президента РФ В. Путина // Комсомольская правда, 2001.10.31) [НКРЯ¹].

В словаре [Ушаков 1935–1940] все существительные, употребленные в приведенных коллокациях в формах мн. ч., снабжены пометой «*мн. нет*». При этом употребление этих существительных в форме мн. ч. не вызывает ощущения какой-либо неправильности, отклонения от нормы или исключительности, связанной с особой экспрессивностью.

Как показал подробный анализ употребления форм мн. ч. лексем *риск* и *продажа*, проведенный в статье [Горбов (в печати)], на протяжении XX века выделяются три основных периода эволюции числовых парадигм этих существительных. Первый период — приблизительно до середины 1920-х гг. — характеризуется наличием у обеих лексем полных парадигм переходного типа: формы мн. ч. употреблялись в текстах разных сфер функционирования и типов, однако доля этих форм была незначительной и составляла от 1 до 4 %. Во второй период — с середины 1920-х до конца 1980-х или начала 1990-х гг. — этот показатель приближается к нулю, числовые парадигмы утрачивают реальную полноту, и рассматриваемые лексемы перемещаются в разряд «*singularia tantum*». Начало третьего периода, который продолжается по настоящее время, ознаменовалось не только возвращением форм мн. ч. в узус, но и резким увеличением в 1990-е гг. доли их употребления до величин (по данным НКРЯ, свыше 35 % в текстах, созданных в 2001–2005 гг.), однозначно свидетельствующих о наличии у рассматриваемых существительных реально полных числовых парадигм.

Следует отметить, что подавляющее большинство употреблений форм мн. ч. лексемы *продажа* приходится на случаи реализации ею значений ‘сбыт продукции как направление коммерческой деятельности’ и ‘количество проданных товаров, объем товарооборота’, не зафиксированных в толковых словарях русского языка и появившихся у данной лексемы в результате семантического калькирования с английского языка, где именно эти значения, реализуются только формой мн. ч. *sales*, что специально отмечается в английских толковых словарях (см., напр. [Oxford]). Таким образом, в данном случае восполнение числовой парадигмы происходит не в последнюю очередь за счет новых значений, появившихся в русском языке у лексемы *продажа* (а точнее, лишь у ее форм мн. ч.) в последние три десятилетия в результате калькирования.

В принципе аналогичная ситуация наблюдается также с формами мн. ч. лексем *озабоченность* и *практика*, отсутствующими в текстах, созданных ранее середины 1990-х гг. (по данным НКРЯ). В последнее десятилетие XX в. в существительное *озабоченность* помимо ранее имевшегося у него значения ‘свойство или состояние по знач. прил. *озабоченный*’ [Евгеньева 1986] в результате семантического калькирования с англ. *concern* (словарного

¹ Национальный корпус русского языка: <http://www.ruscorpora.ru/>

переводного эквивалента русского существительного *озабоченность* в указанном значении) приобрело также новое значение — ‘проблема, вызывающая особую тревогу’. В таком значении существительное *озабоченность* является исчисляемым и употребляется прежде всего в текстах, посвященных вопросам международных отношений, однако в настоящее время такое употребление уже вышло за рамки дипломатического дискурса и стало частотным в текстах широкой общественно-политической тематики, ср.:

- (2) *Я в целом знаком, мне докладывали и о тех проблемах и озабоченностях, которые вас волнуют сегодня* (Встреча В. В. Путина с жителями Беслана. Обобщение // РИА Новости, 2005.09.02) [НКРЯ].

Существительное *практика* также получает полную парадигму, становясь исчисляемым в новом значении ‘обычный способ поведения или выполнения каких-л. действий или процедур’, например, в коллокациях *потребительские практики*, *эзотерические практики* и т. п., ср.:

- (3) *Образцовый пример неразрывно символического и экономического смысла обладания культурными благами — потребительские практики высших слоев (аристократии, крупной буржуазии) во Франции* [НКРЯ].

Данное значение также является результатом семантического калькирования с английского переводного эквивалента *practice*, имеющего в соответствующем значении (‘the customary, habitual, or expected procedure or way of doing of something’ [Oxford]) полную числовую парадигму.

Таким образом, семантическое калькирование, расширяя спектр значений имеющихся в русском языке слов (речь не идет о пополнении словаря новыми лексемами, поскольку в этих случаях между новыми и существующими значениями легко устанавливается семантическая связь), является фактором, способствующим восполнению дефектных числовых парадигм абстрактных существительных в русском языке.

Литература

- Горбов (в печати) — А. А. Горбов. Числовые парадигмы абстрактных существительных в русском языке XX века: тенденции развития и влияние английского языка // *Russian Linguistics*. Vol. 38. Issue 1 (в печати).
- Евгеньева 1986 — А. П. Евгеньева (ред.). Словарь русского языка в 4 т. Т. 2. М., 1986.
- Ушаков 1935 — Д. Н. Ушаков (ред.). Толковый словарь русского языка в 4 т. М., 1935–1940.
- Oxford — Oxford dictionaries (URL: <http://oxforddictionaries.com>).

ВОПРОСЫ МОРФЕМИКИ В ТРУДАХ Ю. С. МАСЛОВА: ДОСТИЖЕНИЯ И НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Вопросы морфемки занимают видное место в научном наследии Ю. С. Маслова. В статьях разных лет, посвященных этим вопросам, рассматриваются фундаментальные вопросы этой области морфологии, среди которых центральное место занимают не потерявшие актуальности по сей день проблемы определения морфемы и ее статуса как языкового знака. В концентрированном выражении представления Ю. С. Маслова о морфемном уровне языка нашли отражение в учебнике «Введение в языкознание» [Маслов 1975; 1987; 1997; 2005], где они имеют вид целостной концепции.

Проблемы морфемки, которые рассматривает Ю. С. Маслов в своих работах, можно условно разделить на две группы: вопросы, получившие в настоящее время «каноническое» решение, и вопросы, по-прежнему носящие остро дискуссионный характер.

К первой группе относится вопрос о знаковом характере морфемы. В статьях «Какие языковые единицы целесообразно считать знаками» [Маслов 1967а] и «Знаковая теория языка» [Маслов 1967б] Ю. С. Маслов, возражая А. А. Реформатскому, утверждавшему, что «знак не имеет значения», и считавшему языковыми знаками прежде всего фонемы и графемы [Реформатский 1960: 18–19; 1996: 27–28], подробно и аргументировано обосновывает понимание морфемы как минимальной значащей единицы языка¹. Отражение именно такого понимания морфемы в учебнике [Маслов 1975; 1987; 1997; 2005], официально допущенном в качестве такового для студентов филологических специальностей ВУЗов страны, оказало огромное позитивное воздействие на содержание обучения отечественных лингвистов.

К неоспоримым заслугам Ю. С. Маслова следует отнести и решение вопроса об объеме и содержании понятия морфема, предложенное им в статье «О некоторых расхождениях в понимании термина „морфема“» [Маслов 1961] в результате анализа разнообразных концепций, представленных в отечественной и зарубежной лингвистике и актуальных в середине XX века. Необходимо отметить научное предвидение Ю. С. Маслова, предложившего то решение об объеме понятия *морфема*, которое в современной лингвистике является общепринятым: морфемой предлагается называть любую минимальную значащую единицу языка. Такое понимание морфемы представлено и в учебнике «Введение в языкознание»: морфемой называется единица языка, «в которой

¹ Особняком стоит концепция И. А. Мельчука, в рамках которой морфемой называется не абстрактный языковой знак, а множество морф (элементарных сегментных знаков), принадлежащих к одному и тому же классу (либо корней, либо аффиксов) имеющих тождественное означаемое [Мельчук 2001: 229–231].

1) за определенным экспонентом закреплено то или иное содержание и которая
2) неделима на более простые единицы, обладающие тем же свойством» [Маслов 1987: 131].

При этом, однако, до сих пор не имеют общепринятого решения и вызывают серьезные разногласия лингвистов следующие важные вопросы: 1) может ли экспонент морфемы быть несегментным (имеются в виду не нулевые сегменты, а супрасегментные сущности или операции); 2) может ли планом содержания морфемы быть не значение, а некая «формальная функция» или значимость.

По первому вопросу позиция Ю. С. Маслова менялась от признания морфемами только сегментных языковых знаков ввиду требования линейной выделимости в статье «О некоторых расхождениях в понимании термина „морфема“» [Маслов 1961: 152] до их включения в число морфем в статье «К семантической типологии морфем» [Маслов 1978: 5] и учебнике «Введение в языкознание», где имеется специальный раздел «Нулевые морфемы и морфемы-операции» [Маслов 1987: 139–143]. Такая точка зрения разделяется не всеми лингвистами. В частности, В. Б. Касевич считает рассмотрение операций в качестве экспонентов морфем невозможным ввиду требования обязательной линейности экспонента любого знака [Касевич 2006: 488]. Однако отказ Ю. С. Маслова от этого требования представляется все же вполне логичным, поскольку неясно, по какой причине план выражения морфемы обязательно должен быть линейным. Как справедливо замечает В. А. Плунгян, «функциональная эквивалентность сегментных и несегментных средств отчетливо проявляется в языковых системах; вполне естественно поэтому и об операциях говорить как о морфемах» [Плунгян 2003: 69–70].

Вопросу о плане содержания морфемы посвящена статья «К семантической типологии морфем» [Маслов 1978: 6–7], в которой означаемое морфем подразделяется на «собственно семантические функции» и «служебно-семантические функции» (характерно, что речь здесь идет даже не о значении, а о функциях). По мнению Ю. С. Маслова, «значение морфемы может исчерпываться специфической внутрикодовой информацией»: указанием «на тип склонения или спряжения, на факт подчиненности одного слова другому» [Там же]. В число морфем, план содержания которых сводится к выполнению служебной функции, входят, с его точки зрения, элементы, относимые к разрядам «формально-структурных» и «формально-классифицирующих» аффиксов — соединительные гласные и согласные (интерфиксы), тематические гласные — показатели типа спряжения и т. п. Причиной такого решения является, с одной стороны, четкая формальная выделимость соответствующих сегментов, с другой стороны — законное стремление сохранить понимание морфемы как двусторонней единицы языка при очевидной трудности приписания значения выделенным сегментам. Ю. С. Маслов возражает против оппозиции «морфема — асемантема» и считает, что «здесь не два резко противопоставленных класса, а один класс с двумя полюсами, между которыми имеется ряд постепенных переходов» [Там же: 14]. Такая позиция является более приемлемой в сравнении с концепциями,

фактически отказывающими морфеме в обязательном наличии означаемого и его тождестве в различных контекстах, ср. [Богданов 1983; Кузнецова 1986].

Критикуя концепцию Ю. С. Маслова, А. Н. Тихонов утверждает, что «в этом случае понятие „значение“ лишается собственного смысла, оно подменяется содержанием другого понятия — „значимость“» [Тихонов 1971: 48]. Упрек, по нашему мнению, несправедлив. Значение знака — это его означаемое, оно целиком принадлежит плану содержания, значимость же единицы основана на тождествах и различиях как в плане содержания, если таковой у нее имеется, так и в плане выражения. Значение есть у знака или сочетания знаков; значимость свойственна любой языковой единице как элементу системы, в том числе и фонеме. Можно признавать выполнение сегментом служебно-семантической функции такой степенью семантизации, какая достаточна для его морфемного статуса, или не признавать этого, то есть считать морфемами только сегменты, выполняющие какую-либо собственно семантическую функцию, но отождествлять любую внутрикодovou информацию со значимостью неверно.

Гораздо более спорным в концепции Ю. С. Маслова является смешение значения и функции. Справедливым представляется замечание В. Б. Касевича «о сомнительности положений о структурном значении и о приравнивании значения функции: определить понятие «структурное „значение“ едва ли возможно, а допущение функциональности, тождественной семантичности, означает расслоение общего класса морфем на две чуждые друг другу категории — имеющие значение и функции и обладающие только функциями» [Касевич 2006: 484].

Из положения о морфемах со структурно-семантической функцией вытекает еще несколько трудностей. Для сегментации, с одной стороны, предоставляется невиданная свобода, с другой — возникает проблема тех сегментов, которые Ю. С. Маслов называет морфотмемами [Маслов 1967в: 29], то есть единицами уровня, промежуточного между фонемным и морфемным. К последним он относит, например /gu/, /k/, /k'/ и /č/ в словах *рука*, *руке*, *ручной*. Ю. С. Маслов считает, что хотя отдельные члены ряда чередующихся фонем «в какой-то степени связываются с определенными образованиями», но они обнаруживают «столь слабую, близкую к нулю степень семантизации, что их невозможно признать морфемами» [Там же: 28]. С нашей точки зрения, требуется критерий, отделяющий такие «морфотмемы» от морфем, значение которых сводится к «служебно-семантической функции». Трудность для идентификации состоит в том, что грань между полисемией и омонимией, достаточно размытая даже у морфем с собственно семантической функцией, у морфем со «служебно-семантической функцией» стирается еще сильнее.

Таким образом, труды Ю. С. Маслова по вопросам морфематики во многом предопределили современное состояние этой области языкознания как в части решений, которые сегодня являются общепризнанными, так и в части проблем, требующих решения для дальнейшего продвижения лингвистики к необходимой стандартизации базовых понятий.

Литература

- Богданов 1983 — С. И. Богданов. О трех этапах морфемной сегментации словоформ // Спорные вопросы русского языкознания: Теория и практика. Л., 1983. С. 160–170.
- Касевич 2006 — В. Б. Касевич. Труды по языкознанию в 2 т.: Т. 1. СПб., 2006.
- Кузнецова 1986 — А. И. Кузнецова. Принципы морфемного анализа и построение словаря морфем // А. И. Кузнецова, Т. Ф. Ефремова. Словарь морфем русского языка. М., 1986. С. 3–19.
- Маслов 1961 — Ю. С. Маслов. О некоторых расхождениях в понимании термина «морфема» // Учен. зап. ЛГУ. № 301. Сер. филол. наук. Вып. 60. Проблемы языкознания: Сб. в честь акад. И. И. Мещанинова. Л., 1961. С. 140–152.
- Маслов 1967а — Ю. С. Маслов. Какие языковые единицы целесообразно считать знаками? // Язык и мышление. М., 1967. С. 284–294.
- Маслов 1967б — Ю. С. Маслов. Знаковая теория языка // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Т. 354. Вопросы общего языкознания: Материалы респ. семинара преподавателей общего языкознания. Л., 1967. С. 109–126.
- Маслов 1967в — Ю. С. Маслов. Промежуточные уровни в структуре языка // К. П. Филин (отв. ред.). Проблемы языкознания. М., 1967. С. 27–30.
- Маслов 1975 — Ю. С. Маслов. Введение в языкознание. М., 1975.
- Маслов 1987 — Ю. С. Маслов. К семантической типологии морфем // Русский язык: Вопросы его истории и современ. состояния. Виноградовские чтения I–VIII. М., 1978. С. 5–18.
- Маслов 1987 — Ю. С. Маслов. Введение в языкознание. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1987.
- Маслов 1997 — Ю. С. Маслов. Введение в языкознание. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1997.
- Маслов 2005 — Ю. С. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. Изд. 4-е, стер. М., 2005.
- Мельчук 2001 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. IV. М.; Вена, 2001.
- Плунгян 2003 — В. А. Плунгян. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2003.
- Реформатский 1960 — А. А. Реформатский. Введение в языковедение. Изд. 3-е. М., 1960.
- Реформатский 1996 — А. А. Реформатский. Введение в языковедение. М., 1996.
- Тихонов 1971 — А. Н. Тихонов. Морфема как значимая часть слова // Филологические науки. 1971. № 6. С. 39–52.

Е. В. ГОРБОВА
(СПбГУ)

ОБЩАЯ АСПЕКТОЛОГИЯ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Доклад посвящен краткому обзору концепций общей, то есть типологически ориентированной, аспектологии с момента формулировки ее основных положений в 70-ые гг. XX века и до настоящего момента. По причинам жанровых ограничений за пределами рассмотрения останутся направления современной аспектологии, имеющие несколько более частный характер: теория лексического аспекта (и композиция акциональности), а также когнитивный и генеративный подходы к приставочной перфективации.

I. Формулирование основных положений общей аспектологии относится к концу 70-х — первой половине 80-х гг. XX века и связано с именами Юрия Сергеевича Маслова (СПбГУ), Бернарда Комри (Кембриджский университет) и Эстена Даля (Стокгольмский университет). Эти положения были отражены в [Маслов 1978; 1984; Comrie 1976; Dahl 1985]. Отметим, что разработка теории связана, как представляется, именно с работами Ю. С. Маслова и Б. Комри, а этапная книга Э. Даля в первую очередь дала новый метод исследования —

работа с информантами, носителями разноструктурных языков, в рамках единой анкеты. Но книгу Э. Даля можно рассматривать и как развитие идей межъязыкового сопоставления аспектуальности в разноструктурных языках, одну из первых работ в рамках так называемого подхода Байби-Даля, репрезентируемого работами [Dahl 1985; Bybee 1985; Dahl (ed.) 2000].

Остановимся на сходствах и различиях в подходах Ю. С. Маслова и Б. Комри. Оба автора едины в том, что категория вида имеет семантическую основу: показ того, «как протекает во времени или как распределяется по времени» (А. М. Пешковский) обозначенное глаголом «действие» [Маслов 1984, 2004: 23] и «aspects are different ways of viewing the internal temporal constituency of a situation» [Comrie 1976: 3]. Оба признают наличие более одной возможности реализации данной семантики и, соответственно, существование в языке нескольких аспектуальных оппозиций, каждая из которых может иметь статус грамматической категории. Оба констатируют различия в средствах выражения аспектуальных граммем в разных языках (аффиксы, служебные слова), проводят разграничение категорий вида и времени, вида и таксиса; особое внимание уделяют скрытограмматической составляющей грамматической семантики (понятие внутреннего значения (*inherent meaning*) у Б. Комри и семантических оппозиций — динамики и статики, предельности и неопредельности, достижения предела и недостижения предела — у Ю. С. Маслова). С другой стороны, Ю. С. Маслов, в отличие от Б. Комри, особое внимание уделяет определению вида как грамматической категории, см. [Маслов 2004: 326–333].

Общаспектологическая концепция Маслова послужила отправной точкой для целого спектра направлений исследования: от изучения акциональности (лексического вида), начало чему было положено в [Маслов 1948], за девять лет до знаменитой работы Зено Вендлера [Vendler 1957/1967], до грамматики функционально-семантических полей (ФСП) А. В. Бондарко.

II. ФСП аспектуальности было первым детально описанным фрагментом функциональной грамматики в рамках Петербургской аспектологической школы, возглавляемой А. В. Бондарко, см. [ТФГ 1987]. ФСП аспектуальности также базируется на соответствующей семантической зоне (категории аспектуальности), в чем и состоит преимущество этого подхода по отношению к подходу Ю. С. Маслова и Б. Комри. Однако главный упор здесь сделан на всестороннее описание разноуровневых языковых средств (морфологических, синтаксических, лексико-грамматических, лексических), в выражении данной семантики участвующих. Основные положения этой версии функциональной грамматики описаны в [ТФГ 1987; Бондарко 1983; 2002; 2011].

III. Двухкомпонентная теория вида, разработанная Карлотой Смит [Smith 1991/1997; Смит 1998], была предложена в качестве концепции, отличающейся «системным подходом к виду»: «[т]акой подход предполагает общую, относящуюся к Универсальной Грамматике схему аспектуальных систем и категорий, допуская при этом вариации, свойственные конкретным языкам» [Смит 1998: 406].

Суть этой теории сводится к следующему. Речевые высказывания содержат аспектуальную информацию двух типов. Ракурсы — такие, как перфектив и

имперфектив, — отражают ситуацию, как объектив фотоаппарата, целиком или частично. Ситуационные типы — такие, как, например, событие и состояние — позволяют адресату понять характер ситуации, на которую «наводится объектив». Ракурс и ситуационный тип и являются двумя универсальными компонентами аспектуальных систем. Предложенная теория описывает принципиальное соотношение между ракурсом и ситуационным типом, охватывая синтаксис, семантику и прагматику аспекта [Смит 1998: 404].

Влияние контекста учитывается, хотя и не в качестве самостоятельного компонента, а в рамках понятий базового и производного уровня ситуационных типов. Идея о двух уровнях категоризации была заимствована из психологии. В ситуационных типах происходит сдвиг от категории базового уровня к производной категории именно под воздействием адвербиального контекста.

Концепция К. Смит предусматривает три основных ракурса, отсылающих к «семействам ракурсов в Универсальной Грамматике». Это перфективный ракурс, который «представляет ситуацию как нечто целое, имеющее начальную и конечную точки или границы»; имперфективный ракурс, представляющий «отрезок ситуации, не включая ее границы или конечные точки»; и нейтральный ракурс, он «представляет часть ситуации: одну из конечных точек и хотя бы один внутренний этап» [Смит 1998: 411]. Нейтральный ракурс охарактеризован как немаркированный, при нем «в предложении не содержится каких-либо аспектуальных морфем» [Там же]. Отметим, что без учета нейтрального ракурса, непосредственно не связанного с аспектуальными маркерами, мы получаем бинарное членение аспектуального пространства — на перфектив и имперфектив.

IV. Типологически ориентированная теория аспекта недавно была предложена в [Плунгян 2011: 376–422]. Аспектуальная семантическая зона определяется как «множество способов описания динамики ситуаций» [Там же: 489]. Аспектуальные граммы, или «грамматические атомы», входящие в универсальный грамматический набор (УГН), соотносят с «окном (или периодом) наблюдения» тот или иной фрагмент описываемой глагольным предикатом ситуации. Полная схема ситуации включает пять фрагментов: обрамляющие (подготовительную и результирующую) стадии и основные: начало, середину и финал. Граммы так называемого «первичного аспекта» призваны включать те или иные стадии в «окно наблюдения». К первичному аспекту относятся следующие показатели: проспектив (в «окне» — подготовительная стадия), результив (результирующая стадия), прогрессив и дуратив (срединная стадия у процессов и процессов совместно с состояниями соответственно), инцептив (начало), пунктив (недифференцированно начало или финал), комплетив (достижение финала), (де)лимитатив (вложенный в «окно наблюдения» фрагмент срединной стадии). Перфект трактуется как «ослабленный результив». «Первичному аспекту» сопоставляется «вторичный аспект», спецификой которого является преобразование исходной акциональной характеристики ситуации при помощи специального показателя. К показателям «вторичного аспекта» относятся: хабитуалис (обеспечивает стативизацию динамической ситуации),

мультипликатив (обеспечивает процессную интерпретацию моментативов), разного рода «ограничители» (bounders), типичными представителями которых являются глагольные приставки. Очень важную роль в данной концепции играет понятие аспектуального кластера — модели совмещения «грамматических атомов» УГН, в результате чего образуются полисемантические показатели. Как кластеры рассматриваются, в частности, такие известные в аспектологии граммемы, как славянский перфектив и имперфектив, романский имперфект и аорист, фактатив языков Западной и Центральной Африки, инкомплетив языков Океании и Юго-Восточной Азии.

Характерной чертой данной концепции является неприятие бинарного разбиения аспектуальной семантической зоны на перфективный и имперфективный «секторы», что противопоставляет ее, в частности, двухкомпонентной модели К. Смит.

Литература

- Бондарко 1983 — А. В. Бондарко. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
- Бондарко 2002 — А. В. Бондарко. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М., 2002.
- Бондарко 2011 — А. В. Бондарко. Категоризация в системе грамматики. М., 2011.
- Маслов 1948 — Ю. С. Маслов. Вид и лексическое значение глагола в русском литературном языке // Известия АН СССР, серия литературы и языка. Т. 7. 1948. С. 303–316.
- Маслов 1978 — Ю. С. Маслов. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978. С. 4–44.
- Маслов 1984 — Ю. С. Маслов. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Смит 1998 — К. С. Смит. Двухкомпонентная теория вида // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998. С. 404–422.
- ТФГ 1987 — Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
- Bybee 1985 — J. L. Bybee. Morphology: A study of the relation between meaning and form. Amsterdam, 1985.
- Comrie 1976 — B. Comrie. Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge, 1976.
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. Tense and aspect systems. Oxford, 1985.
- Smith 1991/1997 — C. Smith. The Parameter of Aspect. Dordrecht, 1997.
- Vendler 1957/1967 — Z. Vendler. Verbs and Times // The Philosophical Review 66, 1957; Linguistics in Philosophy. Ithaca; NY, 1967.

**«ЗЕРКАЛЬНЫЕ» ГЛАГОЛЬНЫЕ СВЯЗИ
В МЕНТАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ НОСИТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ «РУССКОГО АССОЦИАТИВНОГО СЛОВАРЯ»)**

Вопрос о направленности ассоциативных связей в теоретическом плане впервые был поставлен в статье Дж. Миллера [Miller 1969]. Параметр «направленность ассоциативных связей» неразрывно связан с вопросом о том, насколько симметрично (или асимметрично) соотношение в парах «стимул — реакция».

Предметом нашего исследования являются глагольные связи в структуре ментального лексикона. По данным Н. В. Уфимцевой, доля парадигматических реакций на стимулы глаголы составляет всего 19 % от числа всех реакций, тогда как 81 % приходится на синтагматические реакции [Уфимцева 1981]. Несмотря на то что в структуре ассоциативных связей глагольной лексики явно доминируют синтагматические отношения, интерес к глагольным парадигматическим связям в ментальном лексиконе достаточно устойчив [Венцов 2011; Риехакайнен 2013; Русакова, Сай 2008].

Цель нашего исследования заключалась в выяснении, насколько частотна симметричная («зеркальная») ассоциативная связь между глаголами в структуре ментального лексикона. При этом под «зеркальной» связью мы понимаем такую ассоциативную связь в глагольных парах, где каждый из них поочередно является стимулом и реакцией. Обратившись к электронной базе данных «Русский ассоциативный словарь» (<http://thesaurus.ru/dict/dict.php>), мы проанализировали 20 словарных статей, в которых в качестве заголовочного слова-стимула выступает глагол, при этом отбирались глаголы разных грамматических классов: совершенного / несовершенного вида, переходные / непереходные, возвратные / невозвратные (*беседовать, вернуться, взять, выйти, выпить, говорить, достать, забыть, исполнять, молить, мыслить, нуждаться, остановиться, отдыхать, прислать, тратить, увидеть, шагать, шить, являться*).

Поиск был организован следующим образом: сначала мы задавали тот или иной глагол в качестве стимула, затем выписывали все глагольные реакции на этот стимул. После этого в качестве стимула задавался каждый глагол из числа ранее полученных глагольных реакций; в списке реакций нас интересовало присутствие исходного глагола и частота его встречаемости. Например, на глагол *отдыхать* была получена 31 разная глагольная реакция из общего числа разных реакций 202; 9 глаголов (из 31), заданных как стимулы, дали в качестве реакции глагол *отдыхать*. Суммарная частота встречаемости глагола *отдыхать* в качестве реакции на указанные глаголы-стимулы составила 56 (*гулять* — 17, *лежать* — 9, *расслабиться* — 9, *работать* — 7, *ехать* — 5, *балдеть* — 4, *сидеть* — 3, *играть* — 1, *читать* — 1). Как видим на примере с глаголом

отдыхать, в основе «зеркальных» ассоциативных связей лежат такие типы парадигматических отношений, как: синонимия (*балдеть, расслабиться*), гиперо-гипонимия (*гулять, лежать, сидеть, играть, читать*), антонимия (*работать*).

В целом, изучая самые частотные вторичные реакции, мы обнаружили, что среди парадигматических отношений, лежащих в основе «зеркальных» связей, доминируют два типа: антонимия (*выйти — войти; вернуться — уйти; говорить — молчать; забыть — вспомнить*) и синонимия (*вернуться — прийти; молить — просить; нуждаться — бедствовать*). Кроме того, в ряде случаев симметричные ассоциативные связи базируются на конверсивных отношениях (*взять — отдать*).

Особо следует рассматривать «зеркальные» глагольные связи типа *выпить — закусить*, в основе которых лежат не столько парадигматические, сколько синтагматические отношения. Так, при обращении к Национальному корпусу русского языка (www.ruscorpora.ru) получено 352 контекста, в которых глаголы *выпить* и *закусить* расположены на расстоянии от 1 до 2.

В последнее время все чаще звучит мысль о том, что ассоциативные связи не равны семантическим. В частности, это означает, что ассоциативно связанные слова могут быть не связаны семантически (см., например, экспериментальные доказательства в [Глазанова 2001; Кулакова 2004]). Что же касается «зеркальных» ассоциативных связей, похоже, что обычно они подкреплены семантически.

Литература

- Венцов 2011 — А. В. Венцов. Глагол и структура ментального лексикона // Е. В. Ерофеева (отв. ред.). Проблемы социо- и психолингвистики. Вып. 15. Пермская социопсихолингвистическая школа: идеи трех поколений: К 70-летию Аллы Соломоновны Штерн. Пермь, 2011. С. 86–91.
- Глазанова 2001 — Е. В. Глазанова. Типы связей в ментальном лексиконе и экспериментальные методы их исследования. Дисс. ... канд. филол. н. СПб., 2001.
- Кулакова 2004 — Н. И. Кулакова. Внешние и внутренние связи в семантике слова: экспериментальное исследование на материале русского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2004.
- Риехакайнен 2013 — Е. И. Риехакайнен. Видовые пары глаголов и ассоциативные связи в ментальном лексиконе носителя русского языка // Тезисы секционных докладов XLII Международной филологической конференции. 34. Психолингвистика. [Электронный ресурс] (URL: phil.spbu.ru/rabochaya/konferenciya-2013-tezisy/34..docx)
- Русакова, Сай 2008 — М. В. Русакова, С. С. Сай. Глагольная парадигма в индивидуальных системах носителей русского языка и проблема грамматического вида // Вестник СПбГУ. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. Вып. 2. Ч. 2. С. 205–214.
- Уфимцева 1981 — Н. В. Уфимцева. Опыт экспериментального исследования процесса формирования значения // Психолингвистические проблемы в области лексики и фонетики. Калинин, 1981. С. 132–134.
- Miller 1969 — G. A. Miller. The organization of lexical memory: Are words associations sufficient // The pathology of memory. New York, 1969. P. 305–319.

СПЕЦИФИКА АССОЦИАЦИЙ СОЦИАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОГО ТИПА

Owing to its conduct requirements the free association test can be employed to address questions directly relevant to sociolinguistic study, such as eliciting informants' spontaneous language attitudes to variables involved in language change. The present article reports first observations of the data on the power of sub/non- or standardly stressed word stimuli to elicit informants' language attitudes and determine the cognitive categories assigned by informants to a stimulus type in the experiment.

В исследованиях ментального лексикона появляется все больше работ, анализирующих влияние элементов социальной ситуации (участников с их различиями по возрасту, полу, социальному положению и уровню образования; обстановке и др.) на мотивацию и собственно речевое поведение испытуемых, содержательные признаки получаемых от них ассоциаций и структуру ассоциативных полей [Фрумкина 2001; Горошко 2003; Доценко 1998; Ерофеева 2013]. В данном сообщении фактором влияния на порождение ассоциаций и их качественные признаки является стимульный материал, вариативный по степени социальной маркированности. Социальные характеристики участников — поколенческие отличия и уровень образования.

В свободном ассоциативном эксперименте участвовало 199 испытуемых старшего, среднего и младшего поколений, с ограничением по времени реагирования, типично одной — двумя реакциями, хотя цепочки (для старшего поколения) не запрещались. На устно подаваемые стимулы ответ был письменный для среднего, большей части старшего и подростков из младшего поколений. Устные реакции от части старшего и младшего поколений записывались на магнитофон. Стимулы: 44 словоформы с разной степенью отклонения от акцентной нормы. Общее число ассоциаций — 9878, из них социально значимых — 2763.

Критерием вычленения социально значимых ассоциаций из общего корпуса считалось наличие оценочного компонента в семантике реакции. Разнообразие форм реагирования классифицировалось по шкалам эмоциональности / рациональности и синтетической / собственно вербальной формы реакции. Невербальный компонент реакций был значителен. Содержательно, ассоциации состоят из оценочных реакций, метаоценочных квалификаций стимулов в терминах школьного / академического знания, наряду с «народными» вариантами, а также источников ненормативных вариантов — как внеязыковых, так и лингвокультурных (стереотипов). См. колонку 4 таблицы.

Стимул	Реакция информанта	Форма реагирования	Лингво-когнит. характеристика
договорА, аэропортА договорА средстваА свеклаА	<i>фу! жесьть!</i> <i>Все уроды</i> <i>Убью козла, говори</i> <i>правильно!</i> <i>Дяревня!</i>	Междометия, восклицания, неверб. средства жест мимика отказ	Спонтанная эмоц. оценка <i>Не/вербальный</i> <i>речевой акт</i>
договорА аэропортЫ торты	<i>ФурсЕнко</i> <i>Аэроштаны</i> <i>шорты, реторты</i>	Искажение формы слова (языковая игра)	<i>форма=оценке</i>
бухгалтерА, средстваА договорА договорА искраА лифтыЫ слесари	<i>Толстые теткы лет по 50</i> <i>Деревеницина. Совок</i> <i>офисный планктон</i> <i>Горбачев</i> <i>У мамы на работе</i> <i>Авторемонт</i> <i>Крепкий хозяйственник</i> <i>Трезвые опрятные,</i> <i>никогда не видел</i>	Описание вспоминает готовые формулы	Атрибуция к соц. типажу обстановке <i>Индивид. опыт</i> <i>Социокульт. опыт</i> <i>Стереотип</i>
баржаА, тортаА	<i>Ударение косое</i>	молод. жаргон	Нормативная метаквалификация
шоферы, шоферА средстваА	<i>Арго, язык шоферов</i> <i>Канцелярит</i>	квалификация кода	<i>Не/Формальное</i> <i>знание</i>
слесари	<i>Словарь Даля</i>	отсылка к авторитету	= = =
аэропортА слесаря торты	<i>Вульгарное</i> <i>Просторечное</i> <i>Старинное</i> <i>Пафос</i>	стилистические ярлыки	<i>«Народное»</i> <i>школьное знание</i>
туфля	<i>Чей туфля?</i>	прецед. текст	Реч. формулы времени

Все поле реакций сдвинуто в область негативной оценки: информанты реагировали только на те стимулы, которые они воспринимали как нарушения, и игнорировали те, где было «правильно». Этот эффект мог быть вызван спецификой стимульного материала, но не исключено, что нормативная установка исходно формирует восприятие языка таким образом.

Литература

Горошко 2003 — Е. И. Горошко. Языковое сознание: гендерная парадигма. М.; Харьков, 2003.
Доценко 1998 — Т. И. Доценко. Влияние экспериментальной ситуации на процесс и характер ассоциирования // Материалы XXVII межвузовской научно-методич. конференции. СПб., 1998. С. 57–62.

Ерофеева 2013 — Е. В. Ерофеева. Вариативность ассоциативного поля слова в зависимости от социальной группы информантов // Доклад на XLII международной филологической конференции. СПб., 2013.
Фрумкина 2001 — Р. М. Фрумкина. Психолингвистика. М., 2001.

А. Д. ДАУГАВЕТ
(СПбГУ)

ОСОБЕННОСТИ «ИНТЕГРАЛЬНОГО» ПОДХОДА К ДИАЛЕКТНОМУ ЧЛЕНЕНИЮ ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКА

Вслед за А. В. Андроновым [Andronovs 2006: 18–19] в балтийской диалектологии можно говорить о двух подходах к диалектному членению, каждый из которых связывается с одним из двух балтийских языков: так называемый «дифференциальный» подход усматривается в литовском языкознании, а «интегральный» подход в латышском.

При «дифференциальном» подходе принадлежность территории (точнее, характерного для нее говора) тому или иному диалекту устанавливается на основе одной специально отобранной языковой особенности, за счет чего все границы между литовскими диалектами идут точно по изоглоссам. При «интегральном» подходе, который доминирует в латышском языкознании, принадлежность территории (говора) тому или иному диалекту основывается на совокупности нескольких признаков. При этом, как отмечает Э. Трумпа [Stafecka, Trumpra 2006: 346], наборы характерных признаков каждого из диалектов у разных авторов совпадают лишь отчасти. Следует добавить, что такого рода несовпадения самими авторами обычно никак не комментируются. Это затрудняет проведение однозначных границ между диалектами и способствует появлению на карте обширных переходных зон (см. карты в [Rudzīte 2005; Sarkanis 2013; Laumane 1999]).

Хотя, по мнению А. В. Андронova [Andronovs 2006: 19], выделение переходных зон является преимуществом латышской диалектологии, с этим трудно согласиться, так как изучение переходных зон, на самом деле, подразумевает обращение к пучкам изоглосс — см. межзональные говоры в русской диалектологии [Касаткин 2005: 251]. Переходная зона может также иметь место при постепенной смене значения одного и того же признака, проходя словно бы «внутри» изоглоссы, см. [Chambers, Trudgill 2004: 104–123]. Однако, за исключением недавних исследований Э. Трумпы [Trumpra 2012], границы между диалектами на современных картах, равно как и переходные зоны, никогда не становились предметом специального обсуждения в латышском языкознании. Характерно, что различия в трактовке диалектных границ и особенно переходных зон, которые А. В. Андронов [Andronovs 2006] выявляет при сопоставлении карт разных лет, в традиционной латышской диалектологии получают не больше освещения, чем указанные Э. Трумпой колебания в наборе характерных признаков диалектов. Также показательно, что границы распространения тех или иных языковых явлений в латышских

диалектологических атласах для удобства «подгоняются» под близлежащие административные границы волостей [Andronov 2006: 19–20; Trumpa 2012: 51–97]. Таким образом, можно уточнить, что особенность характерного для латышского языкознания «интегрального» подхода заключается в сосредоточении внимания на центральной¹ части каждого из диалектов, где соответствующие особенности проявляются наиболее ярко, и игнорировании пограничных областей.

Хочу отметить, что при членении диалектов на единицы следующего уровня границы проводятся с учетом более строгих критериев, больше напоминающих «дифференциальный» подход литовских диалектологов. М. Рудзите [Rudzīte 1964: 256–257] напрямую указывает, что основанием для деления верхнелатышского диалекта на глубокие и неглубокие говоры является монофтонгизация *ie > ī*, *uo > ū*, а основанием для разграничения селонских и неселонских говоров внутри того же диалекта выступает восходящая слоговая интонация, которой в неселонских говорах соответствует прерывистая.

Можно было бы ожидать, что внимание к центральным областям диалектов приведет к созданию иерархии внутри комплекса признаков, который характеризует каждый из латышских диалектов. Отчасти это действительно нашло отражение в выделении внутри верхнелатышского и ливонского диалектов глубоких и неглубоких говоров, причем глубокие говоры обладают большим числом инноваций по сравнению с неглубокими и максимально отличаются от среднего диалекта (и литературного языка). Однако, как демонстрирует Э. Трумпа [Stafecka, Trumpa 2006: 346], отличительные признаки диалектов в разных работах перечисляются в произвольном порядке и не образуют системы. Тем не менее создание такой иерархии диалектных особенностей, в том числе, с опорой на расположение соответствующих изоглосс, представляется перспективным направлением исследований, которое позволило бы сохранить своеобразие «интегрального» подхода, достигнув при этом более высокой точности описания.

Литература

- Касаткин 2005 — Л. Л. Касаткин (ред.). Русская диалектология: учебник. М., 2005.
Andronovs 2006 — A. Andronovs. Par latviešu valodas izlokšņu klasifikāciju un dialektu kartēm // Letonikas pirmais kongress. Valodniecības raksti. Rīga, 2006. Lpp. 18–31.
Chambers, Trudgill 2004 — J. K. Chambers, P. Trudgill. Dialectology. 2nd edition. Cambridge, 2004.
Rudzīte 1964 — M. Rudzīte. Latviešu valodas dialektoloģija. Rīga, 1964.
Rudzīte 2005 — M. Rudzīte. Darbi latviešu dialektoloģijā. Rīga, 2005.
Sarkanis 2013 — A. Sarkanis. Latviešu valodas dialektu atlants: Fonētika. Rīga, 2013.
Stafecka, Trumpa 2006 — A. Stafecka, E. Trumpa. Latviešu valodas dialektu klasifikācijas problēmas: iespējamie risinājumi // Letonikas pirmais kongress. Valodniecības raksti. Rīga, 2006. Lpp. 340–349.
Trumpa 2012 — E. Trumpa. Latviešu ģeolingvistikas etīdes. Rīga, 2012.

¹ Интересно, что наиболее архаичный из латышских диалектов, наиболее близкий литературному языку и рассматриваемый в качестве отправной точки при описании диалектных особенностей, называется средним (лтш. *vidus dialekts*).

**ПЕРФЕКТ КАК СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА ВИЗАНТИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ IX–XII ВВ.
И СОВРЕМЕННОЙ НОВОГРЕЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ)**

В докладе рассматривается несколько эпизодов из истории синтетического и аналитического перфекта, где перфект, по всей вероятности, используется в качестве стилистического приема, средства архаизации. Факты греческого языка анализируются в контексте сознательной установки на архаизацию языковой нормы греческого, наблюдавшейся, по крайней мере, с I в. н. э. и коррелирующей с ситуацией диглоссии. Перфект — неустойчивая, «эфемерная» категория, возникающая в ходе «размывания результативной семантики» и эволюционирующая в направлении других аспектуальных, темпоральных или модальных значений [Плунгян 2011].

В силу этой нестабильности перфект быстро превращается в анахронизм. Вместе с тем в результате последовательной установки носителей греческого языка на возвращение к античным образцам перфект (как синтетический, так, впоследствии, и аналитический) начинает использоваться в качестве стилистического приема при сознательном архаизаторстве, как нанесение патины на картины.

Попытки обзора истории греческого перфекта (аналитического и синтетического) совершались неоднократно [Moser 1988; Перельмутер 1977], однако греческий материал является чрезвычайно многоплановым и, очевидно, нуждается в интерпретации в типологическом контексте.

В рамках данного исследования в фокусе внимания находятся два этапа развития греческого языка: язык византийской литературы IX–XII вв. и современный греческий. Как представляется, в тенденциях использования перфекта и аориста, характерных для обоих этапов, можно выделить некоторые параллели.

К началу средневизантийской эпохи процесс слияния аориста и синтетического перфекта уже давно завершился, а исконную функцию *perfectum praesens* взяли на себя различные аналитические формы. Между тем в византийских *belles lettres*, ориентированных на «аттическую» (в византийском понимании) норму, весьма часто фигурирует правильный синтетический перфект и плюсквамперфект (о синтетическом плюсквамперфекте см. [Hinterberger 2007]). Не следует полагать, что формы аориста и перфекта в византийской литературе совершенно идентичны и взаимозаменяемы. Если семантическое различие между ними стирается, то взамен возникает новое различие — стилистическое. Аорист воспринимается как нейтральная форма, приближенная к разговорной речи, а синтетический перфект (равно как и плюсквамперфект) — как признак изысканного аттического стиля. О таком

разграничении аориста и перфекта свидетельствуют две симметричные тенденции:

1. Когда стиль какого-либо текста сознательно упрощается, формы перфекта систематически заменяются аористом.

2. Когда проводится намеренная архаизация стиля, аорист регулярно заменяется перфектом и плюсквамперфектом.

Параллельная черта может быть прослежена и в современном новогреческом. Исследование современного языкового материала новогреческого показало, что в постдиглосном состоянии в ситуации намеренной архаизации языка и возврата к кафаревусе некоторые глаголы практически не употребляются в аористе. Вместо них используются архаические формы сильного пассивного аориста, вышедшего из употребления и формально запрещенного нормой литературного греческого. Следует отметить, что при этом в тех же контекстах допустимыми остаются формы аналитического перфекта. При этом, как и в языке византийской литературы, происходит размывание границ семантики аориста и перфекта.

Литература

- Перельмутер 1977 — И. А. Перельмутер. Общеиндоевропейский и греческий глагол. Видо-временные и залоговые категории. Л., 1977.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику. М., 2011.
- Hinterberger 2007 — M. Hinterberger. Die Sprache der byzantinischen Literatur: Der Gebrauch der synthetischen Plusquamperfektformen // Byzantinische Sprachkunst. Studien zur byzantinischen Literatur gewidmet Wolfram Hörandner zum 65. Geburtstag. Wien, 2007.
- Moser 1988 — A. Moser. The history of the perfect periphrases in Greek. Cambridge, 1988.

Е. В. ЕРОФЕЕВА
(ПГНИУ)

СВОЙСТВА РЕГИОЛЕКТА КАК ПРОМЕЖУТОЧНОГО ИДИОМА

В современной социалингвистике давно стал аксиомой тот факт, что «смешанные» идиомы (или промежуточные формы языка) являются не исключительным, а совершенно нормальным языковым состоянием. Если понимать социалингвистическую систему языка как систему отношений между формами его существования, то совершенно очевидно, что идиомы в данной системе «не обладают резко очерченными пограничными швами, отличающими их друг от друга. Напротив, наблюдается картина, когда одна из форм существования переходит в другую на основе промежуточного звена»; язык представляет собой «многослойный языковой континуум» [Туманян 1985: 19]. «Промежуточные звенья» обычно совмещают в себе черты двух, а чаще и более, идиомов.

Социалингвистическая система языка находится в постоянном движении, ровно так же, как в постоянном движении находятся социальные отношения и социальные группы в любом обществе. Те формы существования языка, которые

теперь считаются основными, в свое время складывались как промежуточные и постепенно закреплялись в качестве основных (например, русский литературный язык сложился именно благодаря процессам смешения).

Диахронические изменения в социалингвистической системе языка приводят к тому, что одни идиомы переходят из статуса промежуточных в статус основных, другие, наоборот, — из статуса основных в статус промежуточных, возникают новые промежуточные образования и т. д. Формирование нового промежуточного идиома в языке всегда сопровождается одновременным отмиранием старых форм существования языка или переходом их в другой статус, а соответственно, ведет к перестройке всей социалингвистической системы языка.

В связи с этим достаточно интересным является анализ относительно новых промежуточных языковых образований, возникновение и формирование которых произошло в течение обозримого времени, поскольку именно на их примере можно проследить свойства и черты этих обязательных для каждого языка идиомов, а также попытаться выявить характеристики языковых и социалингвистических ситуаций, которые способствуют формированию новых идиомов и новых отношений в системе идиомов.

Одним из довольно новых промежуточных образований в русском языке является региолект — промежуточный языковой идиом, который характеризуется общими особенностями речи целого региона, возникает в связи с взаимодействием литературного языка, просторечия и местных говоров и постепенно вытесняет последние [Герд 2001]. Региолект объединяет идиомы языка, функционирующие на единой (хотя и достаточно обширной) территории, и выполняет в современном обществе функцию устного общения. «Выделение региолекта постулирует факт наличия особого языкового состояния, которое оказывается едва ли не основной формой устно-речевого общения больших групп этноса на определенной территории» [Герд 2001: 24].

На примере пермского региолекта рассмотрим основные черты языковой ситуации, способствующей формированию региолекта, а также наиболее важные свойства региолекта.

1. Языковая ситуация. Региолект формируется в условиях городской речи и только потом распространяется на всю территорию региона. Формированию региолекта способствует увеличение доли городского населения и наличие в регионе крупного города с сильными культурно-языковыми традициями. Социальные условия формирования региолекта — это, с одной стороны, усиление контактов между разными социальными группами в городе, что ослабляет влияние узко территориальных факторов, с другой стороны, ограниченность массовых контактов в рамках региона. С лингвистической точки зрения языковая ситуация должна обязательно характеризоваться наличием полигlossии (как города и региона в целом, так и отдельных его представителей), а следовательно, внутриязыковой интерференцией. В случае, если на эти процессы накладывается и межъязыковая интерференция, региолектная система становится более сильной и жизнеспособной.

Особенности языковой ситуации в свою очередь формируют особенности социальной базы региолекта.

2. Социальная база региолекта. По мнению А. С. Герда, социальная база региолектов — это местная интеллигенция [Там же: 23]. Мы склонны считать, что носителями региолекта является большинство жителей региона, представляющих разные социальные группы, однако в силу определенных лингвистических свойств региолекта, их речь может в значительной степени варьироваться в зависимости от различных факторов.

3. Лингвистические свойства региолекта. В состав региолекта входят общие для определенной территории черты речи (фонетические, лексические, грамматические), формирующиеся на основе разных источников. При этом региолект не просто заимствует определенные черты речи из смешенных в нем идиомов, а вырабатывает собственную систему и обладает собственным языковым потенциалом для развития. Система региолекта, с одной стороны, характеризуется стабильностью: региолектные единицы встречаются в речи подавляющего большинства населения того или иного региона; с другой стороны, региолект характеризуется высокой степенью вариативности: региолектные единицы могут реализовываться целым рядом вариантов и сосуществуют с единицами других идиомов (в частности с литературными), в связи с чем региолектная система лучше описывается как вероятностная, а не детерминистская система.

Таким образом, региолект как языковое состояние может характеризоваться как вид языкового континуума, организованного вероятностно: в речи разных носителей региолекта разные черты региолекта проявляются с разной степенью частотности.

Литература

Герд 2001 — А. С. Герд. Введение в этнолингвистику. Курс лекций и хрестоматия. СПб., 2001.

Туманян 1985 — Язык как система социолингвистических систем. М., 1985.

Т. И. ЕРОФЕЕВА
(ПГНИУ)

НАУЧНЫЕ ИДЕИ ПЕТЕРБУРГСКИХ УЧЕНЫХ И ПЕРМСКАЯ ШКОЛА СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Становление Пермской школы социолингвистики связано с кандидатской диссертацией «Локальная окрашенность разговорной речи лиц, владеющих литературным языком» [Ерофеева 1972], защищенной под руководством Л. С. Ковтун на кафедре общего языкознания Ленинградского государственного университета, в которой было сформулировано принципиально важное понятие локально окрашенной литературной речи, актуальное для описания живой речи города.

Данные, полученные на материале анализа живой речи и многочисленных экспериментов, были изложены в монографии «Опыт исследования речи горожан (территориальный, социальный и психологический аспекты)» [Ерофеева 1991], а их теоретическое осмысление было представлено в докторской диссертации «Социолект: стратификационное исследование», защищенной в Санкт-Петербургском университете в 1995 г. (научным консультантом работы была А. С. Штерн) [Ерофеева 1995].

К началу 90-х гг. основной научной областью для Пермской социалингвистической школы становится социальная диалектология, предметом которой является живой функционирующий язык самых различных социальных групп общества [Ерофеева 1991]. Понимаемый таким образом предмет социальной диалектологии предполагает исследование актуальных вопросов микросоциалингвистики одновременно в трех пересекающихся плоскостях: территориальной, социальной и психологической. Именно в это время Пермская социалингвистическая школа обретает статус отдельного научного направления.

Теоретические и методические установки лингвистов Пермской школы социалингвистики находят свои истоки в научных идеях петербургских языковедов.

Остановимся лишь на некоторых именах.

Л. В. Щерба. Концепция языка Пермской школы социалингвистики базируется на взглядах Л. В. Щербы [1974]. Это прежде всего признание языка социальной структурой и одновременно внутренней структурой как базой речевой способности индивида. Эта структура имеет активный динамический характер и в зависимости от коммуникативной ситуации и знаний носителей языка может перестраиваться и достраиваться. Существенной чертой языка являются вероятностные характеристики, на которые индивид опирается в своей речевой деятельности.

Б. А. Ларин. С именем Б. А. Ларина связано становление социальной диалектологии. В рамках этого направления Б. А. Ларин [1977] разрабатывает проблему лингвистического изучения языка города и настаивает на самостоятельном изучении языка города, потому что последний не совпадает по своей социальной основе и лингвистическим признакам ни с литературным языком, ни с диалектами. Таким образом, по мнению Б. А. Ларина, важнейшей специфической чертой городского населения является его «полиглоттизм», ибо в распоряжении каждого горожанина имеется несколько языковых систем (городских социальных диалектов), обслуживающих разные социальные коллективы, в которые входит горожанин.

В известном смысле ларинское понимание городского билингвизма дало толчок развитию идеи социолекта, понимаемого Т. И. Ерофеевой как код (или совокупность кодов) любого объема, занимающего промежуточное положение между языком и идиолектом. «В философских категориях общего, особенного и отдельного язык есть общее, социолект — особенное, идиолект — отдельное» [Ерофеева 2004: 34]. Продолжая изучать утвердившуюся в лингвистической традиции вариативность языковых (речевых) единиц в пределах

территориальных и социальных групп, Т. И. Ерофеева развивает общую теорию социальной дифференциации языка. Разработка понятий «страта» и «социолект» обуславливалась пониманием динамической природы социальных и языковых структур и их взаимодействия.

Теория социолекта находит дальнейшее развитие в исследованиях Е. В. Ерофеевой [2005]. Она предлагает различать макроидиомы и микроидиомы (= социолекты) языка (см. выше), а среди социолектов — частные и обобщенные, которые различаются набором образующих их страт факторов.

В рамках такой модели учитывается связь социолектов (а соответственно, и идиолектов их носителей) сразу с несколькими макроидиомами. Следовательно, с точки зрения Е. В. Ерофеевой, базой речевой деятельности носителя социолекта является некоторый промежуточный идиом, возникающий на пересечении нескольких макроидиомов.

Эти теоретические положения являются логическим продолжением идеи Б. А. Ларина о «полиглоттизме» горожан.

Л. В. Сахарный. Леонид Волькович Сахарный — один из основателей отечественной психолингвистики. В Пермском университете проработал 12 лет и, несомненно, как яркая личность, оказал влияние на научные взгляды многих пермских лингвистов. Прежде всего, это проблемы психолингвистики текста. Основным предметом анализа становятся механизмы развертывания смысла в нестандартных текстах и коммуникативных ситуациях: ассоциациях, наборах ключевых слов, спонтанной речи больных афазией, разговорной речи взрослых и детей.

Исследования ключевых слов и текстов-примитивов, подхваченные учениками Л. В. Сахарного (в том числе и пермскими), прочно вошли в лингвистическую науку.

А. С. Штерн. Идея описать языковую ситуацию любого города с помощью стратификационного моделирования принадлежит А. С. Штерн, которая выдвинула это положение еще в 1992 году на одном из заседаний действующего семинара по психолингвистике в Санкт-Петербургском университете. В 80-х гг. XX в. А. С. Штерн был апробирован метод дисперсионного анализа силы влияния (ДА) применительно к лингвистическому материалу. Идея оказалась плодотворной.

Исследование городского языкового пространства стало одним из приоритетных направлений в Пермской школе социолингвистики. Выполнить это возможно, с нашей точки зрения, если обратиться в научном исследовании к идее социолекта. Описать городское языковое пространство возможно, как в свое время определила А. С. Штерн [1992], используя ДА. Этот метод сегодня широко применяется в работах пермских исследователей.

Время идет, и в Пермской школе социолингвистики выросло, окрепло уже третье поколение молодых, воспитанных на идеях петербургских ученых.

Литература

- Ерофеева 2005 — Е. В. Ерофеева. Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. Пермь, 2005.
- Ерофеева 1972 — Т. И. Ерофеева. Локальная окрашенность разговорной речи у лиц, владеющих литературным языком: анализ записей речи пермской интеллигенции. Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1972.
- Ерофеева 1991 — Т. И. Ерофеева. Опыт исследования речи горожан (территориальный социальный и психологический аспекты). Свердловск, 1991.
- Ерофеева 1995 — Т. И. Ерофеева. Социолект: стратификационное исследование. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. СПб., 1995.
- Ерофеева 2004 — Т. И. Ерофеева. Современная городская речь. Пермь, 2004.
- Ларин 1977 — Б. А. Ларин. История русского языка и общее языкознание: избранные работы. М., 1977.
- Штерн 1992 — А. С. Штерн. Перцептивный аспект речевой деятельности. СПб., 1992.
- Щерба 1974 — Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Н. М. ЗАЙКА
(ИЛИ РАН — СПбГУ)

О ЧАСТЯХ РЕЧИ В БАСКСКОМ ЯЗЫКЕ

В баскском языке широко распространены перифрастические предикаты, формально состоящие из существительного в абсолютиве неопределенного склонения (то есть без эксплицитно выраженного показателя) и вспомогательного глагола *izan* ‘быть / иметь’¹, ср. примеры (1)–(2), представляющие глагольную форму и примеры (3)–(4), представляющие перифрастический предикат:

(1) jo dut
 бить[PFV] AUX ‘я ударил’

(2) jo-tzen dut
 делать-IPFV AUX ‘я бью’

(3) nahi dut
 желание AUX ‘я хочу’

(4) nahi iza-n dut
 желание AUX-PFV AUX ‘я хотел’

Академическая грамматика баскского языка признает, что предикаты типа *bizi naiz* ‘я живу’, *nahi dut* ‘я хочу’ и т. п. могут трактоваться как комбинации

¹ В качестве второго компонента перифрастической конструкции могут употребляться также другие глаголы, напр., *eman* ‘давать’, *egin* ‘делать’, *hartu* ‘брать’, однако для нас представляет интерес лишь глагол *izan*, поскольку он является вспомогательным и используется в типичных для баскского языка аналитических глагольных конструкциях.

смыслового и вспомогательного глагола, либо как сочетание существительного / прилагательного и глагола со значением ‘быть / иметь’ [Hualde, Urbina 2003: viii–ix], в той же грамматике сама лексема *nahĩ* и некоторые другие лексемы со сходными синтаксическими свойствами рассматриваются как полувспомогательные глаголы [Ibid.: 301]. В терминологии Р. де Рейка часть лексем такого типа называется претерито-презентными глаголами, а другая часть — существительными, которыми управляет глагол *izan* [Rijk 2008: 154–156, 321–322]. Таким образом, грамматический статус данных лексем остается достаточно неопределенным.

В наши задачи входит попытка создать наиболее полный список лексем такого рода и анализ частеречной принадлежности этих лексем, включающий выявление критериев, релевантных для данной цели, и их соотношение. Подавляющее большинство рассматриваемых нами критериев не рассматривалось последовательно для всей исследуемой группы, анализировались лишь отдельные примеры, тогда как лексемы данной группы могут вести себя в высшей степени разнородно, причем не только в тех аспектах, которые традиционно рассматривают исследователи.

Первым критерием того, тяготеет ли перифрастический предикат к именам или к глаголам, является рематическая позиция: если форма воспринимается как глагольная, эта позиция находится перед всем перифрастическим предикатом, а если как сочетание имени и глагола — после имени и перед глаголом.

Другим важным признаком отнесения конструкции к именам или глаголам может служить способ образования будущего времени, хабитуального настоящего и номинализаций. Образование данных форм по глагольному типу (*bizi-ko naiz* ‘жизнь-FUT AUX’), а не по именному (*beldur izan-go naiz* ‘страх AUX-FUT AUX’) характерно для меньшинства рассматриваемых лексем.

В качестве дополнительного признака имени можно выделить возможность появления партитива вместо абсолютива в отрицательных конструкциях (естественно, этот критерий можно применить лишь для конструкций, управляющих абсолютивом).

Еще один признак, определяющий близость рассматриваемых нами лексем к существительным или глаголам, — это возможность сочинения с другими лексемами — существительными или глаголами соответственно.

Наконец, для того чтобы определить частеречную принадлежность рассматриваемых лексем, следует определить, ведут ли они себя как актанты или нет, то есть согласуется ли с ними полиперсональный глагол. Так, в *nahĩ izan* ‘хотеть’ первая составляющая не согласуется с глаголом, допуская абсолютивный актант, а в *beldur izan* ‘бояться’ согласуется, занимая место абсолютивного актанта.

С диахронической точки зрения, лексемы данного класса имеют тенденцию приобретать глагольные свойства, ср., например, использование причастия будущего времени в [Rijk 2008: 156] и других примерах из [EPG], возможность постановки ремы перед всем предикатом [Rijk 2008: 320], возможность

образования хаби́туалиса по глагольному типу у некоторых форм [Ibid.: 156]. Однако следует отметить, что в период фиксации репрезентативных текстов на баскском языке (начиная с середины XVI в.), диахронические изменения идут достаточно медленно.

Далее рассмотрим, как соотносятся вышеописанные качества рассматриваемых лексем друг с другом. С одной стороны, свойства имени и глагола могут упорядочиться в иерархию таким образом, что из одних свойств следуют другие (ср. пример адъективных и субстантивных свойств русских числительных у Б. Комри [Comrie 1989: 108–109]). С другой стороны, имеется логическая возможность того, что данные свойства могут пересекаться, не образуя иерархии. На материале исследуемых лексем мы приходим к выводу о том, что не все именные и глагольные свойства хорошо коррелируют между собой и лишь некоторые из них устроены иерархично.

Литература

- Comrie 1989 — B. Comrie. Language universals and linguistic typology. Syntax and morphology. Oxford; Chicago, 1989.
- Hualde, Urbina 2003 — J. I. Hualde, J. Ortiz de Urbina (eds.). A grammar of Basque. Berlin; NY, 2003.
- Rijk 2008 — R. P. G. de Rijk. Standard Basque. A progressive Grammar. Cambridge; London, 2008.
- EPG — Ereduzko Prosa Gaur — корпус современных баскских текстов (URL: <http://www.ehu.es/euskara-orria/euskara>).

***Н. В. ЗОРИХИНА-НИЛЬССОН
(ГЕТЕБОРГСКИЙ УН-Т)***

О СООТНОШЕНИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ ВРЕМЕНИ И ВИДА В ТАКСИСНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ (ИЗ СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ)

Наиболее полное описание функционально-семантической категории таксиса и аспектуально-таксисных ситуаций в русском языке представлено в теории функциональной грамматики, в работах А. В. Бондарко и его учеников (см., например, [ТФГ 1987; Бондарко 2002]). Обращение типологов к категории таксиса в языках различного строя вновь актуализировало задачу описания этой категории в каждом из языков на основе единой базы для типологического сравнения [Храковский 2003; 2009].

Полученные результаты [ТТК 2009] позволяют наметить ряд направлений дальнейшего сопоставительно-типологического анализа взаимосвязи категории вида, времени и таксиса в различных языках. Одним из таких путей более подробного исследования взаимодействия данных категорий является исчисление всех логически возможных комбинаций видо-временных форм глагольных сказуемых главной и зависимой частей сложноподчиненного

предложения, учитывающее факторы, ограничивающие полную реализацию таких комбинаций.

Задача построения «таксисной карты» каждого союза еще ждет своего воплощения, однако уже на данном этапе можно сделать некоторые наблюдения для группы языков, в которой прототипической таксисной конструкцией является сложноподчиненное предложение (далее — СПП); при этом анализ может идти от комбинации форм времени и вида в главной и зависимой части СПП к возможности ее фактической реализации в том или ином языке.

В докладе на примере СПП с придаточными времени рассматриваются особенности употребления отдельных форм времени и вида, прежде всего форм будущего времени и перфектных форм в данных предложениях.

1. Формы будущего времени

Известно, что во многих языках формы будущего времени не употребляются во временных и условных придаточных предложениях. В работе [Hedin 2000] приводятся данные 28 языков: «About half the languages did not mark future time reference at all in these clauses» [Hedin 2000: 330]. При более детальном изучении видо-временных комбинаций оказывается, что и в языках, допускающих формы будущего времени в придаточном предложении времени, есть союзы, с этими формами не употребляющиеся. Например, русский союз *с тех пор как* и его шведские эквиваленты *ända sedan*, *alltsedan*:

(1)а. *Он *будет жить* в Гетеборге, *с тех пор как переедет* в Швецию.

б. *Han *skall*₁ *bo*₂ i Göteborg *ända sedan / alltsedan* han *skall*₁ *flytta*₂ till Sverige.

жить-*FUT_{1,2}

все.время.после.того.как переехать-*FUT_{1,2}

В языках, имеющих формы вида, выделяются как типичные, так и редкие комбинации форм времени и вида при том или ином союзе. Так, например, в новогреческом языке формы НСВ в главном предложении употребляются редко в сочетании с формами СВ конъюнктива в придаточном предложении, вводимом союзом *ótan* ‘когда’ [Hedin 2000: 344]. В русском языке при выражении однократных действий формы будущего несовершенного практически никогда не употребляются после союза *после того как*. Исключение составляют случаи, когда в зависимой части стоят стативные глаголы *знать*, *видеть*, *понимать*, *иметь*.

2. Перфектные формы

Формы перфектного ряда как относительные формы времени прототипически обозначают однократное предшествование зависимой ситуации по отношению к главной. Однако перфектные формы могут стоять и в обеих частях временного СПП. Так, в финском языке ситуации зависимой и главной части, в которых употреблены перфектные формы времени, не локализирующие время действия, а обозначающие действие в неопределенном прошлом, легко интерпретируются как повторяющиеся [Томмола 2009: 518]. Например:

- (2) *Ole-t₁ ymmärtä-nyt₂* *se-n* (*aina*) *kun ole-n₁ selittä-nyt₂*
 понимать:PRF:2SG_{1,2} PRON-GEN всегда когда объяснять:PRF:1SG_{1,2}
se-n *sinu-lle*
 PRON-GEN ты-ALL
 ‘Ты это *понял(а)* / *понимал(а)*, когда я это тебе *объяснил(а)* / *объяснял(а)*’
 (пример из [Томмола 2009: 518]).

Особый интерес представляют случаи, в которых в зависимой части перфектная форма обязательна (см. нидерландский союз *nadat* ‘когда / после того как’ [Барентсен 2009: 324], шведский союз *sedan* ‘когда / после того как’ [Зорихина-Нильссон 2009: 380]) или исключена, например, при нидерландском союзе *toen* ‘когда’ [Барентсен 2009: 310] и шведском *alltsedan* ‘с тех пор как’ [Зорихина-Нильссон 2009: 386–387].

Таким образом, при сопоставительно-типологическом анализе необходимо учитывать как полифункциональность видо-временных форм в различных языках, так и особенности их сочетаемости с другими видо-временными формами и союзами в рамках бипредикативных синтаксических единиц.

Литература

- Барентсен 2009 — А. Барентсен. Таксис в нидерландском языке // В. С. Храковский (отв. ред.). Типология таксисных конструкций. М., 2009. С. 269-366.
 Бондарко 2002 — А. В. Бондарко. Таксис // Теория значения в системе функциональной грамматики. На материале русского языка. М., 2002. С. 503-517.
 Зорихина-Нильссон 2009 — Н. В. Зорихина-Нильссон. Таксис в шведском языке // В. С. Храковский (отв. ред.). Типология таксисных конструкций. М., 2009. С. 367-469.
 Томмола 2009 — Х. Томмола. Таксис в финском языке // Типология таксисных конструкций. М., 2009. С. 515-566.
 ТТК 2009 — Типология таксисных конструкций. М., 2009.
 ТФГ 1987— Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
 Храковский 2003 — В. С. Храковский. Категория таксиса (общая характеристика) // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 32-54.
 Храковский 2009 — В. С. Храковский. Таксис: семантика, синтаксис, типология // В. С. Храковский (отв. ред.). Типология таксисных конструкций. М., 2009. С. 11-113.
 Hedin — E. Hedin. Future marking in conditional and temporal clauses in Greek // Ö. Dahl (ed.). Tense an aspect in the languages of Europe. Berlin; New York, 2000. P. 329-349.

Л. В. ЗУБОВА
 (СПбГУ)

РЕСТАВРАЦИЯ УТРАЧЕННОГО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В истории русского языка многочисленны факты восстановления и нормативного закрепления утраченных элементов. Например, после падения редуцированных стали возможными сочетания согласных, свойственные периоду до действия закона открытого слога: *семья*, *седло*; восстановились этимологические заднеязычные согласные, которые изменялись по 2-й

палатализации (*руки, ноги*), в сочетаниях со слоговыми сонорными вновь появился гласный звук (*волна, горб*).

Языковая метафора расширяет объем значения, ранее суженного: *жажда славы, жажда власти*. Социальные изменения возвращают слова типа *волость, губернатор*. Кальки с западных языков возвращают в русский язык конструкции, прежде свойственные первому сложному будущему (*имею сказать*), атрибутивные существительные (*бизнес-проект*).

Но помимо узуальных фактов во многих случаях осуществляется неuzuальное воспроизведение прежних вариантов языковых единиц всех уровней.

Реставрация утраченного часто наблюдается в любой речи, использующей языковую деформацию как выразительное средство: в разнообразных шутках, в рекламе, в художественных текстах, в сетевом общении. Например, в шутливой речи часто встречается произношение *уто́пнуть, скребсти, какчество; до́ того* со звуком [г]. Языковая игра нередко бывает основана на передразнивании диалектно-просторечного произношения, сохраняющего архаические элементы. Цитирование знаменитых шуток (например, реплик из миниатюр А. Райкина), превращение их в банальности по существу, приближает подобные явления к стилистически маркированному узусу.

В рекламе манерное произнесение слова воспроизводит редуцированный гласный (*а ќде здесь туалет?*), в нейминге словосочетание *добрый сок* восстанавливает древнее внеэтическое значение прилагательного.

В сетевом общении игры со средним родом воспроизводят звательную форму (*вперед, лошадко*), восстанавливают средний род при модификационном словообразовании (*коленко, бабище*). Появляются энклитики *мя, тя*, часто встречается заполнение нормативных лакун в неполных парадигмах (*человеки, людь, деть*). В ироническом модусе широко представлена реставрация написаний *щастье, муцина*. При этом языковая рефлексия ориентирована на дифференциацию правильных и деформированных вариантов.

Разнообразными проявлениями реставрации утраченных элементов изобилует современная поэзия с ее смыслообразующим языковым анахронизмом, тенденцией восстанавливать забытые связи между словами, отсылками к литературной классике.

Например, воспроизводится звук, ранее изображавшийся буквой «ять» (*дети-диети* — В. Соснора), реликтовые результаты второй палатализации и некоторые грамматические формы освобождаются от фразеологической зависимости (*руце в брюце* — Н. Искренко) и лексической обусловленности (*солдатове* — А. Левин), местоимение *он* часто выполняет артиклевую функцию (*народ он любит свою землю* — Д. А. Пригов); глаголы прошедшего времени употребляются в контекстах, устраняющих различие между прилагательным и глаголом, как это было свойственно перфективному причастию (*и Сон застыл, тяжел, гремуч, как ртуть* — П. Чейгин). В конструкциях экспрессивного синтаксиса обнаруживаются комбинации форм, свойственные древнему перфекту (*Есть! Поймала!* — А. Михалевич) и плюсквамперфекту (*Было — солнце светило* — М. Айзенберг). Обрывки слов повторяют древний аорист (*не помню сколько зим и ле / облез и побеле* — Г. Сапгир). Архаическое

неразличение глагольных видов воспроизводится нарушением современного правила употребления несовершенного вида в аналитических формах будущего времени (*Музы-кормилицы грудь будем нащупать губами* — А. Поляков; *Я стал запомнить сон* — А. Поляков).

В художественных метафорах воспроизводится исходное, более широкое, чем в современном языке, значение слов (*кивая мне рукой* — В. Кучерявкин; *бодает накренный снег упорный лыжный человек* — А. Левин; *слышишь, на пальцах ключи бряцают* — В. Санчук). Реставрации широкого значения способствует синестезия (*беспаузное птичье щебетанье / услышу оглушительно ярчей* — В. Бауэр).

Многочисленны примеры контекстуальной этимологизации (*Память печет раскаленной печатью. / Смутное время изводит печалью* — Я. Пробштейн; *Покрутив заледенелыми носами, / приумолкли пристыженные бояре* — В. Соснора).

В поэтических образах и особой графике текстов широко представлена редеривация (*А покойник супился печально* — Е. Шварц; *И жизнь продолжала себя* — М. Степанова; *оттуда с клятвой рвал / ся ветер* — В. Казаков; *Я выключил семь сот свечей* — В. Соснора). Результатом обратного словообразования становится синкретичное имя (*до слабого рассветного поздна* — Б. Ахмадулина). Наблюдается и образование бессуфиксальных полных прилагательных, воспроизводящее древнерусскую модель (*И птица птица летит* — Д. А. Пригов; *Ах, ты мой зайчик, друг поэтый* — Ю. Мориц).

Поэзия, в отличие от других разновидностей речи, в наибольшей степени склонна к воспроизведению древних грамматических форм и отношений. Этому способствует и повышенная образность поэзии, и собственно стиховые структуры, и цитатный характер традиционных поэтизмов. Важно, что во многих случаях древние формы употребляются не как застывшие фразеологизированные реликты, а как формы, свободные от лексической ограниченности и стандартной синтагматики.

Анализ узуальной и незузуальной реставрации утраченного в языке показывает, что линейному развитию языка противостоят не только социальные явления (проникновение диалектизмов в социальное просторечие, взаимодействие с другими языками, пересмотр ценностей и др.), но и стилистика в самом широком смысле, выходящая далеко за пределы намеренной стилистической архаизации текстов.

Н. Н. КАЗАНСКИЙ
(ИЛИ РАН — СПбГУ)

ПРОМЕЖУТОЧНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

Любую реконструкцию можно назвать промежуточной, поскольку она отсылает нас к состоянию языка в определенном хронологическом промежутке. Тем не менее в индоевропейском языкознании за термином укрепились значение, отсылающее к такому состоянию, которое находится между

праязыком и засвидетельствованным языком. Таким образом, понимая, что праиндоевропейское языковое состояние является промежуточным с точки зрения более глубинной реконструкции (например, ностратической), рассматривать его с этой точки зрения не принято, в том числе и потому, что мы не обнаруживаем надежных критериев, чтобы определить относительную хронологию, без которой теряет смысл сама идея временного промежутка.

Хронология может быть и абсолютной, и относительной, что роднит диахроническую лингвистику с археологией, также оперирующей относительными датами, определяемыми по слоям, и абсолютными, полученными на основании физических данных (анализ по изотопам углерода C_{14}) или при сравнении с материалами, имеющими точную датировку благодаря дошедшим текстам (отсюда привязка к древнеегипетским артефактам для всего Восточного Средиземноморья). Заимствование термина не обозначает заимствования методов, поэтому диахроническая лингвистика не располагает методами, которыми обладают естественные науки; за редчайшими исключениями (ср. ниже соотнесение слова со значением 'колесо' и дату изобретения самого артефакта) отсутствуют и возможности прямого соотнесения этого термина с археологическими данными.

При этом приходится считаться с тем, что относительная хронология достаточно широко применяется в (до)исторической фонетике, реже — в морфологии и совсем редко в области синтаксиса.

В фонологической реконструкции возможно установить, например, хронологическую последовательность переходов $*s > \emptyset$, $\dot{i} > \emptyset$, $\dot{u} > \emptyset$, а также ряда других изменений, однако существуют так называемые поздние общезыковые изменения. К их числу относится элиминация лабиовелярных в древнегреческом языке в домикенский (позиционные переходы $*-uk^u- > -uk-$, ср. микенское $ku-ka-re-u$ / $kukleus$ / 'колесник') и послемикенский периоды (Lejeune). В диалектах греческого языка I тыс. до н. э. наблюдается несколько отражений лабиовелярного в зависимости от фонетического окружения и диалектной принадлежности: $k^u > k$ (фессал. $\kappa\acute{\iota}\varsigma$), $k^u > \tau$ ($\tau\acute{\iota}\varsigma$ во всех остальных диалектах) и специальная (эолийская) трактовка $k^u > p$.

Из всех представленных случаев только трактовка $k^u > t$ является относительно редкой при слав. ЧЬТО, а в итальянских и кельтских языках лабиовелярный либо сохраняется, либо отражается как /p/. Это общегреческое изменение является действительно общим, когда речь идет об атонной соединительной частице $*k^ue$ (лат. *-que*, мик. *-qe*, санскр. *ca*, но во всех греческих диалектах только *τε* без вариантов).

В морфологии можно говорить о хронологии различных способов оформления отдельных категорий, например, продуктивное в древнегреческом языке образование степеней сравнения на *-теро-* / *-тато-* явно вторично по отношению к способу образования типа $\kappa\alpha\kappa\acute{\iota}\omega\nu$ / $\kappa\acute{\alpha}\kappa\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$, но уже образованные по той же модели $\beta\acute{\epsilon}\lambda\tau\acute{\iota}\omega\nu$ / $\beta\acute{\epsilon}\lambda\tau\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ содержат *-t-*, которое с большой степенью вероятности представляет собой контаминацию двух способов выражения сравнительной степени. Связать появление этих вторичных форм при образовании степеней сравнения с каким-то другим морфологическим явлением

(например, с исчезновением отдельной формы аблатива исходного пункта) обычно не удается.

Некоторое значение для определения относительной хронологии может иметь древность отдельных словообразовательных моделей, к числу которых относятся, например, и.-е. образования с суффиксальным *-eto-* / *-eH₂-*. Однако в такого рода случаях нас подстерегает опасность принять за нечто древнее то, что таковым не является, поскольку словообразовательные модели имеют тенденцию, как это формулировал А. А. Реформатский, расцветать и увядать, повторяя в ходе истории языка отдельные периоды его эволюции, так что, даже датировав фазу «расцвета», у нас нет гарантии, что словоформа действительно относится к раннему времени, а не к какой-то более поздней или более ранней фазе. Таким образом, относительную древность морфологических особенностей обычно установить не удастся.

Точно так же в области синтаксиса мы достаточно уверенно реконструируем нейтральный порядок слов SOV; на основании сравнения фактов древних языков видно, что первоначально при порядке слов VOS и VSO обязательным было появление частицы в самом начале предложения. Этот факт не получил должного объяснения с точки зрения общего языкознания, и даже не было предложено сопоставления этих фактов с появлением частиц в так называемой Ваккернагелевской позиции. Между тем *Cor.VOS* или *Cor.VOS vs. SCor.OV* или *OScor.SV* наводит на целый ряд размышлений с точки зрения самостоятельной в морфологическом отношении частицы, появление которой как важной интонационной составляющей предложения способно оказывать влияние на общий ход порождения фразы.

В области лексики хронология при реконструкции отдельных слов и форм не может учитываться в полной мере: результат восстановленного корня **H₁ei-*, обозначающего движение, не может быть локализован во времени, хотя по форме корня и его распространенности в различных и.-е. языках можно утверждать, что он относится к глубокой древности; напротив, корень **kʷel-* ‘вращать(ся)’ с удвоением **kʷekʷol-* ‘колесо’ явно не старше IV тыс. до н. э., когда появляется впервые сама идея колеса, распространяясь по древней Передней Азии и далее по всему миру. Однако подобное сопоставление археологических данных с данными лексической реконструкции возможно лишь в редких случаях. Как правило, реконструированные лексемы не удается датировать. Эту ситуацию И. М. Тронский сравнивал с фотографией звездного неба, на которой невозможно определить, на каком расстоянии от нас находятся отдельные звезды.

В этих условиях для реконструкции исключительно важно определить какие-то периоды развития. Эти периоды не могут опираться на абсолютную хронологию. К их числу относятся все постулируемые состояния, обозначаемые терминами, начинающимися с *пра-*: прагерманский и т. д.

В этом состоянии дел само понятие промежуточной реконструкции приобретает исключительно важное значение, позволяя не только соотносить между собой языковые факты или сопоставлять археологические культуры с праязыковыми общностями (например, андроновская и срубная культуры могут

быть соотнесены с ранними индоиранцами), но и предоставлять в распоряжение исследователей исторические свидетельства. К их числу относятся реконструированные тексты (обычно представляющие собой формульные сочетания), а также метатексты, позволяющие соотносить археологические памятники с лингвистическими данными. В редких случаях дешифровка письменности позволяет получить прямые исторические свидетельства, которые могут сильно влиять на наше понимание засвидетельствованных текстов.

М. Л. КАЛЕНЧУК
(ИРЯ ИМ. В. В. ВИНОГРАДОВА РАН)

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗНОШЕНИЯ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ

Как известно, в процессе фонетического освоения заимствованных слов наблюдается три разных ситуации: 1) заимствованное слово сохраняет произносительные особенности языка-источника; 2) заимствованное слово полностью подчиняется фонетическим законам языка-реципиента; 3) произношение заимствованного слова нарушает первую и вторую возможность, формируя тем самым специфические черты произносительной подсистемы иноязычных слов. Именно третий способ активно использовался русским языком последнего столетия (произнесение качественно нередуцированных безударных гласных; произношение твердых согласных перед /э/; произношение долгих согласных в корнях слов и др.). Динамика развития рассматриваемой подсистемы приводила к мысли, что, кроме фонологически принятой языковой системой твердости согласных перед /э/, все остальные черты постепенно подвергаются русификации и исчезают.

Но наблюдения последнего времени продемонстрировали новую волну фонетических «странностей», проявляющихся как в составе фонем, так и в закономерностях позиционного распределения звуков.

В начале XX века состав фонем подсистемы заимствованных слов несколько отличался от состава основной фонологической системы за счет согласных фонем /л/-европейское, /γ/, /ц'/, /ш'/, /ж'/. Употребление этих фонем было лексикализовано. За прошедшие сто лет «пришлые» фонемы (как их называл М. В. Панов), бывшие специфичными для заимствованных слов, ушли из русской фонологической системы. Но ориентированность произношения иноязычных по происхождению слов на английский манер привела к появлению губно-губной фонемы /w/: [w]ик-энд, [w]инет, [w]инс, [w]итлендер, [w]оки-токи, [w]окмен, [w]ош, [w]айт-спирит, [w]акари, [w]анстен, в именах собственных [w]олл-стрит, [w]отергейт, [w]имблдон. Причем, употребление «чужой» фонемы, как представляется, надо считать не цитированием из английского языка, а стилизацией под иностранное произношение.

В качестве примера специфического для подсистемы заимствованных слов позиционного распределения звуков можно привести большое число новейших

заимствований с качественно нередуцированными безударными гласными (бл[о]кбастер, бл[о]кпост, б[о]диарт, б[о]дибилдинг, к[о]рнфлекс, н[о]утбук, н[о]у-хау, н[о]пкорн, н[о]ртфолио, сн[о]уборд; д[э]длайн, ск[’э]йтборд, г[’э]ймплей и др.).

Повторяется ситуация первой трети XX века: языку вновь потребовались маркеры чуждости заимствованных слов и для этой цели используются средства фонетики.

Л. Л. КАСАТКИН
(ИРЯ ИМ. В. В. ВИНОГРАДОВА РАН)

СОХРАНЕНИЕ В ГОВОРАХ СТАРООБРЯДЦЕВ ДИАЛЕКТНЫХ ЧЕРТ ПРОШЛЫХ ЭПОХ

В силу конфессиональной замкнутости, стремления жить по законам предков, старообрядцы сохраняют не только старую веру, старые обряды, но и прежний язык. В нем встречаются такие особенности, которые в других русских говорах полностью утрачены; остаются лишь как следы старых закономерностей, по которым сами эти закономерности в полной мере установить невозможно; такие, которые помогают интерпретировать аналогичные явления в языке нестарообрядцев.

1. Б. А. Успенский обнаружил в системе литургического произношения старообрядцев различие *е* и *ѣ*: *ѣ* смягчает предыдущий согласный, а *е* не смягчает — а также сохранение рефлексов редуцированных гласных [ѣ] и [ѥ]. Такое произношение известно и некоторым русским говорам.

2. Образование неопределенных местоимений и наречий в говорах старообрядцев Нижнего Подунавья при помощи конечной морфемы *-ся* / *-сь*: после гласного обычно употребляется *-сь*, после согласного *-ся*, реже *-се* — *си:хтось*, *ковось*, *комусь*, *какомусь*, *штось*, *какаясь*, *какиесь*, *десь*, *колысь*, *кудысь*; *какойся*, *какимся*, *в какихся*, *чемся*, *какся*.

А. А. Зализняк показал, что в древнерусском языке в соответствии с законом Вакернагеля энклитика *-ся* примыкала к местоименным словам, стоящим в начале фонетической синтагмы; затем *-ся* примкнуло к глаголам. Но так произошло в русском литературном языке и в большинстве говоров. В говорах же Юго-Западной зоны это *-ся* сохраняло свое прежнее расположение в синтагме. Такой способ образования неопределенных местоимений и наречий сохранили старообрядцы, живущие за пределами России.

3. В языке старообрядцев-«турчан» из штата Орегон США, которые приехали туда из Турции, а их предки жили в Нижнем Поднестровье, наблюдается неразличение свистящих и шипящих согласных. В их фонетической системе есть только ряд свистящих согласных и отсутствует ряд шипящих.

Это более последовательное проведение того же принципа, который проявился в цоканье. Но если цоканье известно многим современным русским говорам, то последовательное неразличение щелевых свистящих и шипящих русским говорам Европейской части России неизвестно, а в некоторых говорах

Сибири оно — результат влияния местных языков. В современных русских говорах Европейской части России встречаются лишь следы такой системы в отдельных словах. Произношение оregonских «турчан» — единственный известный пример сохранения системы с отсутствием ряда шипящих согласных в современных русских говорах европейского происхождения.

4. Юго-западным южнорусским говорам и значительной части говоров белорусского языка свойственно диссимилятивное аканье, при котором произносится [э] перед слогом с [а] и [а] перед другими гласными. Отступления от этого принципа распределения [а] и [э] диалектологи объясняли влиянием литературного языка и говоров с сильным аканьем. Однако говоры старообрядцев за границами России не могли испытывать такого влияния. Разное распределение по позициям в фонетическом слове [а] и [э] в говорах с диссимилятивным и сильным аканьем — это различие поверхностное, тогда как глубинное, лежащее в его основе — это различие этих говоров по ритмической структуре слова. Диссимилятивное аканье — результат сохранения древнейшей ритмической структуры слова.

5. Один из редких типов диссимилятивного яканья в русских говорах — мосальский тип: произношение предударного [и] перед ударными [е] (из *е* и *ѣ*) и [а] и предударного [а] перед другими ударными гласными: *с[’а]лѣться*, *с[’а]стры́*, *с[’а]лѹ́*, *с[’а]лѹ́*, *с[’а]лѣдка*; в *с[и]лѣ́*, *с[и]лѣний*, *с[и]лѣ́*.

В одном из старообрядческих говоров на Украине наблюдается различие: перед бывшей /ѣ/ в середине слова произносится [и], а в открытом конечном слоге — [а]: *л[и]тѣл* — в *с[’а]лѣ́* и т. п.

Формирование мосальского типа яканья в говорах Юго-Западной диалектной зоны происходило в эпоху, когда /ѣ/ в середине слова уже совпала с /е/, а в конечном открытом слоге еще могла реализоваться особым звуком.

6. Составители «Словаря говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» отметили у некоторых слов протетический [у]: [у]пойдем, [у]травá, [у]рабо́чие кони, [у]сусѣд, [у]кѣчка, [у]квадрáтный, [у]штѹб, [у]красный, [у]год, [у]нявѣсту, [у]лед, [у]тѹт, [у]то́лько, [у]заслѹнка, [у]красче, [у]все, [у]врѣмя, [у]вста́ли. Такое произношение не было отмечено ни в одном русском говоре. Во время моих экспедиций к семейским в 2001–2003 гг. я обнаружил, что такое произношение представляет собой сочетание частицы *во* ('вот'), произнесенной как [у], со следующим словом и возникло из [wo] *пойдем*, [wo] *травá*, [wo] *рабо́чие ко́ни*, [wo] *сусѣд*, [wo] *кѣчка* и т. п.

В говорах и других старообрядцев, предки которых жили на территории Юго-Западной диалектной зоны, я также обнаружил на месте [wэ], выступающего в соответствии с *вы*, *во*, *ва* в безударных слогах, чаще кроме 1-го предударного, произношение [у]: [у]дяно́й, [у]зываютъ, [у]руча́ла, [у]полня́ла, [у]сота́, [у]со́кой, [у]ходно́й день, мы [у] так делали, ск[у]зняко́м, по[у]ка́рчивали, не́[у]д (невод), привя́зы[у]ть, воспиту[у]ла и т. п. Таким образом, эта черта была свойственна говорам Юго-Западной диалектной зоны по крайней мере в XVII в., до бегства и переселений старообрядцев из этих мест.

«ФОНЕТИЧЕСКИЕ ФАНТОМЫ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

О фантомах в русской фонетике впервые написал М. В. Панов. Ему принадлежит следующее наблюдение: «Фонология знает, что есть фонемы, выраженные звуковым нулем. <...> Это — фонологические поручики Кижэ, особи, „фигуры не имеющие“» [Панов 2004: 406]. Примеры таких «фонетических фантомов» — разнообразные протезы и эпентезы, реализации которых совпадают с фонемами, но фонемами не являются.

Кроме этих фонетических единиц, существуют и такие, о которых можно судить лишь по той «тени», которую они отбрасывают на предшествующий или последующий звук, оставаясь при этом материально непредставленными. Это свойство проявляется в особенностях ассимилятивного смягчения согласных (*запа́[с']ливый*, но *уча́[с']ливый* и допуст. младш. *уча́[с]ливый*; *любе́[з']нее*, но *бе́[з']не* и допуст. младш. *бе́[з]не*), в рефлексах элиминированного интервокального *j* (*игра́[ä]*, *игра́[ÿ]*), а также в рефлексах утраченной мягкости шипящих (например, спорадические реализации *и[н']жёр*, *Ме[н']шиков*, *мла́[ч']ший*).

Литература

Панов 2004 — М. В. Панов. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. I. М., 2004.

В. Б. КАСЕВИЧ
(СПбГУ)

ГЕНЕРАТИВИЗМ КАК ТРАДИЦИОННОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Генеративизм — самое влиятельное в мире направление теоретической лингвистики, удерживающее свои лидирующие позиции в течение более полувека. Возможно ли возвести генеративную лингвистику к какой-либо из «прегенеративных» парадигм? Попытки Хомского связать важные принципы своей теории с положениями Декарта и В. Гумбольдта, ссылки на Галилея, Дарвина и др. [Хомский 2005а, 2005б] были не слишком убедительными; точнее, они адресовали к чересчур общим, скорее, философским аспектам лингвистики — наподобие «креативности» языка, то есть возможности создавать бесконечное множество структур на базе ограниченного алфавита.

Гораздо более адекватными кажутся суждения тех авторов, которые акцентируют не преемственность генеративизма по отношению к другим теориям, а, напротив, его радикальные отличия. Не случайно сторонники Хомского квалифицируют это течение как «[хомскианскую] революцию в языкознании» (или еще шире — как «[вторую] когнитивную революцию»). В итоге генеративизм оказывается лишенным корней — если не считать,

разумеется, его родовую связь с американским дескриптивизмом, где последний служит более областью отталкивания, нежели источником «фундирующих» идей. В своих ранних работах Хомский противопоставлял генеративную лингвистику традиционной, отождествляя традиционную со все тем же дескриптивизмом.

Более обычно «отрицательное» понимание традиционной лингвистики: это *не* структурализм во всех его разновидностях, включая (поли)системную лингвистику, *не* функциональные направления (если рассматривать их отдельно от структурализма), *не* генеративизм, *не* когнитивизм и т. д. Большинство из существующих грамматик разработаны именно с этих, достаточно расплывчатых позиций. Однако есть в этих позициях нечто общее, эксплицитно не оговариваемое, но важное, что сближает традиционный подход с генеративистским: это понимание задачи лингвистического исследования. «Традиционный» лингвист исходит из того, что он должен представить анализ любого текста (на соответствующем языке) в терминах лингвистических понятий, которые частично черпаются из работ предшественников (общих и специальных), частично вводятся в самом конкретном описании с целью учесть специфику материала.

Именно в этом отношении задачи генеративиста и «традиционалиста» во многом смыкаются. В разделе «Задача лингвистической теории» монографии «Синтаксические структуры» Хомский выбирает в качестве оптимальной лингвистическую теорию «с грамматиками G_1 и G_2 , а также всей совокупностью высказываний на входе и решением о предпочтительности G_1 или G_2 на выходе, т. е. теорию, дающую процедуру выбора грамматики» [Хомский 1962: 459]. Несмотря на непривычную (для традиционной лингвистики) «риторику» и иное распределение когнитивных акцентов, ясно, что выбор грамматики, о котором говорит Хомский, это одновременно выбор системы, аналитических средств, инструментария, позволяющих дать лингвистическую интерпретацию произвольному высказыванию; ср. точную формулировку А. Е. Кибрика: «Порождающая грамматика $\langle \dots \rangle$ приписывает языковым выражениям их структурные характеристики» [Кибрик 1997: VI]; см. также [Касевич 1977]. На самом деле различий между традиционализмом и генеративизмом очень много: это и стремление генеративистов к максимальной формализации описания, и связанное с этим представление о приписывании структурной характеристики как о порождающем процессе, управляемом особым алгоритмом, и отказ генеративистов от включения в лингвистическую теорию дефиниций языковых единиц и многое другое. Но все это никоим образом не перечеркивает то фундаментальное сходство, которое отмечено выше.

В своем первом монументальном труде «Опыт теории лингвистических моделей „Смысл $\leftrightarrow$ Текст“» И. А. Мельчук пишет: «Для правильной ориентации читателя укажем лишь, что наша теоретическая база — это „генеративно-трансформационное“ учение Н. Хомского, естественным развитием которого и является, по нашему мнению, данная модель» [Мельчук 1974: 17]. Едва ли эта автохарактеристика адекватна. У модели «Смысл $\leftrightarrow$ Текст» по сравнению с генеративной моделью *другие задачи*: она призвана воспроизводить процессы

перехода от смысла к тексту и наоборот, а эти процессы разворачиваются, естественно, *в речевой деятельности*. Иначе говоря, если, по Хомскому, лингвист должен моделировать *competence*, то, по Мельчуку, он должен воспроизводить в своем описании *performance*, а *competence*, то есть самое систему языка, — постольку, поскольку без последней речевая деятельность немыслима. Я. Г. Тестелец [2001] справедливо *противопоставляет* модели Н. Хомского и И. А. Мельчука (но несправедливо, на наш взгляд, отдает предпочтение Хомскому).

Таким образом, если говорить о «революционном» подходе, то это, скорее, подход И. А. Мельчука. Генеративизм же не может претендовать на революционность; если исходить из основных задач, которые данное направление ставит перед своим адептом, то хомскианство должно быть признано одним из «поднаправлений» *традиционного языкознания*.

Нельзя не упомянуть, что первым, по-видимому, близкую оценку дал генеративизму С. Д. Кацнельсон, ср. следующее его высказывание: «Наиболее четко функциональное понимание языка как динамической структуры, служащей целям отчуждения и усвоения мыслительной информации, представлено в работах Л. В. Щербы. К динамическому пониманию языка в последние десятилетия независимо от Л. В. Щербы пришел также и Н. Хомский» [Кацнельсон 2010: 141–142].

Литература

- Касевич 1977 — В. Б. Касевич. Элементы общей лингвистики. М., 1977.
Кацнельсон 2010 — С. Д. Кацнельсон. Общее и типологическое языкознание. М., 2010.
Кибрик 1997 — А. Е. Кибрик. Двадцать лет спустя // И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. 1. М.; Вена, 1997. С. V–XI.
Мельчук 1974 — И. А. Мельчук. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». М., 1974.
Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
Хомский 1962 — Н. Хомский. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Т. 2. М., 1962. С. 412–527.
Хомский 2005а — Н. Хомский. Картезианская лингвистика. М., 2005.
Хомский 2005б — Н. Хомский. О природе и языке. М., 2005.

Ю. А. КЛЕЙНЕР
(СПбГУ)

«ЛЮБИТЕЛЬСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ» НА ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Полевая работа в условиях тюрьмы / лагеря представляет собой особый случай собирательства, традиционно являвшегося одним из основных источников собраний фольклорных и диалектных материалов. В той или иной форме такое собирательство происходило едва ли не всегда — там и где устная традиция сосуществовала с письменной. Так, очень рано были созданы знаменитые европейские кодексы; позже в абсолютном исчислении, но

достаточно рано стадийно (в XVII в.) был создан «Сборник Кирши Данилова». В основе создания таких произведений лежит целый комплекс причин, в который очевидно входит и «этнографический интерес», то есть желание передать новые впечатления, используя наиболее выразительные средства, к каковым несомненно относится язык.

В отличие от литературных зарисовок (бабелевская Одессы, рассказы о Брайтон-Биче и т. п.), этнографические, фольклорные наблюдения предполагают совмещение двух точек зрения: *изнутри* («собиратель» находится в соответствующей фольклорной / диалектной среде) и *извне* (сам собиратель не принадлежит к среде, которую исследует). Замкнутость среды носителей арготической затрудняет совмещение двух точек зрения; отсюда игнорирование ряда аспектов структуры и бытования арготической в литературных имитациях (ср. В. А. Каверин «Конец хазы»). Тем не менее арготические вкрапления не бесполезны, особенно в случае старых текстов, типа «рассказов о разбойниках».

В России первым сочинением, относящимся к этому жанру, пришедшему, по-видимому, из Франции в XVIII в., была «История славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, со всеми обстоятельствами, разными любимыми песнями и портретом, писанная им самим при Балтийском порте в 1764 году» (М., 1792). Примеры слов из арготической преступников в нем: *мелкая раструска* 'тревога', *быть серым* 'быть пьяным', *каменный мешок* 'тюрьма', *сослать подале* 'на каторгу' и т. п.

В 1863–1866 гг. вышло первое издание романа В. В. Крестовского «Петербургские трущобы», содержащего зарисовки быта деклассированных, а также обширный лексический материал. Продолжая традицию, возродившуюся под влиянием иностранных образцов (Ч. Диккенс, Э. Сю), роман отражал интерес русского общества к жизни «дна»; ср. «Собрания выражений и фраз, употребляемых в разговоре с петербургскими мошенниками» («Северная пчела» 1859); В. Михневич «Язвы Петербурга» (жизнь столичного дна второй половины XIX в.); Н. Г. Брейтман «Преступный мир» (Киев, 1901: быт деклассированных, арготическая лексика) и т. д.

Работу по планомерному собиранию арготической лексики начал В. И. Даль, составивший словарь «Условного языка петербургских мошенников» (ориентировочная дата — 1842 г.; впервые опубликован в 1990 г.). Этими материалами пользовался С. В. Максимов, ср.: «Тюремный словарь. Искусственные (байковые, ломанские и кантужные) языки» (приложение к первому тому книги «Сибирь и каторга»). Образцом сотрудничества «собирателя» и лингвиста можно считать словарь «Блатная музыка», составленный прошедшим тюрьму В. Ф. Трахтенбергом и вышедший под редакцией И. А. Бодуэна де Куртенэ.

С начала XX в. практически не прекращалась работа по составлению словариков «Для служебного пользования», представляющих «взгляд изнутри», небольшие по объему ведомственные издания, не содержащие указаний на сферу бытования лексики, грамматических и стилистических помет и т. п.

На время «Оттепели» и, соответственно, «хрущевских посадок» приходится начало работы по созданию наиболее значительного в истории российской

лексикографии собрания такого рода, «Материалов к словарю русской ненормативной лексики» Кирилла Косцинского (К. В. Успенского) (1915–1984), участника войны, члена СП, который начал собирать материалы по тюремной лексике, находясь в одном из мордовских лагерей для политзаключенных. (Ходатайство от АН СССР обеспечило практически официальный характер работы по сбору лексики и беспрепятственный вывоз собранных материалов за пределы лагеря после освобождения К. В. Косцинского.)

Краткая характеристика «Материалов»

Изначально «Материалы» представляли собой картотеку, содержащую ок. 15000 карточек, которые были перефотографированы автором и в таком виде вывезены на Запад. Сама картотека была оставлена автором на хранение в Ленинграде, и в настоящее время хранится в Библиотеке Петербургского лингвистического общества.

Материалы картотеки были (частично) сведены автором в текст (ок. 4500 страниц частично правленной машинописи), содержащий толкования слов, ссылки на другие лексикографические источники, стилистические и социолингвистические пометы. Все это вместе составляет предварительный вариант текста словаря.

Словарные материалы включают лексику жаргонов / аргю авиаторов / летчиков, администрации лагерей и тюрем, алкоголиков, архитекторов и художников, аспирантов (студентов и научных работников), артистов, банковских служащих, лошадиных барышников, народников и народовольцев, нищих, парикмахеров, партизан, работников сферы обслуживания, религиозных конфессий (напр., адвентистов), спортсменов, узников немецких концлагерей, чиновно-бюрократической среды дореволюционной России, шахтеров, школьников, шоферов, карточных шулеров, экскурсоводов, эмигрантов, эстрадных актеров, юнкеров и кадетов и т. д. В материалы также входит лексика, имеющая определенную территориальную привязку (Москва, Одесса, Петроград / Ленинград, слова и выражения, возникшие в оккупированных районах в годы Великой Отечественной войны), а также лексика «мертвых» профессиональных жаргонов и аргю («отвернический язык», «офенский язык», язык шерстобитов).

Помимо указания на сферу бытования слова, словарная статья включает грамматическую информацию (*сущ.*), предположительную датировку (*не позднее / не ранее конца / начала / середины*), географическое распространение (*обл.*) частотность или широту распространения (*оказ.*), источник (*польск.*) и др.

К материалам прилагается список сокращений — письменных источников и корреспондентов (лица, от которых поступило не менее 10 словарных единиц), напр., **ВБ** = *Ванька Бец «Словарь выражений, употребляемых босяками» /Одесса/*, **А-А** = *Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина, Крылатые слова; ААО* = *А. А. Овсянникова студенческий жаргон и архитекторы /Л./*, **ВАХ** = *В. А. Хомяков, немецкие концлагеря /Пталаг 4-В, Мюльберг, Саксония/*, а также библиография источников (включая «самиздат») и справочных материалов и исследований.

К. В. Косцинский работал над словарем вплоть до своей эмиграции в США (1978), куда он сумел переправить фото пленки с примерно 11000 словарных карточек, отобранных из картотеки, насчитывающей ок. 15000 единиц.

В США Косцинский продолжал заниматься обработкой «Материалов» и подготовкой их к изданию, работая в Русском научном центре при Гарвардском университете.

С 2006 г. «Словарные материалы», переданные Дж. Синдолл, вдовой К. В. Успенского (Косцинского) на хранение Петербургскому лингвистическому обществу, хранятся на Филологическом факультете СПбГУ.

В. Д. КЛИМОНОВ
(УН-Т ГУМБОЛЬДТА, БЕРЛИН)

РОЛЬ ИКОНИЗМА В СТРУКТУРИРОВАНИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ ВИДОВЫХ ПАРАДИГМ РУССКОГО ГЛАГОЛА)

В аспектуальной системе древнерусского и старорусского языка совмещаются несколько хронологически разных пластов, отражающих процесс формирования и развития категории глагольного вида в славянских языках. Двувидовые глаголы типа *насти* (<**надти*), манифестирующие синкретические видовые парадигмы типа *насти* (НСВ) — *насти* (СВ), являются реликтами ранней стадии развития общеславянского языка, на которой не существовало формальной дифференциации видовых значений, то есть еще не было глагольного вида как грамматической категории. Парадигмы вторичной имперфективации типа *написати* (СВ и НСВ, ср. настоящее время *напишеш* и *написаеши*) — *написовати* / *написывати* (НСВ) отражают начальную стадию формирования видовых оппозиций, на которой только предельные глаголы типа *написати* могли иметь видовое противопоставление, то есть оппозицию непроцессуализированных перфективных действий и процессуализированных имперфективных действий. Соответствующие им неопределенные бесприставочные глаголы типа *писати* образовывали на этом первоначальном этапе формирования категории глагольного вида оппозицию неитеративности — итеративности типа *писати* / *писовати* — *писывати*. Парадигмы перфективации появляются позже, лишь на следующем этапе развития категории глагольного вида, когда в процессе грамматикализации глагольного вида на базе исходных парадигм первичной и вторичной имперфективации типа *мьстити* (НСВ и СВ) — *мьщати* (НСВ) и *отъмьстити* (СВ и НСВ) — *отъмьщати* / *отъмьщавати* (НСВ) возникают парадигмы перфективации типа *мьстити* (НСВ) — *отъмьстити* (СВ). Ближе к новому времени парадигмы перфективации типа *мьстити* (НСВ) — *отъмьстити* (СВ) вытесняют конкурирующие с ними парадигмы имперфективации типа *мьстити* (НСВ и СВ) — *мьщати* (НСВ) и *отъмьстити* (СВ и НСВ) — *отъмьщати* / *отъмьщавати* (НСВ). В ходе исторического развития русского языка выходят из

употребления и старые синкретические видовые парадигмы типа *пасти* (НСВ) — *пасти* (СВ).

Механизмы преобразований аспектуальных парадигм в русском языке рассматриваются в настоящей работе в рамках теории естественной грамматики. В соответствии с этой теорией грамматические изменения в морфологических системах естественных языков детерминируются действием типологически релевантных принципов маркированности (= принципов естественности = законов преферентности). Эти принципы объясняют исторически засвидетельствованные сдвиги в манифестации аспектуальных парадигм в русском языке и предсказывают общую направленность в развитии аспектуальной системы русского глагола. В соответствии с этой теорией грамматические изменения протекают, как правило, в направлении увеличения удельного веса немаркированных, то есть оптимальных единиц языковой системы и соответственно в направлении уменьшения доли (и в конечном счете к полному устранению) маркированных, то есть неоптимальных грамматических единиц. Такой подход к анализу преобразований в аспектуальной системе русского глагола позволяет найти объяснение ведущей роли парадигм перфективации в системе видовых парадигм русского глагола. Оптимальные, а потому и преферентные иконические парадигмы перфективации вытесняют конкурирующие с ними неоптимальные контраиконические парадигмы имперфективации и неоптимальные неиконические синкретические видовые парадигмы. Эта закономерность прослеживается как в истории развития русского языка, так и на современном этапе его развития, ср. вытеснение неоптимальных контраиконических парадигм вторичной имперфективации типа *приготовить* — *приготавливать* / *приготавливать* оптимальными иконическими парадигмами перфективации типа *готовить* — *приготовить* (ср. *готовить*, но не **приготавливать* или **приготавливать* (обед, уроки)). Неоптимальные неиконические синкретические парадигмы типа *блокировать* (НСВ) — *блокировать* (СВ) все более и более вытесняются в современном русском языке конкурирующими с ними оптимальными иконическими парадигмами перфективации типа *блокировать* (НСВ) — *заблокировать* (СВ). Замена неоптимальных контраиконических парадигм имперфективации и неоптимальных неиконических синкретических видовых парадигм оптимальными иконическими парадигмами перфективации в процессе развития русского языка свидетельствует о действии тенденции к оптимальной организации видовых парадигм в русском языке и знаменует собой поступательное движение в развитии видовой системы русского языка на пути к ее совершенствованию.

Дополнительная литература

- Виноградов 1972 — В. В. Виноградов. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.
- Гловинская 2008 — М. Я. Гловинская. Активные процессы в грамматике // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М., 2008. С. 187–267.

- Зализняк, Микаэлян 2010 — А. А. Зализняк, И. Л. Микаэлян. О месте видовых троек в аспектуальной системе русского языка // Труды международной конференции «Диалог 2010». С.130–136.
- Зализняк, Шмелев 2000 — А. А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Введение в русскую аспектологию. Москва, 2000.
- Климонов 2011 — В. Д. Климонов. Утрата морфологических маркеров итеративности в русском языке // Л. Спасов, И. Пановска-Димкова. Категории на глаголската множественост во словенските и во несловенските јазици (синхронизација и дијахронизација) / Категории глагольной множественности в славянских и неславянских языках (синхрония и диахрония). Скопје, 2011. С. 11–28.
- Кузнецов 1953 — П. С. Кузнецов. К вопросу о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка // Труды института языкознания АН СССР. II. М., 1953. С. 220–252.
- Маслов 1984 — Ю. С. Маслов. Возникновение категории совершенного / несовершенного вида // Ю. С. Маслов. Очерки по аспектологии. Л., 1984. С. 102–110.
- Силина 1982 — В. Б. Силина. История категории глагольного вида // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982. С. 158–279.
- Dressler 2003 — W. U. Dressler. Naturalness and morphological change // B. D. Joseph, R. D. Janda (eds.). The Handbook of historical linguistics. Malden, 2003. P. 461–471.
- Dressler et. al. 1987 — W. U. Dressler, W. Mayerthaler, O. Panagl, W. U. Wurzel. Leitmotifs in Natural Morphology. Amsterdam; Philadelphia, 1987.
- Vennemann 1988 — Th. Vennemann. Preference laws for syllable structure and the explanation of sound change. Berlin; New York; Amsterdam, 1988.
- Wurzel 1994 — W. U. Wurzel. Grammatisch initiiertes Wandel. Bochum, 1994 (= Bochum-Essener Beiträge zur Sprachwandelforschung, Bd. XXIII).
- Wurzel 1998 — W. U. Wurzel. On Markedness // Theoretical Linguistics 24/1. 1998. P. 53–71.
- Wurzel 2001 — W. U. Wurzel. Ökonomie // Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Bd. 20.1. Berlin; New York, 2001.

Ю. П. КНЯЗЕВ
(СПбГУ)

НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА ФОНЕ ДРУГИХ КОНСТРУКЦИЙ С НЕНАЗВАННЫМ СУБЪЕКТОМ

Считается, что «всякий язык должен иметь способы обозначения действия, исходящего не только от определенного лица, известного говорящим, но и от неопределенного лица, которое им не известно» [Гак 1991: 72]. При этом во многих языках сосуществуют несколько способов оставить производителя действия неназванным [Siewerska 1984: 238–251; Томмола 1998]. Так, в польском языке в этой функции, помимо двучленного пассива (ДП), используются, в частности, возвратный субъектный имперсонал (СИ) и конструкции с особыми отпричастными формами на *-no*, *-to* [Wiemer 1995]:

- (1) *Życie na prowincji jest zdrowe: wstaje się do dnia, chodzi się spać s kurami, dobrze się jada* [Мацюсович 1969:125].
‘Жизнь в провинции здоровая: **встаешь** (встают) до рассвета, **идешь** (идут) спать с курами, хорошо **ешь** (едят)’;

- (2) *Koło południa **zatrzymano się** w małym ustroniu, nad źródłem, które szumiało bolesnie. Henryk nachylił się nad wodą i długo słuchał jej pieśni. Naokoło był gwar, **pito** wino, **jedzono**, **żartowano*** [Klemensiewicz 1962: 108].

‘Около полудня **остановились** в небольшом укрытии, над ручьем, который печально шумел. Хенрик наклонился над водой и долго слушал ее песню. Вокруг разговаривали, **пили** вино, **ездили** верхом, **шутили**’.

По отношению к русскому языку в этой связи говорят прежде всего о неопределенно-личных предложениях (НЛП): *Его уволили; Здесь строят дорогу* и ДП: *Он уволен; Здесь строится дорога*. При этом обычно отмечается, что, в отличие от ДП, субъектом действия, обозначенного НЛП, может быть только лицо, которое к тому же не является говорящим. Действительно, в следующих примерах ДП нельзя заменить на НЛП:

- (3) *Великая разлилась широко, подступив к стенам Мирожского монастыря, а на берегу Псковы, у решеток, **были затоплены** дома* (В. Каверин);
- (4) *Летопись моих ранних жизненных впечатлений подошла к концу. Книга **написана*** (В. Шефнер).

Вместе с тем в русском языке встречаются и НЛП, субъектом которых является неличный, хотя и одушевленный, субъект:

- (5) *По счастью, дверь к старушке была всегда заперта, и Фальстаф ограничивался тем, что завывал перед нею ужасно, до тех пор пока не прибежали люди и не сгоняли его вниз. Княжна же, во все время визита неукротимого бульдога, кричала, как будто бы ее уж **съели***. (Ф. Достоевский);
- (6) *Брежнев у власти, как заснувший рыбак у реки; наживку давно **склевали**, а он по-прежнему сладко дремлет* (А. Архангельский).

С другой стороны, НЛП в русском языке могут обозначать общие правила, которые, если прямо не утверждается обратное, распространяются и на говорящего:

- (7) *В конце предложения ставят точку;*
- (8) *Здесь не **курят**.*

Между тем, например, в чешском языке в предложениях типа (7), (8) НЛП не употребляются именно потому, что здесь говорящий не исключается из числа потенциальных производителей действия [Жажа 1988: 93].

Помимо личности субъекта, для русских НЛП существенна и целенаправленность действия. Отклоняющиеся от этого правила НЛП звучат очень странно:

- (9) *Я знал, что Сонечка с матерью были за границей, где они пробыли года два и где, рассказывали, их **вывалили** в дилижансе и Сонечке **изрезали** лицо стеклами кареты (Л. Толстой).*

При обозначении «общих правил» пересекаются сферы употребления НЛП и обобщенно-личных предложений, базирующихся на формах 2-го лица единственного числа. Тем не менее различие между ними сохраняется. Так, в следующем фрагменте из интервью с Юрием Батуриным первая часть ответа могла бы принадлежать любому человеку, а вторая — только тому, кто сам побывал в космосе:

- (10) *Что там еще есть человеческого? — Письма близких. <...> Письма там **читают** по-особому. Их сразу не **открывают** — **прячут, откладывают**. А потом в конце дня наедине **читают, перечитывают**. На «Мире» было удобнее, <...> можно было улететь в дальний конец, и никто **тебя** не трогал, а МКС вся как один коридор — не **уединишься**.*

В современном русском языке наблюдается также рост употребительности безличного пассива от непереходных глаголов:

- (11) *Десять ступенек, где **лежано, ползано, Вставано, шагано, бегано, прыгано** (О. Фокина),*

а, с другой стороны, возвратного СИ; ср. чередование ДП и СИ в фрагменте, приведенном в [Поляков 2011: 68].

- (12) *Велосипед — это не блинчики с семгой, он за минуту **не покупается**. <...> Сначала **смотрится, выбирается, общается** с продавцом-консультантом по продаже велосипедов. Потом **заполняются все талоны и гарантии** <...>. Потом **садится** на велик и **обкатывается** его часик-полтора <...>. Потом **едется** в магазин и **исправляется** то, что может быть не так.*

Литература

- Гак 1991 — В. Г. Гак. Неопределенноличность в плане содержания и в плане выражения // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991. С. 72–86.
Жажа 1988 — С. Жажа. Глагольные конструкции родственных языков и расхождения в их функционировании (на материале русского и чешского языков) // Язык: система и функционирование. М., 1988. С. 87–98.
Мацюсович 1969 — Я. В. Мацюсович. О двух синтаксических конструкциях современного польского языка // Исследования по польскому языку. М., 1969. С. 114–133.
Поляков 2011 — Д. Е. Поляков. Берется ранец и идется в школу... // Русская речь. 2011. № 1. С. 63–69.
Томмола 1998 — Х. Томмола. Заметки к типологии амбиперсонала // Типология. Грамматика. Семантика. СПб., 1998. С. 41–57.

- Klemensiewicz 1972 — Z. Klemensiewicz. Podstawowe wiadomości z gramatyki języka polskiego. Warszawa, 1972
- Siewierska 1984 — A. Siewierska. The passive: a comparative linguistic analysis. London, 1984.
- Wiemer 1995 — B. Wiemer. Zur Funktion von Sätzen ohne grammatischen Subjekt im Polnischen und Russischen // Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 35. 1995. S. 311–329.

Ю. КОНУМА
(СПбГУ)

КЛАССИФИКАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

В японском языке имеется инкомплетивный кластер, согласно терминологии В. А. Плунгяна [2011], в котором в рамках первичного аспекта комбинируются прогрессивная, стативная и результативная граммы. Наличием последней граммы инкомплетив отличается от имперфективного кластера — такого, как русский несовершенный вид, представляющий собой, в рамках первичного аспекта, дуратив¹. Следовательно, для типологически адекватного функционально-семантического анализа японского Инкомплетива следует представить описание результата как его составляющей. Инкомплетив в качестве результата может сочетаться с различными глагольными лексемами: и транзитивными и интранзитивными, что способствует реализации разных результативных конструкций. Поэтому для описания японского результата требуется классификация результативных конструкций, которая способствовала бы описанию их семантических структур с точки зрения взаимодействия аспектуальных грамм и организации акциональных классов глагольной лексики.

Первой основательной типологической работой, посвященной результату, можно считать «Типологию результативных конструкций» 1983 г. Ее концептуальной предпосылкой послужила работа А. А. Холодовича о японском результате [Холодович 1979а, 1979б]². В этих работах предложена классификация результативных конструкций с точки зрения аргументного характера субъекта результирующего состояния в пропозиции предшествующего ему действия: если субъект первого соотносится с субъектом последнего, то результатив называется субъектным, а если — с объектом последнего, то — объектным. В [Недялков, Яхонтов 1983] вводится и посессивный результатив, при котором субъект соотносится с Посессором Пациенса предшествующего действия. Эти три типа результата считаются наиболее частотными в языках мира.

Что касается японского языка, к объектному результату А. А. Холодович относит исключительно конструкцию с глагольной формой на *-te-ar-*:

¹ Что касается вторичного аспекта, японский Инкомплетив так же, как имперфективный кластер, обладает хабитуалисом.

² Раздел «Перфект-результатив» в [Холодович 1979б 138–160] по содержанию идентичен статье [Холодович 1979а].

- (1) *Asa kara zutto mado ga ake-te-ar-u*
 утро ABL все.время окно NOM открывать-CNV-PIMAGRES-NPST
 ‘С утра окно открыто (кто-то с каким-то намерением открыл окно и так и оставил)’.

Однако в языке имеются еще три конструкции с Инкомплетивом, которые, согласно классификации вышеуказанных авторов, относятся к объектному результату:

- (2) *Asa kara zutto mado ga ai-te-i-ru*
 утро ABL все.время окно NOM открываться-CNV-INCPL-NPST
- (3) *Asa kara zutto mado ga ake-rare-te-i-ru*
 утро ABL все.время окно NOM открывать-ACAUS-CNV-INCMPL-NPST
- (4) *Taroowa asa kara zutto mado o ake-te-i-ru*¹
 TOP утро ABL все.время окно ACC открывать-CNV-NCPL-NPST

Все четыре предложения (1)–(4) обозначают одну и ту же денотативную ситуацию ‘окно открыто’, отличаясь друг от друга глагольной формой и характером семантического компонента агентивности.

Таким образом, предложенная вышеуказанными авторами классификация результатов не способствует адекватному анализу японских результативных конструкций. На наш взгляд, в проведении классификации следует учитывать, во-первых, соотношение между аргументными структурами глагольных предикатов и актантными структурами результативных конструкций. В японских результативных конструкциях Пациенс, являющийся непосредственным субъектом² результирующего состояния, далеко не всегда выступает в номинативе; он может быть маркирован аккузативом. Во-вторых, также немаловажным представляется соотношение между аргументами предиката и их референтами в пропозиции. Двухактантным результативным конструкциям с транзитивными глаголами, характерным для Инкомплетива, способствует, главным образом, референтная идентичность Агенса и Посессора Пациенса. И, наконец, существенное значение имеет семантический компонент агентивности. Разнообразие результативных конструкций состоит главным образом, как представляется, в ранжировании агентивности.

¹Используемые сокращенные указатели обозначают следующим образом: ABL — аблатив, ACAUS — антикаузатив, INCMPL — инкомплетив, NOM — номинатив, NPST — непрошедшее время, PIMAGRES — пациентивно-имплицитно-агентивный результатив, CNV — конверб.

²Имеется в виду, что в результативных пропозициях Пациенс не всегда является смысловым субъектом ситуации. Например, в некоторых русских говорах наблюдается результативная деривация типа «Он надел шапку ⇒ Он надевши шапку» (пример из [Недялков, Яхонтов 1983: 9]). Здесь каузация затрагивает не только Пациенс, являющийся ее непосредственным объектом, но и Агенс за счет идентичности Агенса Реципиенту. Тем самым смысловым субъектом результирующего состояния является Агенс.

С учетом вышеизложенного предлагается следующая классификация японских результативных конструкций:

I. Одноактантные результативные конструкции с интранзитивными глаголами	1. Агентивный результатив
	2. Пациентивно-неконтролируемый результатив
II. Одноактантные результативные конструкции с транзитивными глаголами	3. Пациентивно-пассивный неконтролируемый результатив
	4. Пациентивно-имплицитно-агентивный результатив (формы на <i>-te-ar-</i> каузативов)
III. Двухактантные результативные конструкции с транзитивными глаголами	5. Агентивно-рефлексивный результатив
	6. Агентивно-посессивный результатив
	7. Посессивно-пассивный контролируемый результатив
	8. Пациентивно-эксплицитно-контролируемый результатив

В предложенной классификации можно наблюдать постепенный переход от статальной к диффузной перфектности [Маслов 2003: 196], то есть процесс развития результата по направлению к перфекту, что представляет типологический интерес.

Литература

- Маслов 2003 — Ю. С. Маслов. Перфектность // А. В. Бондарко (отв. ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М., 2003. С. 195–209.
- Недялков, Яхонтов 1983 — В. П. Недялков, С. Е. Яхонтов. Типология результативных конструкций // В. П. Недялков (отв. ред.). Типология результативных конструкций. Л., 1983. С. 6–41.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Холодович 1979а — А. А. Холодович. Результатив в современном японском языке // Японское языкознание. М., 1979. С. 5–26.
- Холодович 1979б — А. А. Холодович. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.

П. А. КОЧАРОВ
(ИЛИ РАН — СПбГУ)

К ВОПРОСУ О ПРЕДИКАТИВНОМ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМ ПАДЕЖЕ В ПРАИНДООЕВРОПЕЙСКОМ

Доклад посвящен обсуждению гипотезы о наличии у праиндоевропейского инструментального падежа предикативной функции. Эта гипотеза была выдвинута Дж. Джасановфом, чтобы объяснить происхождение индоевропейского стативного / результативного суффикса **-eh₁-* [Jasanoff 1978: 122ff.; Jasanoff 2003: 143–148]. В рамках данной гипотезы предлагается рассмотреть лат. *ārēfaciō* ‘сушу, высушиваю’ (3 ед. ч. *facit ārē*) как продолжение праязыковой конструкции, тождественной русск. *делаю сухим* (инстр. пад.).

Кроме того, Джасанофф рассматривает латинские формы имперфекта и будущего времени, содержащие формант *-b-* (1 ед. ч. буд. инд. *ārē-b-ō*, 1 ед. ч. имперф. *ārē-b-am*), как продолжение аналогичной конструкции, состоящей из инструментального падежа и бытийного глагола **b^hewH-* ‘быть’; такую же конструкцию, только с бытийным глаголом **h₁es-*, предлагается видеть в ст.-сл. имперф. *старъ-ахъ* ‘был старым (тв. пад.)’. Реликты той же конструкции Дж. Джасанофф видит в употреблении вед. *gúhā* ‘спрятанный’, застывшей формы INSTR. Пад., ед. ч. **g^huḡ^h-éh₁* (*guh-* ‘укрытие’, *gúhati* ‘прятаться’), при глаголах *dhā-* и *kr-* ‘делать’ (ср. RV 5.15.5), а также *bhū-* и *as-* ‘быть, становиться’ (ср. RV 3.1.9).

При этом класс индоевропейских атематических стативных глаголов с основой на **-eh₁-* объясняется как дериваты на **-ye/o-* от форм предикативного инструменталиса, образованные по модели: **X-éh₁* ‘со свойством X’ → **X-eh₁-yé/ó-* ‘быть/становиться (подобным) X’. Эта гипотеза была недавно поддержана в [Melchert, Oettinger 2009: 67].

Тот факт, что глаголов на **-ye/o-*, которые были бы образованы от вторичных имен (прилагательных, причастий, наречий), для индоевропейского праязыка не засвидетельствовано, делает, на наш взгляд, уязвимой предложенную Джасаноффом гипотезу. При этом важно отметить, что отсутствие в праязыке модели образования стативных и инхоативных глаголов на базе форм инструментального падежа, само по себе не отрицает наличия у праиндоевропейского инструментального падежа предикативной функции.

В докладе будут рассмотрены факты в первую очередь древнеиндийского, балтийских и славянских языков, учет которых может помочь ответить на вопросы: была ли у праиндоевропейского инструментального падежа предикативная функция; если да, при каких глаголах (в каких грамматических формах) и у каких лексических классов имен.

Литература

- Jasanoff — J. H. Jasanoff. Stative and Middle in Indo-European. Innsbruck, 1978.
 Jasanoff — J. H. Jasanoff. «Stative» **-ē-* revisited // Die Sprache. 43 (2). 2003. S. 127–170.
 Melchert, Oettinger 2009 — H. C. Melchert, N. Oettinger. Ablativ und Instrumental im Hethitischen und Indogermanischen. Ein. Beitrag zur relative Chronologie // Incontri Linguistici. 32. S. 53–73.

М. А. КРОНГАУЗ
 (РГГУ)

ЯЗЫК И БЫТОВАЯ КУЛЬТУРА: СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВА

В докладе анализируется влияние бытовой культуры на развитие лексической семантики в русском языке. Объектом изучения становится небольшая группа существительных, значение которых связано с числами. Ядро этой группы составляют четыре слова: *двушка*, *трешка*, *тройк*, *пятак*. Материалом для исследования служат их описания в толковых словарях русского языка (БТС,

МАС, СА, СД, СемС, СОШ) и примеры употребления из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Обращает на себя внимание словообразовательная и семантическая асимметрия этих существительных. Во второй половине XX века слова *двушка* и *пятак* в первую очередь связаны с монетами, а *трешка* и *трояк* — с рублями. В толковых словарях именно эти значения присутствуют либо как единственные, либо как основные.

Для объяснения асимметрии выдвигается следующая рабочая гипотеза. За существительным-числом, то есть существительным с корнем, обозначающим число, закрепляется то «денежное» значение, которое важнее в бытовой культуре. Важность, а точнее, ценность или значимость «денежного» значения определяется, прежде всего, наличием соответствующего денежного знака, а также постоянной функцией у денежного знака или у соответствующей суммы. Конечно, функция на протяжении векового периода менялась, особенно если учесть революцию, денежные реформы и колебания цен. Поэтому, говоря о функции, лучше сосредоточиться на позднем советском периоде. Естественной границей может считаться 1961 год, когда при Н. С. Хрущеве была проведена денежная реформа и цены понизились в 10 раз. Однако интерес представляют и различные исторические экскурсы, осуществимые на материале словарей и корпуса русского языка.

Следует также отметить, что у этих слов есть и другие значения, кроме денежных, причем наборы их у рассматриваемых слов не совпадают ('оценки', 'тюремные сроки', 'квартиры с определенным количеством комнат' и т. д.). Описание этих значений включает хотя бы относительную фиксацию периода их существования, то есть определение времени их появления или исчезновения (в соответствии с данными НКРЯ), а также составление лексико-семантических рядов, например *однушка — двушка — трешка...* ('квартиры с определенным количеством комнат') или *копейка — двушка — трешка...* ('модели автомобилей').

Таким образом, семантическая асимметрия получает культурную интерпретацию. Выбор значения обусловлен культурной ценностью «денежных» и других понятий. За существительным-числом закрепляются те значения, которые наиболее важны и актуальны в определенный период времени. Тем самым подтверждается рабочая гипотеза: актуальность «денежного» значения определяется, прежде всего, наличием соответствующего денежного знака, а также постоянной функцией у этого денежного знака или у соответствующей ему суммы.

Кроме того, для подобных существительных следует говорить и об особом семантическом потенциале, то есть механизме появления новых значений. Лексикографически этот потенциал может фиксироваться в качестве особого «открытого» значения, не фиксирующего содержания счета. Именно наличие «открытого» значения дает возможность окказионального употребления этих слов: в НКРЯ представлено определенное количество единичных значений, нестандартных, но все же понятных носителю русского языка. Регулярное заполнение «открытого» значения одним и тем же «счетным» содержанием

приводит к образованию отдельного значения в жаргоне, например, в жаргоне риэлторов, автомобилистов, баскетболистов. Впоследствии такое значение может при определенных условиях претендовать и на закрепление в общезначимом лексиконе.

Источники

- БТС — С. А. Кузнецов (гл. ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2008.
НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru.
СемС — Н. Ю. Шведова (ред.) Русский семантический словарь. URL: www.slovari.ru.
СД — И. А. Бодуэн де Куртене (ред.). В. И. Даль. Словарь живого великорусского языка. URL: www.slovari.ru.
СА — В. С. Елистратов. Словарь русского арго (материалы 1980–1990 гг.). URL: www.slovari.ru.
МАС — А. П. Евгеньева (ред.). Словарь русского языка. URL: www.slovari.ru.
СОШ — С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. URL: www.slovari.ru.

С. А. КРЫЛОВ
(ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН — СПбГУ)

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕГРАММАТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Ю. С. МАСЛОВА

0. Вводные замечания

Попытаемся выявить специфику общеграмматической концепции Ю. С. Маслова, то есть черты, которые отличают эту концепцию от многих других концепций.

Сперва отметим три положения его общелингвистической концепции, важных для общей теории грамматики:

0.1. Дихотомия языковых знаков (морфем, словарных слов, устойчивых сочетаний, устойчивых фраз) vs. речевых комбинаций языковых знаков (свободно образуемых композитов, окказиональных и потенциальных слов, свободных словосочетаний, свободных предложений).

0.2. Дихотомия вариантов языковых единиц (алломорфем, аллоглоссем, аллолексем) vs. их речевых экземпляров (морфов, глоссов, лексов).

0.3. Дихотомия слов как минимальных подвижных единиц (глоссем, аллоглоссем, глоссов; они бывают как знаменательными, так и служебными, но не бывают разрывными) vs. слов как минимальных автономных единиц (лексем, аллолексем, лексов; они не бывают служебными, но бывают разрывными = составными = аналитическими).

1. Трактовка грамме

1.1. Несводимость грамматических значений (ГЗ) и категорий (ГК) к морфологическим.

Наряду с ГЗ, представленными «в отд. словах и их формах (в т.ч. и в сложных, аналитических формах)», «в ещё большей мере» ГЗ представлены в

«осмысленных сочетаниях знаменательных слов и в целом предложении» (то есть выраженных интонацией и порядком слов).

Таким образом, помимо «ГК, связанных с отдельными словами», бывают «ГК, проявляющиеся только в рамках целого предложения или сочетания знаменат. слов».

1.2. Полифункциональность грамем.

Грамемы большинства ГК многозначны: «из своего семантического спектра, т. е. из набора потенциально присущих им в языке значений, они в речи, в разных случаях употребления актуализируют то одно, то другое».

1.3. Взаимодействие грамем с лексико-грамматическими разрядами.

Ю. С. Маслов был первопроходцем этой сферы лингвистики (1948); но он не только положил этот принцип (синергетики) в основу своих аспектологических исследований, но и сформулировал его в качестве одной из фундаментальных аксиом теории грамматики.

2. Трактовка морфемы

2.1. Несводимость понятия морфемы к понятию сегментной морфемы.

Морфема — это минимальная (элементарная) значащая (двусторонняя) единица. Таким образом, есть (в частности):

1) «несегментные» морфемы: нулевые и супraseгментные (внутрисловные морфемы-операции, «супрафиксы»), в том числе: значащие чередования фонем (= «симульфиксы»), в том числе усечение, изменения ударения (сдвиг ударения, ослабление ударения) и тона (слогового акцента), морфемы-повторы (редупликация = удвоение);

2) (супraseгментные) морфемы, не являющиеся «частью слова» (интонация и порядок слов).

2.2. Нулевые морфемы не являются сегментными.

2.3. Есть «морфемы-слова» («свободные морфемы»). Неизменяемые слова (в том числе служебные и междометия) — это не корни и не аффиксы.

2.4. Есть «корни с ГЗ» (у изменяемых служебных слов)

3. Наряду с общей формообразовательной основой (всей парадигмы) есть и «парциальные основы» отдельных субпарадигм (групп форм)

4. Автономная классификация словообразовательных формативов (СО-Ф)

Она включает, в частности, особые типы: 1) присоединение СО-Ф к отдельной словоформе (СФ); 2) морфологическую конверсию; 3) синтаксическую конверсию; 4) супрафиксы, характерные для словообразования (в том числе (а) закреплённый (фиксированный) порядок компонентов; (б) «объединяющее» главное ударение; (в) усечение);

4.1) словосложения (в том числе стяжения словосочетаний, сложения основ и комбинации основосложения с другими СО-Ф); 4.2) сокращения и 4.3) аббревиации (образования сложносокращённых слов).

5. Трактовка аналитических образований

5.1. «Морфологические» служебные слова — это операторы образования аналитических СФ.

5.1а. Сочетание имени с предлогом (или послелогом) — это аналитическая СФ падежа.

5.1б. Артикль — это аналитический показатель ГК определённости / неопределённости. Таким образом, сочетание имени с артиклем — это аналитическая СФ.

5.2. Жёсткий порядок слов как аналитический показатель ГК падежа. Таким образом, препонируемое и постпонируемое имя — это разные падежные СФ.

5.3. «Возвратные» глаголы (западноевропейских языков) — это аналитические лексемы. Таким образом, возвратные местоимения этих языков — это СО-Ф.

6. Части речи (ЧР): многомерная классификация

6.1. «Вербониды» — это образования, совмещающие свойства глагола со свойствами других ЧР.

6.2. Указательно-заместительные слова — это особая параллельная система ЧР, дублирующая систему ЧР назывных слов.

7. Синтаксис

7.1. Синтаксис как учение о связной речи (свободной комбинации лексических единиц). Таким образом, он изучает также свободно образуемые композиты, но не фразеологию.

7.2. Трактовка словосочетания. Оно понимается как любое соединение знаменательных слов (в том числе не подчинительное, а предикативное).

7.3. Автономная классификация способов формального выражения синтаксических связей и функций.

7.3.1. Способы связи задаются независимо от синтаксических отношений — от направления и даже (!) наличия подчинения.

7.3.2. Согласование бывает (в частности) полиперсональным и анафорическим.

7.3.3. Связь бывает двунаправленная (согласование + управление).

7.3.4. При изафете связь обозначена в главенствующем слове.

7.3.5. Аранжировка (порядок слов) включает: позиционное примыкание (в том числе препозицию и постпозицию); закрепление мест за членами предложения; различение типов предложений; выражение актуального членения.

7.3.6. Фразовая интонация.

7.3.7. Синтаксические служебные слова.

7.3.8. Синтаксическое основосложение (в инкорпорирующих языках, санскрите, немецком).

7.4. Альтернативность решения вопроса о направленности предикативной связи подлежащего и сказуемого.

7.5. Актуальное членение бывает не только суперсегментно выраженное, но и сегментно выраженное.

И. П. КЮЛЬМОЯ
(ТАРТУСКИЙ УН-Т)

О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ ЯЗЫКА В ИНОЯЗЫЧНОМ ОКРУЖЕНИИ

Более двадцати лет существования русского языка в независимых государствах на постсоветском пространстве и некоторые наблюдения над социолектами (включая территориальные диалекты), а также опыт подобного функционирования других языков позволяют говорить о ряде закономерностей в развитии русского языка в иноязычном окружении. В реальности определенное взаимодействие и взаимовлияние языков существовало и в советский период, однако о нем не было принято говорить, поскольку считалось, что русский язык в качестве средства межнационального общения никаких вариантов не имеет. Строгая нормированность русского языка в СМИ, внимание лишь к литературному языку в школьном преподавании обеспечивали относительное его единство. Различия касались в основном ненормированных вариантов — просторечия, территориальных диалектов, молодежного сленга.

«Раскрепощение» публичной речи в период перестройки и последовавшее возникновение новых государств после распада союза создали новую ситуацию для функционирования русского языка в этих странах.

Статус русского языка в бывших союзных республиках неодинаков. В большинстве из них произошло сужение функциональной сферы русского языка (не используется в законодательстве, политике, армии, высшем образовании; сохраняется в СМИ, Интернете, образовании, культуре, бытовой сфере; в ограниченных пределах — в науке и официально-деловой сфере) за счет доминирования государственного. Государственный язык стал в той или иной мере оказывать влияние на употребление русского. Следует заметить, что это влияние может быть различным — как поддерживающим функционирование имеющихся языковых единиц, так и препятствующим ему. Поддерживающее влияние может способствовать консервации единиц, выходящих из употребления в языке этнической территории (примером подобного влияния может служить поддержка эстонским имперсональным залогом несогласованного посессивного перфекта в русских говорах Эстонии).

Общим для всех новых государств является ситуация языкового контакта, который неизбежен в языке, функционирующем за пределами своей этнической территории. При этом в данном случае речь идет не о контакте в понимании У. Вайнрайха, когда двумя языками попеременно пользуется одно и то же лицо, а о соприкосновении языков, возникающем вследствие особых географических, исторических и социальных условий, приводящих к необходимости языкового общения человеческих коллективов, говорящих на разных языках (О. С. Ахманова).

Таким образом, специфика языка, функционирующего в иноязычном окружении, во многом определена контактированием языков и культур.

В специфических чертах языка русской диаспоры Эстонии проявляется взаимодействие множества языковых и экстралингвистических факторов: условия коммуникации, отношения автора и адресата, их фоновые знания, речевая практика, ассоциации, аналогии, оценки, наличие тех или иных реалий в жизни автора и адресата.

К характерным функциональным особенностям развития языка вне этнической территории можно отнести следующие:

1. Реализация не всех его функций по сравнению с государственным языком.

2. Переключение и смешение кодов (языков). Вкрапление иносистемных элементов в речевую цепь (графических, лексических, синтаксических). В говорах: *А десятник — тогда в нас кюмником его звали, руководителя.*

Kümnik — десятник по-русски. В СМИ: *Трактир «Sepikoja Trahter» (Алатскиви, Hirveaia, 2) открыт пон.-суб. 10–18.* В устной речи: *Наш максуамет <налоговый департамент. — И. К.> совсем с ума сошел.*

3. Активный процесс заимствования из окружающего (государственного) языка, отличающийся от языка на основной территории функционирования. Заимствование иноязычных элементов возможно только в условиях межкультурной коммуникации, то есть контактов языковых коллективов. Следствием такого заимствования являются изменения в системе средств номинации. В говорах: *калика — kaalikas* ‘брюква’, *корфик — korv* ‘корзина’, *кельки — kelk* ‘санки’. В СМИ: *Рийгикогу — Riigikogu* (парламент Эстонии); в устной речи: *кофик — kohvik* ‘кафе’, *акцептировать — aktsepteerima* ‘принимать во внимание, учитывать’.

4. Различия в узусе, речевых практиках (кальки и полукальки, нарушение сочетаемости в несвободных сочетаниях и др.): *семейный врач, физическое лицо — предприниматель* (ср. в России: *индивидуальный предприниматель*).

5. Консервация языка, особенно при усвоении его в иноязычном окружении.

В результате появления подобных специфических черт мы имеем дело с вариантом языка, имеющим свои местные особенности, которые в основном касаются реалий данной страны, чаще всего осознаются носителями варианта языка и не столь существенны, чтобы препятствовать коммуникации диаспоры и метрополии.

Х. Р. МЕЛИГ
(УН-Т ХР. АЛЬБРЕХТА, КИЛЬ, ГЕРМАНИЯ)

БЫТИЙНОСТЬ И КАТЕГОРИЯ ВИДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Бытийные высказывания имеют функцию установления существования пространственных или временных сущностей в некотором пространстве. Они состоят из трех компонентов, во-первых, из локализатора, то есть из выражения, обозначающего пространство, для которого устанавливается существование некоторого объекта, во-вторых, из выражения, которое обозначает в этом

пространстве существующий объект и, в-третьих, из выражения, обозначающего существование этого объекта [Арутюнова 1976; Арутюнова, Ширяев 1983]. Именная группа в бытийном предложении может иметь общереферентный статус, то есть с одной стороны она может отсылать к «типу» (type) обозначаемого объекта, как в примере (1), с другой стороны, она может иметь и конкретно-референтный статус и таким образом отсылать к «экземпляру» (token) обозначаемого объекта, как в примере (2).

(1) *У нас в лесу водятся волки.*

(2) *[В зоопарке] В этом вольере у нас находятся волки.*

Глагольные предикации являются «скрытыми» бытийным высказываниями. Если глагольные предикаты употребляются в финитной форме, и, таким образом, наличествует предикация, то они по аналогии с бытийными предложениями сообщают о существовании некоторой ситуации в дискурсе. Предикация в примере (3) сообщает, что в течение прошлой недели имела место встреча между Сашей и Машей.

(3) *На прошлой неделе Саша и Маша **встречались**^[НСВ] в Париже.*

Обстоятельство времени *на прошлой неделе* образует временной локализатор для бытийного высказывания. Финитная форма *встречались* содержит двойную информацию. Во-первых, она сообщает, что во время прошлой недели некоторая ситуация имела место и, во-вторых, описывает эту ситуацию как 'встречу между Сашей и Машей'. Эту двойную функцию финитной формы глагола, а именно, введения в дискурс в своем существовании некоторой ситуации и одновременно описания ее, можно продемонстрировать посредством преобразования глагольной предикации в бытийное предложение.

(3а) *На прошлой неделе имела место встреча между Сашей и Машей.*

Преобразование глагольной предикации в бытийное предложение состоит по аналогии с именными бытийными предложениями из трех компонентов, во-первых, — теперь временной — локализатора (*на прошлой неделе*), во-вторых, бытийного глагола (*иметь место*) и, в-третьих, номинализованной формы описания ситуации (*встреча*).

При этом именная группа *встреча между Сашей с Машей* в зависимости от референциального статуса предикации в дискурсе может отсылать как к «типу», так и к «экземпляру». Этот референтный статус предикации является релевантным для категории вида в русском языке. Глагольные предикации в СВ всегда отсылают к одному или нескольким «экземплярам», то есть к индивидуализованным, конкретным, в дискурсе локализованным ситуациям. В отличие от этого глагольные предикации в НСВ могут отсылать как к «экземплярам», так и к «типу» обозначаемой ситуации. Эту связь между референтным статусом предикаций и категорией вида мне хотелось бы

продемонстрировать на примере высказываний с общим и с частным отрицанием.

1. Если описание ситуации отсылает к «типу» обозначаемой ситуации, как в примере (4), то, как при общем, так и при частном отрицании допускается только НСВ. НСВ в таком случае имеет общефактическое значение.

(4) — *Кто уже **заполнял**^[НСВ] такую анкету и знает, как ответить на второй вопрос? Саша?*

(4а) Общее отрицание

— *Нет, Саша не знает. Он ее **не заполнял**^[НСВ].*

(4б) Частное отрицание

— *Нет. [Я точно знаю, что кто-то **заполнял**^[НСВ] такую анкету], но **заполнял**^[НСВ] ее, во всяком случае, не Саша.*

2. Если описание отсылает к «экземпляру», к индивидуализованной ситуации, то имеется возможность отрицания через СВ и НСВ.

(5) — *Кто **заполнил**^[СВ] анкету, которая здесь лежит? Саша?*

Эту ситуацию можно, с одной стороны, отрицать через частное отрицание, отсылающее к введенной в предтексте индивидуализованной ситуации. В таком случае допускается употребление как СВ, так и НСВ. Если употребляется СВ, как в ответе (5а), то подтверждается, что обозначаемая в вопросе ситуация достигла своей кульминационной точки и одновременно сообщается, что агентом является не Саша.

(5а) — *Кто **заполнил**^[СВ] анкету, которая здесь лежит? Саша?*

— *Нет, [**заполнил**^[СВ] ее] не Саша, а Маша.*

Но пример (5) допускает частное отрицание и в НСВ. Тогда мы имеем дело с единично-фактическим значением НСВ:

(5б) — *Кто **заполнил**^[СВ] анкету, которая здесь лежит? Саша?*

— *Нет, **заполнял**^[НСВ] ее не Саша.*

При употреблении НСВ в единично-фактическом значении кореференция сохраняется. Предикация в НСВ, точно так же, как в СВ, кореферентно указывает на введенную в вопросе ситуацию. Однако при употреблении НСВ обозначаемая ситуация не получает видовую характеристику. Тематизируется свойственный глагольному предикату процессный компонент: 'Не Саша занимался заполнением анкеты'. В таком случае эллипсис глагольного предиката не является возможным, так как имеет место переход от конкретно-фактического значения СВ в вопросе к единично-фактическому значению НСВ в ответе. Такая возможность отрицания индивидуализованной ситуации посредством частного отрицания в НСВ с единично-фактическим значением

существует опять только тогда, когда мы имеем дело с агентивными контролируруемыми ситуациями с процессным компонентом. Для такого примера, как (6), возможность частного отрицания с НСВ в единично-фактическом значении исключается, потому что мы имеем дело со случайной, то есть с неконтролируемой ситуацией.

- (6) — *Кто потерял^[CB] паспорт? Саша?*
— **Нет, терял^[НСВ] его не Саша, а Антон.*

В примере (7) отрицание в ответе на вопрос может быть выражено и через общее отрицание в НСВ. В таком случае НСВ имеет общефактическое значение.

- (7) — *Кто заполнил^[CB] анкету, которая здесь лежит? Саша?*
— *Нет, Саша ее не заполнял^[НСВ].*

При употреблении общего отрицания в НСВ имеет место переход от конкретной ситуации в вопросе, от «экземпляра», к «типу» обозначаемой ситуации и в связи с этим происходит усиление отрицания. Сообщается о том, что в данном контексте не имела место такая ситуация, которая может быть обозначена как ‘заполнение анкеты со стороны Саши’.

- (7a) *Такой ситуации, как заполнение анкеты со стороны Саши, не было.*

Употребление видов при отрицании показывает, что описание видов в русском языке требует четкого различия «экземпляра» и «типа» обозначаемой ситуации. При отрицании предикаций, которые отсылают к индивидуализованной ситуации, к «экземпляру» обозначаемой ситуации, допускается употребление как СВ, так и НСВ. При отрицании предикаций, которые отсылают к общей ситуации, к «типу» обозначаемой ситуации, допускается только употребление НСВ.

Литература

- Арутюнова 1976 — Н. Д. Арутюнова. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М., 1976.
Арутюнова, Ширяев 1983 — Н. Д. Арутюнова, Е. Н. Ширяев. Русское предложение: бытийный тип. М., 1983.

Дополнительная литература

- Шатуновский 2009 — И. Б. Шатуновский. Проблемы русского вида. Москва, 2009.
Шелякин 1983 — М. А. Шелякин. Категория вида и способы действия русского глагола. Теоретические основы. Таллин, 1983.
Hedin 2000 — E. Hedin. The type-referring function of the imperfective // Ö. Dahl (ed.). Tense and Aspect in the languages of Europe. Berlin, 2000. P. 227–264.
Hutton 1990 — Ch. Hutton. Abstraction and Instance. The Type-Token Relation in Linguistic Theory. Oxford, 1990.
Mehlig 2013 — H. R. Mehlig. Общефактическое и единично-фактическое значения НСВ в русском языке // Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филология. 2013. № 4.

ПРИНЦИПЫ ИЗУЧЕНИЯ СЛОВА В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ
Б. А. ЛАРИНА И Ю. В. ОТКУПЩИКОВА

Традиции нашего филологического факультета и его научное и педагогическое развитие во многом определяются личностями, которые создавали собственные школы и обладали даром притяжения к себе единомышленников и учеников. Нынешний Юбиляр — Кафедра общего языкознания со дня своего основания освящена именами таких личностей, как И. А. Бодуэн де Куртенэ, С. К. Булич, Л. В. Щерба, Н. Я. Марр, И. И. Мещанинов, А. А. Холодович, Ю. С. Маслов и других филологов, возглавлявших ее или работающих на ней. К таким ученым и университетским Учителям Филологии относятся и Борис Александрович Ларин и Юрий Владимирович Откупщиков.

Когда-то в начале 60-х годов ректор ЛГУ академик А. Д. Александров на вопрос, как наиболее эффективно обучать студентов — программировать ли каждый их шаг в университете либо давать им больше инициативы и самостоятельности, ответил: «Студент — не сосуд, который надо наполнить, но факел, который надо зажечь». Наши Учителя, Б. А. Ларин и Ю. В. Откупщиков, были именно «зажигателями факела» отечественной Филологии. Многие из нас, в том числе и сотрудники кафедры общего языкознания, кафедры славянской филологии, кафедры русского языка и Межкафедрального словарного кабинета им. Б. А. Ларина, были зажжены на долгие годы проблемами, которыми углубленно занимались Б. А. Ларин и Ю. В. Откупщиков. Именно поэтому уже сама возможность в связи с юбилеем кафедры общего языкознания вернуться к истокам лариноведения и откупщиковологии кажется весьма привлекательной.

Б. А. Ларин и Ю. В. Откупщиков, разумеется, — филологи разных поколений и не совсем тождественных научных интересов. Тем не менее их объединяет не только отношение Учитель — Ученик, но и несколько общих исследовательских доминант, запечатленных в их филологическом наследии. Прежде всего это — сравнительно-историческое языкознание, интерес к диахронической ипостаси языковой системы. Отсюда и глубокое погружение в этимологию, методологически строгую реконструкцию внутренней формы слова. Во-вторых, это увлечение ленинградских языковедов балтийским «background»-ом славянской и индоевропейской лексики, убедительная аргументация его значимости для объективной этимологической реконструкции. Наконец, последовательно и всесторонне доказываемый ими «символ веры», что семантика — та область языкознания, где можно достичь высокой точности исследования.

Эти и другие аспекты научного наследия Б. А. Ларина и Ю. В. Откупщикова будут освещены в докладе.

**ЛЕКСИКА ПО ТЕМЕ «МИФОЛОГИЯ»:
АРЕАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОМ РЕГИОНЕ ПРИАЗОВЬЯ**

Во время экспедиций 1998–2012 гг. в Приазовье и Буджаке этнолингвистический материал собирался по вопросам Ю. В. Ивановой, А. А. Плотниковой и собственно автора. Тема мифологии в Приазовье изучалась более углубленно в 2009–2012 гг. С 2011 г. работа по сбору лексики и фиксации нарративов, относящихся к миру демонологии, проводится автором в Юго-Восточной Албании.

У албанцев Приазовья до наших дней сохраняются верования в мифологические персонажи, параллели которым мы обнаруживаем на Балканах. Анализ лексики говора албанцев Украины говорит о преемственности терминов в области мифологии между краинами Юго-Восточной Албании (Korça, Devoll, Kolonja) и албаноязычными селами в Приазовье.

Собирательное название нечисти

В говоре албанцев Приазовья нет лексемы, обозначающей собирательно всех представителей мира демонов. Наиболее общими будут два варианта денотата: *nok janë të prastûrë* (досл.: ‘они нечистые’), *shpîrti nok i prastûrë* (досл.: ‘душа нечистая’). Возможные сочетания: *të gjithë nok janë të prastûrë* (досл.: ‘все нечистые’). Данные денотаты противопоставлены понятию *a prastûrë* (досл.: ‘чистое’), *shpîrti i prastûrë* (досл.: ‘чистая душа’).

Вампир

Данный персонаж известен албанцам Украины под тем же названием — *вампи́рэ* (*vampirë*). Он бывает мужского рода, бывает женского — *вампи́рка* (*vampirk/ë –a*). Информанты четко определяют разницу между рассказами их бабушек и прабабушек о вампирах и образами вампиров в современном мире.

Зачастую рассказы о вампирах сопровождаются нарративами о ведьмах, колдунах, знахарях. Пласт знаний о мифологических вампирах, сохраняющийся на Балканах до наших дней, среди албанцев Буджака и Приазовья представляется значительно редуцированным. Есть основания считать, что и мифологический персонаж в традиции ассоциировался с безобразиями, проделками, кознями против людей.

В Приазовье не фиксируется слово *люгат*. А на Балканах среди албанцев слово *вампир* известно, однако оно воспринимается как неологизм последних десятилетий. В албанской крестьянской среде в Албании, Косово, в Западной Македонии и на юге Черногории скорее будут говорить о *люгатах*, а когда вы начнете спрашивать о *вампирах*, информанты, как правило, переключатся на персонажей кинолент и телесериалов.

Вред домашним животным

Нечистая сила может наносить вред домашнему скоту, в первую очередь коровам [АОЕ: Новик 2011: Шопова_СМ_мифология; АОЕ: Новик 2012: Сендели_АН_мифология].

Самый большой вред домашним животным наносят ласки. Ласка на говоре называется *nuse a lalos* (вариант: *nuse lalos*) — ‘невеста ляле’. При этом информанты не могут объяснить слово *ляле* — это название или имя собственное (при этом система говора предполагает, что *Ляле* может быть именем самой невесты либо именем нареченного невесты). *Нусэ а лялес* похоже на тотемное название. Таинственное животное, скорее всего, нельзя было называть прямо и его называли иносказательно. *Nuse a lalos* фиксируется в Юго-Восточной Албании, в *краине*, откуда предположительно переселились предки нынешних албанцев Украины.

Превращения людей в животных и предметы

В албанских поселениях Украины не фиксируются рассказы о превращении людей в волков. Обратни в волчьем обличье здесь не сохранились в рассказах стариков (хотя о волках и связанных с ними историях в этой степной зоне рассказывать любят). Фиксируются лишь мемораты о способностях некоторых *джады* (*xhadî* -и, мас., пл. *xhadînj*) (‘ведьмак, колдун’) и *джадыйка* (*xhadîjk/ë* –а, fem., пл. *xhadîjkra*) (‘ведьма, колдунья’) превращаться в волков (при этом некоторые информанты настаивают, что такими способностями обладали исключительно женщины) [АОЕ: Новик 2012: Сендели_АН_мифология]. Зато значителен пласт рассказов о превращениях людей в других животных — собак, кошек, коз, лис, кур и т. д., а также в предметы — особенно устойчив сюжет о превращении людей в колесо.

Концепт Максул (*maksull -i*)

Устойчивы верования в *максул*. Информанты с трудом могут привести русский, украинский или другой синоним этого слова. На объяснение данного слова уходит всегда много времени. Лексема *Максул* (subst., masc.) обозначает некое хорошее начало, которое присутствует во всех живых существах. Похитить *максул* (*marr maksullnë*) — значит нанести порчу хозяйству и дому. Эти понятия неразрывно связаны. И это роднит албанцев Украины с взглядами албанцев Балканского полуострова.

Бороться с ведьмами, крадущими *максул* у животных, очень сложно. Раньше, еще несколько десятилетий назад, почти каждая хозяйка поступала следующим образом — чтобы защитить скотину от злых ведьм, по двору разбрасывали маковые зерна, пшенку либо зерна рапса, приговаривая при этом: *Gjer më se soshesh koqet të mbellesh nok ad hinesh as brenda as ta loptë* (Пока зерна все не закончишь собирать, ни в дом, ни к коровам не зайдешь!) [АОЕ: Новик 2012: Сендели_АН_мифология].

Концепт *максул* у албанцев Украины тесным образом связан с мифологической картиной мира балканских народов (албанцев, сербов, македонцев и т. д.), а также коррелирует с верой в ведьм (в частности молочных ведьм) у восточных славян, с которыми албанцы Буджака и Приазовья проживают уже более двухсот лет.

Джады (*xhadî –u*) и джадыйка (*xhadîjk/ë –a*)

Джады (*xhadî –u*, pl. *xhadînj* < Turkish) и джадыйка (*xhadîjk/ë –a*, pl. *xhadîjkra*) — персонажи албанских верований. Информанты в Приазовье чаще всего переводят джады и джадыйка на русский язык, соответственно, как колдун и ведьма. Хотя многие носители традиции и идиома склонны искать различия в албанском и русском персонажах.

Изучение мифологии албанцев Украины, а также их говора и явлений на стыке языка и культуры требует продолжения. Анализ собранных материалов и их сравнение с материалами из Юго-Восточной Албании должны принести интересные результаты.

Источники

АОЕ: Новик 2011: Шопова_СМ_мифология — А. А. Новик. Шопова_СМ_мифология. Цифровая аудиозапись. 2011 // Архив отдела европеистики МАЭ. Приазовский отряд 2011. Новик А. А.

АОЕ: Новик 2012: Сендели_АН_мифология — А. А. Новик. Сендели_АН_мифология. Цифровая аудиозапись. 2012 // Архив отдела европеистики МАЭ. Приазовский отряд 2012. Новик А. А.

М. В. ОЛЬХОВСКАЯ
(СПбГУ)

РЕАЛЬНОСТЬ ГРАНИЦ ПРАЖСКОГО СТРУКТУРАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Наследие Пражской лингвистической школы (ПЛК) редко упоминается в отрыве от деятельности русских формалистов. Влияние русского формалистического литературоведения на пражцев не подвергается сомнению; глубокая органическая связь между ними — скорее, факт истории языкознания, чем предмет для спора. Однако зачастую эти близкородственные научные направления воспринимаются как практически идентичные. Этому способствует общий исторический контекст, в частности полемика с представителями марксизма, в которую вступили обе школы [Тиханов 2001; Kříž 2008]. Тенденция к их отождествлению, причем не в пользу пражцев, имела место, по меньшей мере, в течение всей второй половины XX века — к неудовольствию многих исследователей, прежде всего, конечно, чешских.

Так, уже Я. Мукаржовский, один из ключевых участников диалога между ОПОЯЗом и Пражской школой, настаивал на существовании принципиальных различий между двумя школами — как на достаточно раннем этапе деятельности ПЛК, так и в более поздних работах [Мукаржовский 1936]. Косвенно о самостоятельности чешского структурализма свидетельствует, например, тот факт, что именно пражский структурализм — точнее, эстетическая концепция Я. Мукаржовского — лег в основу рецептивной эстетики 60-х гг. На необходимости более четкого разграничения настаивают и современные языковеды, правда, в большинстве своем опять же чешские.

Как же вышло, что чешский структурализм в контексте мировой лингвистики нередко выглядит, как «слепое пятно между петербургским ОПОЯЗом и парижским структурализмом» [Volek 2006]? Некоторые ученые, говоря о недооцененности пражцев и в том числе Мукаржовского, объясняют ее, среди прочего, отсутствием или плохим качеством переводов с чешского на более распространенные языки науки, либо усматривают влияние французской школы, слишком поспешно, на их взгляд, объявившей ПЛК «предысторией» структурализма — при этом, разумеется, приравняв его к русскому формализму.

Литература

- Мукаржовский 1994 — Я. Мукаржовский. Структурализм в эстетике и в науке о литературе // Исследования по эстетике и теории искусства. М., 1994.
- Тиханов 2001 — Г. Тиханов. Заметки о диспуте формалистов и марксистов 1927 года // НЛО. № 50 «1920-е годы как интеллектуальный ресурс: в поле формализма». 2001.
- Kříž 2008 — M. Kříž. Marxistická kritika českého literárněvědného strukturalismu (ideologismus vs idealismus) // E. Gilk, L. Neumann (eds.). Studia Moravica VI Symposiana. Olomouc, 2008. S. 59–69.
- Volek 2006 — E. Volek. Jan Mukařovský redivivus: Co zůstalo z tradice a dědictví pražské školy? // O. Sládek (ed.). Český strukturalismus po poststrukturalismu — sborník z kolokvia pořádaného k připomenutí třicátého výročí úmrtí Jana Mukařovského (1891–1975). Brno, 2006.

**А. В. ПАВЛОВА (МАЙНЦСКИЙ УН-Т),
Н. Д. СВЕТОЗАРОВА (СПбГУ)**

АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ В СВЕТЕ ПЕРЕВОДА (НА РУССКО-НЕМЕЦКОМ МАТЕРИАЛЕ)

Одной из важнейших составляющих распознавания смысла является понимание того, какая часть высказывания выступает в роли ремы, а какая является темой. В зависимости от того, какое слово в предложении *Прокуратура пообещала преступнику мягкое наказание* окажется ремой, *мягкое* или *наказание*, смысл будет разный: в первом случае речь о том, каким будет наказание, а во втором — о том, что ждет преступника. Процесс осознания неразрывно связан с процессом внутреннего интонирования, с поиском акцентного пика как сигнала ремы. Неверное определение места ремы ведет к ошибкам в переводе. Переводчик должен по возможности сохранять актуальное членение (АЧ) исходного текста. Для этого ему требуется знать, что рема может стоять не только в конце предложения. Например, во втором предложении немецкого мини-текста *Broszonn und ihre Kollegen prüfen, ob Wohnungen altersgerecht ausgestattet sind. Bei mehr als 200 Senioren hat Broszonn im Wohnzimmer gesessen* (журнал «Der Spiegel») говорится не о том, в каком помещении удалось посидеть социальным работникам, а о том, что они посетили примерно двести старых пенсионеров. Переводчик должен стремиться сохранять актуальное членение оригинала, даже когда правила синтаксиса переводящего языка вынуждают менять порядок слов по сравнению с исходным

текстом. Например, при переводе на безартиклевый русский язык немецкой фразы *Ein junges Mädchen trat ins Zimmer* словосочетание *ein junges Mädchen*, рематичность которого поддерживается неопределенным артиклем, должно быть передвинуто в конечную позицию: *В комнату вошла молодая девушка*. Нужно, однако, учитывать, что не каждый неопределенный артикль в немецком предложении автоматически сигнализирует место ремы, бывают исключения: у неопределенного артикля несколько различных функций, и сигнал рематичности — лишь одна из них. Например: *Ein letzter Versöhnungsversuch scheiterte im vergangenen Herbst* (журнал «Der Spiegel»). Рема здесь — не слово с неопределенным артиклем, а *Herbst* — с определенным. В немецком языке существует специальная синтаксическая конструкция-рематизатор: *J-d war es, der ... / Es war j-d, der ...*; она используется для размещения ремы в начале предложения. Русского синтаксического соответствия ей нет, поэтому переводчик должен постараться сфокусировать внимание на реме привычным для русского читателя способом — размещением ремы в конце предложения. Например: *Es waren die vielen Kleinigkeiten, die Röttgen und Altmeier entfremdeten* (журнал «Der Spiegel») — *Отчуждение Ретгена и Альтмайера произошло из-за множества мелких разногласий*.

Некоторые лексемы уже в силу особенностей своего значения как будто притягивают к себе фразовое ударение и поэтому попадают в фокус коммуникативного акта, оказываются носителями наиболее важной информации и, следовательно, ремой. Если правила языка перевода позволяют, то перевод таких лексем было бы разумно помещать также в конце предложения, как наиболее привычном и естественном месте размещения наиболее сильного фразового ударения. Ср.: *Das Gespräch dauerte eine Stunde — Das Gespräch verstummte nach einer Stunde*. В русском переводе во втором предложении стоило бы поместить глагол, как носитель наиболее существенной информации, в конце предложения: *Разговор через час смолк* (Ср.: *Разговор продолжался час*). Есть и лексемы, которые уже одной своей семантикой фразовое ударение как будто отторгают, — например, неопределенные кванторы (*некоторое время, полчаса, часок, немножко*): *Das Gespräch dauerte ein Weilchen — Das Gespräch dauerte drei Stunden*. В первом предложении рема — указание на протяженность разговора, во втором — точное указание времени, потраченного на разговор. Ср. перевод: *Немножко поговорили — Разговор продолжался три часа*.

По отношению к актуальному членению исходного текста переводчик выбирает один из следующих подходов:

1. Сохраняет синтаксис и АЧ оригинала: *Das Mädchen war froh über das Geschenk — Девушка обрадовалась подарку*.

2. Меняет синтаксис и/или лексический состав предложения, но сохраняет АЧ оригинала: *Ein Lächeln huschte über ihre Lippen — По ее губам пробежала улыбка*.

3. Сохраняет синтаксис, но (ненамеренно) меняет АЧ оригинала. Это ошибка; делать этого нельзя, но переводчики нередко этого не знают: *Günter war es, der mir geholfen hat — Гюнтер мне помог* (вместо: *Мне помог Гюнтер*).

4. Меняет синтаксис и актуальное членение оригинала. Здесь возможны варианты:

4.1. Осознанное изменение.

4.1.1. Осознанное вынужденное изменение. Например, в немецком приходится отказаться от инверсии прилагательного: *И уход последнего из братьев — это потеря невосполнимая* — *Der Tod des letzten der Geschwister ist ein nicht wiedergutzumachender Verlust*.

4.1.2. Осознанное произвольное изменение. Например: *Приехав в Москву, она останавливалась в «Славянском базаре» и тотчас же посылала к Гурову человека в красной шапке* — *In Moskau stieg sie jedesmal im »Slavischen Bazar« ab und schickte sofort nach ihrer Ankunft einen Mann mit roter Mütze zu Gurow*.

4.2. Неосознанное изменение (ошибка).

В докладе рассматриваются различные причины, побуждающие переводчика намеренно менять синтаксис и актуальное членение оригинала, а также типичные и нередко недопустимые ошибки перевода.

Е. В. ПЕРЕХВАЛЬСКАЯ
(СПбГУ)

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СЛОВА В ИЗОЛИРУЮЩЕМ ЯЗЫКЕ (ЯЗЫК МУАН)

Существуют определенные трудности при выделении «слова» в языках изолирующего типа. Под «словом», я понимаю «минимальную свободную форму языка» (классическое определение Л. Блумфилда) [Bloomfield 1933].

Существует несколько критериев выделения слова в языках мира: 1) фонетический критерий, учитывающий фонотактику, просодические явления, характеризующие слово в данном языке; 2) морфологический критерий; 3) критерий неразложимости. На этом основании в языке выделяются фонологическое, лексическое и грамматическое «слово» [Trask 2004; Julien 2006].

Однако какое бы определение слова мы не приняли, в языке муан минимальной свободной формой неизменно окажется не отдельное «слово», а синтагма. В то же время интуитивно ясно, что в любом другом имеются семантические «слова», сочетания слов образуют осмысленное высказывание.

Решение данной проблемы важно как в теоретическом плане, так и в практической лексикографической деятельности.

Слово внутри синтагмы

В муан, как и в других языках семьи манде, «слово» является относительно менее независимой единицей, чем во многих других языках (не только в языках средневропейского стандарта, но и в изолирующих языках, таких как китайский). В муан отдельные слова не могут использоваться без контекстной поддержки — будучи произнесенными независимо, они, скорее всего, не будут поняты.

Лишь междометия, приветствия, слова «да» и «нет» и т. д. могут образовывать отдельные высказывания, не представляющие собой полного предложения. Полное предложение может состоять из одного «слова» только в одном случае: это предложение с непереходным глаголом в форме императива 2 л. ед. ч.: *kūlā!* ‘нагнись!’, *síq!* ‘чихни!’. Эти формы являются синтагмами со значимым нулем, указывающим на непереходный характер глагола. Форма императива 2 л. ед. ч. переходных глаголов всегда имеет при себе эксплицитно выраженное прямое дополнение: *à kú!* ‘лови (его)!’, *à pó!* ‘сруби (его)!’. Отсутствие прямого дополнения автоматически превращает глагол в непереходный (Р-лабильность): *wlā!* ‘войди!’, но *à wlā!* ‘пусти (его)!’.

Отсутствие прямого дополнения автоматически превращает глагол в непереходный (Р-лабильность): *wlā!* ‘войди!’, но *à wlā!* ‘пусти (его)!’.

В остальных случаях слова, как служебные, так и полнозначные, могут выступать только в составе синтагмы, состоящей из более чем одного элемента.

Выделение слова внутри синтагмы включает:

1) разграничение независимых слов (полнозначных или служебных) и связанных морфем (аффиксов);

2) разграничения сложных слов и словосочетаний.

Независимое слово или аффикс?

В муан каждый элемент предложения занимает фиксированную позицию; основные структурные слоты должны быть заполнены. При этом существует класс морфем, которые в синхронии являются аффиксами. Таковы глагольные словоизменительные показатели: суф. герундия *-lē*; суф. перфектива - *à -là*; суф. прогрессива *-zí*. *wlālē* ‘вхождение’; словообразовательные аффиксы: суф. абстрактного существительного *-uā*, суф. деятеля *-mī*.

Однако есть и спорные случаи. Так, уменьшительный суффикс *nē*, этимологически связанный с существительным *nē* ‘ребенок’, является связанной морфемой, ср.: *pē-nē* ‘дух саванны’ ← (вещь + DIM), *māā-nē* ‘птица’ ← (курица + DIM). Часто трудно принять однозначное решение относительно статуса данного элемента, ср. *bīē-nē* ‘слоненок (слоник)’ ← (слон + ребенок / DIM).

Сложное слово или словосочетание?

Проблема разграничения, с одной стороны, сложных слов, образованных путем соединения нескольких корневых морфем, и, с другой стороны, свободных словосочетаний известна для изолирующих языков (см.: [Квантитативная 1982: 25; 85–87]). Когда значение такого композита складывается из значений составляющих его частей, трудно отделить его от свободного словосочетания, ср.: *yē-wō-lē* (работа + делать + женщина) ‘работница’ и *gòŋ lré lē* (машина + водить + женщина) ‘женщина за рулем’. Интуитивно представляется, что первое из этих сочетаний лексикализировано в достаточной степени, чтобы считаться отдельной лексемой («словом»), второе — скорее свободное словосочетание.

Для формального разграничения слова и словосочетания Дж. Гринбергом был предложен критерий неотделимости — возможность вставки иного элемента между частями сложного слова (или словосочетания). Данный

критерий был уточнен в [Квантитативная 1982: 82], где высказывается предложение о том, что вставляемый элемент должен быть «фразовым словом», то есть единицей, которая сама может выступать как отдельное слово в независимом употреблении.

В муан этот критерий не дает убедительных результатов. Как и в ситуации, описанной для языка манинка [Квантитативная 1982], в муан отсутствуют «фразовые слова». При этом служебные слова могут легко вставляться между частями как словосочетания, так и сложного слова: *yē é wō-lē* (работа + ART + делать + женщина) ‘женщина, выполняющая конкретную работу’ и *gòŋ é lré lē* (машина + ART + водить + женщина) ‘женщина, которая водит конкретную машину’.

Дистрибуционный критерий

Критерием разграничения относительно более и относительно менее свободных морфем в муан мог бы служить дистрибуционный критерий, предложенный Францем Боасом для инкорпорирующих языков. Боас предложил считать важным критерием выделения слова относительную свободу перемещения такого элемента (индивидуальную дистрибуцию). «Боас, таким образом, предполагал дать статус слова также тем элементам, которые не могут встретиться в изолированном употреблении в том случае, если их позиция относительно других элементов клаузы не полностью задана» [Julien 2005: 620]. Применение такого критерия дает возможность разграничить омонимичные аффиксы и корневые морфемы, а также выделить служебные слова. Данный критерий, однако, не помогает формально разграничить композиты и словосочетания. Объективно оценить степень грамматикализации таких элементов, возможно, дало бы экспериментальное изучение ментального лексикона говорящих на муан, что представляет собой особую научную задачу.

Литература

- Квантитативная 1982 — Квантитативная типология языков Азии и Африки. Л., 1982.
Bloomfield 1933 — L. Bloomfield. Language. NY, 1933.
Julien 2005 — M. Julien. Word // Encyclopaedia of languages and linguistics. Amsterdam; London, 2005. P. 617–624.
Trask 2004 — L. Trask. What is a word // URL: www.sussex.ac.uk/english/research/projects/linguisticpapers.

Л. А. ПИОТРОВСКАЯ
(РГПУ ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА)

ЭМОТИВНОСТЬ, ЭМОЦИОГЕННОСТЬ, ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ: ЯЗЫК, ТЕКСТ, ЧЕЛОВЕК

Плодотворное развитие эмотиологии требует выработки категориального аппарата, поскольку система терминов отражает принятые на определенном этапе развития науки ключевые понятия и определяет основные принципы исследования. Анализ различных работ, посвященных проблеме «эмоции в

речевой деятельности», свидетельствует о необходимости рассмотреть во взаимосвязи три понятия: «эмотивность», «эмоциональность» и «эмоциогенность».

Первые два понятия впервые разграничил Ш. Балли, однако активно обсуждаться они начали лишь в конце XX в. в связи с интенсивным развитием эмотиологии. Стимулом послужило создание в 1985 г. при Гарвардском университете Международного центра изучения эмоций и решение XIV Международного конгресса лингвистов (1987 г., Берлин) о признании проблемы «язык и эмоции» одной из пяти приоритетных.

Ф. Данеш предложил следующую их трактовку: «эмотивный» — ‘имеющий отношение к намерению говорящего оказать воздействие на адресата’, а «эмоциональный» — ‘имеющий отношение к выражению эмоций самого субъекта речи’ [Daneš 1982: 93–94]. Если провести параллель с идеей В. Матезиуса, подчеркнувшего в середине XX в. различие между спонтанными, подавляемыми и намеренно выражаемыми эмоциями [Mathesius 1947: 227], то термин «эмотивный» соотносится с намеренно выражаемыми эмоциями, а «эмоциональный» — со спонтанными эмоциями. В отечественной лингвистике, почти одновременно с Ф. Данешом (но независимо от него) эти же термины разграничил В. И. Шаховский: «*Эмотивность* — имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики человека» [Шаховский 1987/2009: 24].

Несмотря на различия в трактовке Ф. Данеша и В. И. Шаховского, между ними есть определенная корреляция: когда субъект речи ставит цель оказать эмоциональное воздействие на адресата (Ф. Данеш), он намеренно выражает соответствующие эмоции (В. Матезиус) и осуществляет отбор эмотивных языковых средств (В. И. Шаховский). Если же говорящий не ставил перед собой такой цели, то на основе анализа его речи слушающий делает вывод о том, что субъект речи непосредственно переживал эмоции (Ф. Данеш); в результате такого анализа мы можем оценить степень эмоциональности данного человека. Следовательно, «эмоциональность», в отличие от «эмотивности», является градуальным признаком. Кроме того, оперируя понятиями «эмотивность», мы делаем предметом анализа саму систему эмотивных языковых средств, использованных говорящим в тексте. При другом аспекте анализа предметом исследования является личность человека, степень его эмоциональности; при этом основанием для оценки могут быть не только вербальные, но и невербальные средства.

Если соотнести сравниваемые термины с другой триадой, разграниченной нами ранее, — «описание / выражение / отражение эмоций» [Piotrovskaya 2009], можно сделать вывод: при исследовании текста в аспекте эмотивности объектом анализа могут быть языковые средства, как описывающие, так и выражающие эмоции; при оценке же степени эмоциональности человека значимыми будут лишь языковые средства, выражающие и/или отражающие эмоции говорящего (в органическом единстве с невербальными средствами).

Термин «эмоциогенность» связан с термином «эмотивность», поскольку оба применимы к анализу текста. Полностью разделяем следующую трактовку,

предложенную В. А. Масловой: «эмотивность — это характеристика языковых средств, специально предназначенных для усиления эмотиогенного содержания»; при этом «всякий текст будет потенциально эмотиогенным, не всегда являясь при этом эмотивным», поскольку «эмотиогенный эффект ... зависит только от содержания (текста. — Л. П.) и личности реципиента» [Маслова 1991: 185]. Иначе говоря, «эмотиогенность» коррелирует с понятием «перлокуция», а «эмотивность» — с понятием «иллокуция».

В то же время точки пересечения есть у терминов «эмотиогенность» и «эмотиональность», поскольку оба ориентированы на личность, но если «эмотиональность» соотносится с личностью человека, порождающего речь, то «эмотиогенность» — с личностью воспринимающего.

В заключение кратко соотнесем три термина: «эмотиональность» — это характеристика личности говорящего, основанная на анализе его текста и использованных им невербальных средств; «эмотивность» — характеристика языковых средств, содержащих в своем значении эмотивный компонент, а следовательно, и текста в целом; «эмотиогенность» — характеристика, с одной стороны, текста, с другой — личности человека, воспринимающего текст. Чем более сходны эмотиональные типы личностей говорящего и слушающего, тем больше вероятность, что созданный говорящим эмотивный текст окажется эмотиогенным для слушающего.

Литература

- Маслова 1991 — В. А. Маслова. Параметры экспрессивности текста // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991. С. 179–204.
- Шаховский 1987/2009 — В. И. Шаховский. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языке. Изд. 3-е. М., 2009.
- Daneš 1982 — F. Daneš. Intonace v textu (promluvě) // Slovo a slovesnost. 1982. № 2. S. 83–100.
- Mathesius 1947 — V. Mathesius. Několik slov o podstatě věty // V. Mathesius. Čeština a obecný jazykozpyt. Praha, 1947. S. 224–233.
- Piotrovskaya 2009 — L. Piotrovskaya. Description, expression and reflection of emotions in language behavior // Cognitive approaches to language and linguistic data: Studies in honor of Barbara Lewandowska-Tomaszczyk. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien, 2009. P. 307–338.

Э. РОЙЛАНД / E. REULAND
(UTRECHT INSTITUTE OF LINGUISTICS OTS)

ISSUES IN INTERPRETATION: FROM STRUCTURE TO PROCESS¹

Over the last 2500 years descriptive linguistics has gathered a wealth of data on the structure of language, and 150 years of Linguistics in St. Petersburg has made significant contributions to that. We know that languages are richly structured systems, defining a systematic mapping of forms (sequences of sounds or gestures) to interpretations. In this sense a grammar models — at least part of — what we as

¹ Based on work with Loes Koring and Pim Mak.

humans actually do while engaging in linguistic interaction. One of the challenges we face is to acquire an understanding of how the brain actually carries out the computations performing this mapping of forms onto interpretations when we are speaking and interpreting.

An important question is whether what we know about the language system can be brought to bear on issues of how we actually process linguistic utterances. To put it bluntly, have our grammars anything to say about the mental computations during processing? In this talk I will discuss some of the evidence showing that the relation between grammar and processing is in fact quite close. What we know about structure can in fact lead to non-trivial predictions that are experimentally supported, thus adding weight to L. V. Ščerba's view: "Eksperiment — eto samyj nadjožnyj put' pronikovenija v suščnost' jazyka" [Zinder, Matusevič].

My contribution will be based on the structure and processing of sentences with intransitive verbs. Consider a Dutch sentence such as *Alice danste* 'Alice danced' (but their cognates in other languages will do as well). Any theory of language will have to take into account in some way or other that this sentence expresses that Alice is the agent in a dancing event. Any theory of processing will have to say that the expression *Alice* is integrated with the expression *danced* when the latter "comes into" the processor in order to yield that interpretation. Consider next the very similar sentence *Alice viel* 'Alice fell'. Again, any theory of language will have to say in some way or other that this sentence expresses that Alice is a participant in a falling event. Any theory of processing will have to say that the expression *Alice* is integrated with the expression *fell* when the latter "comes in" in order to yield that interpretation. In some sense both *dance* and *fall* have an open position, and one might expect that integration would just amount to the argument *Alice* filling the open position in the predicate.

Current linguistic theory, however (starting with [Perlmutter 1978]) discovered that verbs such as *dance* and *fall* are less similar than one might initially think. The fact that the subject participant in a dancing event is an *agent* and the subject participant in a falling event is an *undergoer* of the falling (a *theme*), rather than an agent, goes together with a number of further differences, the details of which may vary to some extent across languages. They are largely well-known, and I will only briefly review them in my talk. The overall picture is that the subject of *fall*-type verbs shares properties with direct objects of transitive verbs which the subject of *dance*-type verbs does not (Perlmutter's unaccusative hypothesis). The question is then how these object properties are reflected in processing.

In order to answer this question I will report on a eye-tracking experiment [Koring, Mak, Reuland 2012] using a visual world paradigm which shows that there are qualitative differences between the integration of the subject with *dance*-type verbs as compared to *fall*-type verbs. The findings indicate that the difference between these verbs go further than just a difference in semantic roles. Rather there is a striking difference in the time course of the processing. In order to be able to participate in the integration process, an argument must be (re)activated. The (re)activation of the argument is considerably later in the case of *fall*-type verbs than in the case of *dance*-type verbs.

As I will show, this finding can be readily understood if one adopts a movement based approach to the syntactic structure of sentences with *fall*-type verbs and the way they are interpreted, and assumes a rather tight match between grammar and processing. That is, the mental computation of the relation between the subject and the predicate in the case of *fall*-type verbs involves access to the structural object position.

Alternatively, one might think that this delay could conceivably be independent of structure. Couldn't it just be the non-agent character of this semantic role that is responsible? To cover this angle, a third type of intransitive verb was included in the experiment, namely verbs such as *gloeien* 'glow', and *schitteren* 'glitter'. As has been shown by Levin and Rappaport Hovav [1995], and Reinhart [2002], these verbs have mixed properties. The subject carries a non-agentive, *theme* role, but grammatically it has no further object properties. The experiment showed that these verbs just behaved like *dance*-type verbs. They didn't show late reactivation.

This shows, to put it again bluntly: The processor goes by — a very specific — syntactic structure, not by the type of semantic role.

Interestingly, as we will see, some of the current alternatives to movement based approaches are much less easily reconciled with the processing facts than this canonical generative approach.

Conclusion:

- Grammatical theory can successfully inform us about what to look for when we are studying language processing;
- Processing results can help us decide between competing theoretical approaches.

Thus: "Eksperiment — eto samyj nadjožnyj put' pronikovenija v suščnost' jazyka" indeed.

References

- Koring 2013 — L. Koring. Seemingly similar: Subjects and displacement in grammar, processing, and acquisition. Utrecht, 2013.
- Koring, Mak, Reuland 2012 — L. Koring, P. Mak, E. Reuland. The time course of argument reactivation revealed: Using the visual world paradigm // *Cognition* 123 (3). P. 361–379.
- Levin, Rappaport Hovav 1995 — B. Levin, M. Rappaport Hovav. *Unaccusativity: At the syntax-lexical semantics interface*. Cambridge, MA, 1995.
- Perlmutter 1978 — D. Perlmutter. Impersonal passives and the Unaccusative Hypothesis // J. J. Jaeger et al. (eds.). *Proceedings of the Fourth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley, CAL, 1978. P. 157–189.
- Reinhart 2002 — T. Reinhart. The Theta-system: An overview // *Theoretical Linguistics*. 28. 2002. P. 229–290.
- Zinder, Matusevič — L. R. Zinder, M. I. Matusevič. L. V. Ščerba. Osnovnyje vekxi jeho žyzni i naučnogo tvorčestva // *Arxiv peterburgskoj rusistiki*. URL: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/bio.htm> (Consulted July 2013).

**П. А. СКРЕЛИН, Д. А. КОЧАРОВ
О. Н. ГЛОТОВА, К. В. ЕВГРАФОВА
В. В. ЕВДОКИМОВА, Т. В. ЧУКАЕВА
А. Е. БАРАБАНОВ
(СПбГУ)**

ИСТОРИЯ ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ОТ КАМЕРТОНОВ ДО ЭЛЕКТРОМАГНИТНОГО АРТИКУЛОГРАФА

В докладе будут представлены основные направления инструментальных фонетических исследований, проводимых кафедрой фонетики и методики преподавания иностранных языков СПбГУ. Современные исследования продолжают инструментальные исследования, проводившиеся Л. В. Щербой в начале прошлого века. В настоящее время выполнены измерения физических свойств камертонов, которые он приобрел в Европе и использовал для обучения французскому произношению, а также для исследования характеристик гласных.

Для получения данных о кинематических характеристиках речи и пения на кафедре фонетики и в лаборатории экспериментальной фонетики сейчас используется метод электромагнитной артикулографии. Данный метод позволяет крепить миниатюрные датчики на органы артикуляции внутри ротовой полости и фиксировать их движение. При помощи артикулографа AG500 становится возможным получить и измерить артикуляционные движения с высокой временной и пространственной точностью, а также становится возможна их визуализация. В докладе будут представлены новые данные об артикуляции русских звуков в разных видах речи.

Новое направление исследований — развитие и уточнение акустической теории речеобразования: проводятся эксперименты по записи речевого сигнала до и после прохождения надгортанных полостей с целью уточнения свойств модели голосового фильтра. Методика заключается в получении речевого сигнала, записанного одновременно двумя микрофонами: первый располагается в полости гортани непосредственно над голосовыми складками, второй — в нескольких сантиметрах от губ. Предполагается, что сравнительный анализ этих сигналов обеспечит более точный расчет параметров передаточной функции речевого тракта. Это позволит лучше восстанавливать параметры голосового источника, а также моделировать индивидуальный тембр говорящего.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ С ЕВРЕЙСКО-АРАМЕЙСКИМ КОМПОНЕНТОМ В ИДИШЕ

Сформировавшийся в условиях интенсивных языковых контактов идиш обладает значительным количеством аналитических глагольных форм. Данные формы появляются и функционируют в языке, в первую очередь, 1) как способ выражения новых грамматических значений или 2) как продуктивные словообразовательные модели. В некоторых случаях две функции могут совмещаться.

К первому типу относятся конструкции, образующиеся с помощью глаголов разной степени грамматикализации *ton* ‘делать’, *hobn* ‘иметь’, *тахн* ‘делать’, *gebn* ‘давать’, *nemen* ‘иметь’, *haltn* ‘держат’ и обеспечивающие значения начала действия (*nemen* + INF.), дуратива (*haltn* + in + INF.), моментального действия (*ton / gebn* + ART. + N.).

Ко второму типу принадлежат конструкции, состоящие из вспомогательного глагола *zajn* ‘быть’ с причастием, прилагательным или существительным еврейско-арамейского происхождения. При этом форма причастия заимствуется в неизменяемой форме мужского рода единственного числа. Это продуктивный способ усвоения заимствований, распространенный также и в другом развитом еврейском языке — ладино, где согласование по роду и числу сохраняется на ранней стадии развития формы, например:

- (1) *ke se sean miθkabes-im el kahāl*
COMP. RECP. БЫТЬ-AUX. собирать-PTCP.RECP.-PL. в.ART община
[Minervini 1992: 238; Bunis 2009: 110].

‘Пусть они соберутся в общину’.

Конструкции данного типа не фиксируются в библейских переводах на идиш, поскольку соблюдается принцип полного перевода и поиска германских соответствий для каждой единицы библейского текста. Однако уже в период Ренессанса данный тип оформления заимствований приобретает популярность и встречается, например, в рукописи от 1585 г. «Beria un Zimra»¹:

- (2) *er is sich zu mir nit misshathen*²
ОН БЫТЬ-AUX. RECP. PREP.-к DAT.1SG. NEG. PTCP.RECP.
[Timm 1987: 526/85; Frakes 2004: 359].

‘Он не женился на мне’.

¹ Рукопись находится в Баварской государственной библиотеке в Мюнхене (Cod. Hebr. 100, fos. 67r-73v).

² Для записи примеров на западном идише используется транскрипция, разработанная Э. Тимм [Timm 1987] и принятая в немецкой традиции.

Уже в ранних текстах на западном идише выражение может употребляться в форме инфинитива:

- (3) *so wil ich dir den sód maémin sein*
 ADV.хотеть 1SG. DAT.2SG. ART. тайна верить-PTCP.ACT. быть-AUX.
 [Timm 1987: 526/87; Frakes 2004: 359].

‘Итак, я хочу доверить тебе тайну’,

а также в форме перфекта со вспомогательным глаголом *hobn* ‘иметь’¹:

- (4) *do sagt er in, wi’ er di’ gésêra*
 ADV.говорить-3PL. 3SG. DAT.3PL. COMP. 3SG. ART. резня
hát mévatel gévesén
 иметь-AUX. отменять-PTCP.ACT. быть-AUX.PTCP.
 [Timm 1987: 540/284; Frakes 2004: 363].

‘Тогда он говорит им, как он избежал резни’

В процессе развития данная конструкция приобретает два варианта образования форм пассивного залога:

1. ранний способ формообразования: с помощью пассивного причастия еврейско-арамейского компонента (*zajn* + PTCP.PASS.), например, в западном идише: *mevutal zajn* ‘быть отмененным’ [Timm 1987: 538/280];

2. более поздний способ образования пассива со вспомогательным глаголом *vern* ‘становиться’ (*vern* + PTCP.ACT.), например: *mevatl vern* ‘быть отмененным’.

Нормализаторская традиция настаивает на совмещении двух тенденций и употреблении пассивных причастий только с глаголом *vern*. В словарях, в частности, предлагаются такие пары как *mekuem* (PRTP.ACT.) *zajn* — *mekuem* (PRTP.PASS.) *vern* ‘осуществлять — осуществляться’.

Вариант конструкции со вспомогательным глаголом *vern* может также использоваться со значением инхоатива, например: *nispoel vern* ‘вдохновляться’, *mevulbl vern* ‘приходить в смущение’.

В современном языке у глаголов с каузативным значением наблюдается тенденция замены вспомогательного глагола *zajn* ‘быть’ на *тахн* ‘иметь’, например:

- (5) *zej hobn mevatl gemakht di manevres*
 3PL. иметь-AUX. отменять-PTCP.ACT. делать-AUX.PTCP. ART. маневры
 [КЯИ, Forverts 2006–2010].

‘Они отменили маневры’.

¹ В современной норме языка идиша, а также в большинстве диалектов в конструкциях данного типа перфект образуется с помощью глагола *hobn* ‘иметь’.

Литература

- КЯИ — Корпус языка идиш. URL: <http://corpustechnologies.com:8080/YNC/>
- Bunis 2009 — D. M. Bunis. Judezmo Analytic Verbs with a Hebrew-Origin Participle: Evidence of Ottoman Influence // D. M. Bunis (ed.). Languages and Literatures of Sephardic and Oriental Jews. Proceedings of the Sixth International Congress for Research on the Sephardi and Oriental Jewish Heritage. Jerusalem, 2009. P. 94–166.
- Frakes 2004 — J. C. Frakes. Early Yiddish Texts, 1100–1750. With Introduction and Commentary. New York 2004.
- Minervini 1992 — L. Minervini. Testi giudeo spagnoli medievali (Castiglia e Aragona). 2 vols. Naples, 1992.
- Timm 1987 — E. Timm. Graphische und phonetische Struktur des Westjiddischen unter besonderer Berücksichtigung der Zeit um 1600. Tübingen, 1987.

В. С. ХРАКОВСКИЙ
(ИЛИ РАН — СПбГУ)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ОДНО И ТО ЖЕ ЗНАЧЕНИЕ (ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ)

При очевидном фундаментальном различии грамматики и лексики существует универсальный класс таких значений, которые, как в разных языках, так и в одном и том же языке могут выражаться как лексическими, так и грамматическими средствами. Оставляя в стороне вопрос о перечислении всех значений, которые входят в этот класс, мы можем такие значения называть операторными независимо от того, выражаются они лексическими или грамматическими морфемами. Коль скоро все указанные значения входят в один класс, естественно предположить, что все они выполняют одну и ту же функцию или, что то же самое, обладают одним и тем же свойством. Что касается значений, выражаемых грамматическими морфемами, то было высказано справедливое предположение, что «основным свойством, необходимым для того, чтобы значение могло выражаться морфологически, является способность данного значения модифицировать достаточно большое число других значений (или, иначе, способность его носителя сочетаться с достаточно широким классом языковых единиц)» [Плунгян 2000: 103], см. также [Bybee 1985]. Однако этим же свойством обладают и операторные глаголы (отрицательные, фазовые, аспектуальные, темпоральные, пассивные, бенефактивные, модальные, ориентации, движения, положения в пространстве, таксисные, каузативные и некоторые другие), которые в грамматиках часто, хотя и не всегда, относят к числу служебных, то есть имеющих грамматическое значение. И операторные глаголы, и соотносительные аффиксальные морфемы (как, впрочем, и другие грамматические средства) употребляются не самостоятельно, а только обслуживая широкий класс лексических единиц. Говоря другими словами, именно обслуживающая функция является общей функцией операторных глаголов и грамматических морфем в составе глагольной словоформы.

Вместе с тем можно предполагать, что существует определенное множество предикатных значений, выражаемых обычно знаменательными глаголами, которые в принципе также могут выражаться грамматическими средствами, и следовательно скорее всего также выполняют обслуживающую функцию. Об этом, в частности, можно судить по тому, что в некоторых языках, например, в эскимосско-алеутских и чукотско-камчатских в состав глагола могут входить необязательные суффиксы, которые служат средством образования глаголов от имен и значение которых в большинстве случаев совпадает со значением определенного множества знаменательных глаголов в самых разных языках [Меновщиков 1967; Вахтин 1995; Головкин и др. 2009]. Как сказано в работе [Вахтин 1995: 104], в большинстве случаев значение подобных суффиксов «подходит под определение ‘базовые глагольные значения’, т. е. наименее конкретные значения типа бытия, обладания, изготовления, приобретения и др.»¹.

Подобные предикатные значения, выражаясь фигурально, можно считать алгебраическими (= абстрактными), которые могут конкретизироваться посредством различных арифметических (= конкретных) значений. Именно алгебраичность этих значений мотивирует возможность их выражения грамматическими морфемами. В известном смысле их алгебраичность можно трактовать как обслуживающую функцию.

Нельзя не обратить внимания на то, что подобные предикатные значения (как впрочем, и значения операторных глаголов) в какой-то мере сближаются с некоторыми элементарными смыслами (семантическими примитивами), включаемыми в набор универсальных лексикализованных концептов, выделенный А. Вежбицкой, который соответствует набору врожденных универсальных человеческих концептов. В частности, в набор универсальных лексикализованных концептов входят такие элементарные смыслы (предикатные значения) как ДЕЛАТЬ, ПРОИЗОЙТИ / СЛУЧИТЬСЯ, ДВИГАТЬСЯ, ЕСТЬ / ИМЕЕТСЯ, ИМЕТЬ [Вежбицкая 1999: 140–141]. Однако, как мы пытались показать, подобные элементарные или сходные с элементарными смыслы (предикатные значения) могут выражаться не только лексическими, но и грамматическими средствами, причем в ряде случаев предикатное значение, выражаемое грамматически, может не иметь в данном языке лексического соответствия.

¹ Ср.: «Естественные языки располагают целым рядом словообразовательных значений, связывающих исходное имя с соответствующим фактом различными отношениями; из числа этих отношений наиболее распространенными представляются следующие пять: факт состоит в том, чтобы БЫТЬ X-ом; факт состоит в том, чтобы ИМЕТЬ X(-ы); факт состоит в том, чтобы ИЗГОТАВЛИВАТЬ X-ы; факт состоит в том, чтобы ИСПОЛЬЗОВАТЬ X (в соответствии с его природой); факт состоит в том, чтобы НАХОДИТЬСЯ в X-е. Таким образом, мы получаем пять групп глагольных дериватов: *идентификатив*, т. е. ‘быть X-ом’; *хабитив*, т. е. ‘иметь X’ (или ‘имеется X’); *продуктив*, т. е. ‘изготавливать X-ы’), *узитарив*, т. е. ‘использовать X (в соответствии с его природой)’; *локализатив*, т. е. ‘быть локализованным в/около X’. Этот список, разумеется, неполон» [Мельчук 1998: 421].

Литература

- Вахтин 1995 — Н. Б. Вахтин. Синтаксис языка азиатских эскимосов. СПб., 1995.
Вежбицкая 1999 — А. Вежбицкая. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
Головко и др. 2009 — Е. В. Головко, Н. Б. Вахтин, А. С. Асиновский. Язык командорских алеутов. Диалект острова Беринга. СПб., 2009.
Мельчук 1998 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. II. Москва; Вена, 1998.
Меновщиков 1967 — Г. А. Меновщиков. Грамматика языка азиатских эскимосов. Л., 1967.
Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2000.
Bybee 1985 — J. L. Bybee. Morphology: A study of the relation between meaning and form. Amsterdam, 1985.

С. Н. ЦЕЙТЛИН
(РГПУ ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА — ИЛИ РАН)

РЕЧЕВЫЕ СБОИ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ «ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА»

Под речевым сбоем (оговоркой) мы понимаем ненамеренное нарушение действующей языковой нормы в выборе слова или морфологической формы, а также не соответствующее норме конструирование слова, словоформы, словосочетания или предложения. При этом имеется в виду, что индивид владеет соответствующими языковыми правилами и нарушение нормы носит случайный характер, то есть относится к сфере *performance*, а не *competence*. Оговорка при таком понимании не является синонимом слова «ошибка» не только потому, что относится лишь к одному из видов речевой деятельности, то есть не касается письменной формы речи, а также восприятия речи, но и потому, что под ошибкой логично понимать нарушения языковой нормы вследствие невладения ею. В нашем же случае имеется в виду речь взрослых интеллигентных людей, которые владеют нужными языковыми правилами, но в силу разного рода объективных и субъективных факторов их нарушают. В англоязычной литературе данные виды нарушений обычно разграничиваются терминологически: *errors* — ошибки, *mistakes*, *slipsoftongue* — случайные, то есть не свойственные данному индивиду, оговорки.

Мы остановимся только на одном виде оговорок, который является чрезвычайно распространенным, — на отклонениях в порождении словоформ имени существительного и глагола. Нельзя не согласиться с М. В. Русаковой, пионерские работы которой в данной области отчасти послужили неким стимулом и для нашего исследования, в том, что из различного рода «неправильностей», встретившихся в русской устной спонтанной речи, почти четверть приходится на нестандартное оформление словоформы [Русакова 2012]. К этому можно только добавить, что нестандартное оформление словоформ может заключаться не только в использовании других, чем в конвенциональном языке, аффиксальных морфем, но и в изменении ударения.

Основным методом, использованным в нашей работе, является наблюдение за спонтанной речью ведущих радиостанции «Эхо Москвы» и приглашаемых

ими гостей, а также интроспекция, позволяющая в ряде случаев разграничить намерение продуцировать ту или иную словоформу и ее исполнение, которое от намерения может отличаться вследствие действия речевого контроля. В таких случаях приходится слышать: «Ой, чуть не сказал...».

Наблюдения показывают, что даже самые грамотные люди совершают в некоторых случаях оговорки, что неопровержимо свидетельствует о том, что многие словоформы не извлекаются в целостном виде из ментального лексикона, под которым мы в соответствии с установившейся традицией понимаем инвентарь не только лексем, но и конкретных словоформ, а также морфем, которые могут служить строительным материалом для создания словоформ. Одна и та же словоформа одним и тем же индивидом может в одних случаях извлекаться целиком (в этом случае речевой сбой оказывается невозможным), а в других — строиться on-line, при этом в некоторых случаях — не тем способом, который принят в конвенциональном языке. В последнем случае и возникает оговорка. Выбор речевой стратегии зависит от ряда факторов, которые очень четко, на наш взгляд, сформулированы в статье Н. Б. Мечковской [2012]. К объективным факторам автор относит типологические особенности языка, а к субъективным — психолого-физиологические и речемыслительные особенности индивида. Очевидно, к факторам, определяющим речевое поведение человека, можно отнести и ситуацию общения, и прежде всего — состояние, в котором находится человек. Сконструированная словоформа может совпасть с существующей в языке, но может и не совпасть, поскольку правил конструирования словоформ в таком богатом флективном языке, как русский язык, чрезвычайно много, они вступают в конкуренцию, которая разрешается выбором одного из них. Чаще всего, конструируя словоформу самостоятельно, индивид выбирает наиболее простой, системно обусловленный, прототипический и частотный (эти характеристики обычно совпадают) способ ее создания.

В то же время огромную роль играет контекст, который может задавать и даже навязывать определенную модель словоизменения. В таких случаях порождаемая словоформа может и не отвечать названным выше характеристикам. Мы имеем в виду так называемый естественный прайминг [Русакова 2012], то есть некий образец, данный в предшествующем контексте. При этом словоформа конструируется под влиянием либо однотипной в содержательном отношении флексии, либо под влиянием другой формы того же слова, содержащей отличающуюся от нормативно принятой основу. В первом случае происходит унификация флексий, во втором — унификация основы. В ряде случаев самостоятельно сконструированная словоформа оказывается речевым сбоем по той причине, что необходимая словоформа отсутствует в языке. Таким образом заполняется так называемая абсолютная лакуна.

В целом же, если иметь в виду прежде всего психолингвистический аспект проблемы, наличие словоизменительных оговорок подтверждает справедливость утверждения С. Д. Кацнельсона относительно того, что «операции, совершаемые механизмами речи в процессе ее порождения, не могут <...> носить во всех случаях „жесткий“, автоматический характер. Они необходимо перемежаются с

вероятностными операциями, в ходе которых совершается отбор одного из возможных путей продолжения процесса» [Кацнельсон 1972: 27]. Кроме того, анализ лингвистических причин того или иного выбора стратегии подтверждает психологическую реальность языковых единиц и языковых правил и демонстрирует иерархичность структуры последних.

Литература

- Кацнельсон 1972 — С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
Мечковская 2013 — Н. Б. Мечковская. Повседневное общение, речь ребенка и речевые расстройства: «гомологические» сходства гетерогенных и разновекторных процессов // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 72. 2013, № 2. С. 3–19.
Русакова 2012 — М. В. Русакова. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М., 2012.

А. В. ЦИММЕРЛИНГ
(ИЛИ МГГУ ИМ. М. А. ШОЛОХОВА)

К ОПИСАНИЮ ПАДЕЖНОЙ МНОГОЗНАЧНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

Анализ в терминах падежной многозначности, или иначе, внутрипадежной омонимии, возможен в рамках теорий, где частные значения падежей, такие как «род. п. меры» или «твор. п. сравнения» в русском языке, не выводятся из постулируемых общих значений тех же морфологических падежей, и допускается возможность межпадежной синонимии, то есть выражения предположительно одного и того же значения на базе разных падежей в одном и том же языке, например «Х падеж меры» ~ «У падеж меры» в языке L. Данный подход реализован в книге Б. Дельбрюка «Синкретизм. Учение о германском падеже» [Delbrück 1907], правда, эволюционный аспект модели Дельбрюка не дает понять, описывает ли она нормальное или неустойчивое состояние падежной системы. Постулированная Б. Дельбрюком синонимия конкурирующих падежных употреблений, например, вин. п. прямого объекта и дат. п. объекта в германских, балтийских и славянских языках (включая русский, см. рус. *ублажать* + вин. п. и *служить* + дат. п.) — не наблюдаемый факт, а теоретический конструкт: точка зрения об изначальной несинонимичности употреблений индоевропейских глаголов, сильно управляющих вин. п. и сильно управляющих дат. п., была обоснована в работах А. В. Десницкой и О. А. Смирницкой, см. [Смирницкая 1969]. Тем не менее модель Б. Дельбрюка используется в современных работах по типологии падежа, где вводится реестр повторяющихся в языках мира падежных значений, некоторые из которых могут параллельно проявляться при разных морфологических падежах в одном и том же языке. Падежные значения при таком подходе можно трактовать как

¹ При поддержке гранта Минобрнауки РФ, проект 14.B37.21.1004 «Модели падежной грамматики и естественный язык».

элементарные или неэлементарные семантические роли, набор которых опирается на универсальную онтологию.

В работах Р. О. Jakobson падежная система русского языка рассматривается на синхронном уровне с позиций общей грамматики. При этом термин «синкретизм», заимствованный у Б. Дельбрюка, используется без ссылки на последнего в другом значении — как указание на омонимию словоформ тех или иных падежей внутри падежной парадигмы — по выражению Р. О. Jakobson, «упразднимые различия между падежными флексиями» [Jakobson 1985: 195]. В модели Р. О. Jakobson падежи однозначны и имеют инвариантные значения, противопоставленные друг другу по двум или более признакам: различаются грамматические (прямые) падежи (имен. п., вин. п. и род. п.) и периферийные падежи, а также так называемые объемные (род. п., предл. п.) vs. необъемные падежи и направленные падежи (вин.п., дат.п.) vs. ненаправленные падежи¹. В такой модели нет места многозначности, для всех падежей постулируется инвариантное значение. Наличие инварианта в модели Р. О. Jakobson не проверяется набором ролей, а выводится из синтаксических функций падежных употреблений и постулата о том, что значение граммы каждого падежа является функцией их противопоставления в падежной системе.

Модель Jakobson непригодна для описания переходов как от гипотетических общих падежных значений к частным, так и от одного частного значения к другому. С. Фрэнкс адаптировал модель Р. О. Jakobson к генеративной грамматике. Как и Р. О. Jakobson, С. Фрэнкс исходит из восьмипадежной системы русского языка (шесть основных падежей + род. п. II и предл. п. II), набор параметров грамматических (в терминах С. Фрэнкса — структурных) падежей прямо детерминирован синтаксической функцией, присущей падежным выражениям в имен. п., вин. п. и род. п., в то время как периферийные падежи могут трактоваться как выражения тех или иных семантических ролей [Franks 1995: 48]. Модель С. Фрэнкса оставляет место для гипотезы о многозначности, поскольку один и тот же морфологический падеж может быть соотнесен как со структурным синтаксическим падежом, так и с периферийным синтаксическим падежом. Например, дат. п. субъекта инфинитивного предложения (*грузовикам здесь не проехать*) С. Фрэнкс объясняет как структурный, а дат. п. субъекта безличного предложения (*ему не повезло, ему было трудно* и т. п.) — как периферийный падеж. Модель С. Фрэнкса использована в работе [Циммерлинг 2010], где разбираются русские конструкции с семантическим субъектом в дат. п.

А. Н. Колмогоров предложил модель падежа, основывающуюся на трактовке грамем падежей как классов эквивалентности, см. [Успенский 1957]. В работе А. А. Зализняка «Русское именное словоизменение» эксплицирована процедура выделения 14 однопадежных рядов в русском языке в духе А. Н. Колмогорова

¹ Модель Р. О. Jakobson учитывает также род. п. II и предл. п. II.

[Зализняк 1967: 54]¹. С точки зрения гипотезы о многозначности основные 6 падежей русского языка в модели Зализняка можно рассматривать по-разному, в том числе — как семантически непрозрачные (как в модели Б. Дельбрюка), как семантически пустые (как в модели С. Фрэнкса) или как семантически однозначные (как в модели Р. О. Якобсона), в то время как дополнительные 8 падежей, имеющие ограниченную морфологическую и лексическую дистрибуцию, предпочтительно анализировать как семантически мотивированные и однозначные, то есть сигнализирующие вполне определенное содержание, см. *нет чая, налить чаю, ждать повестки* (гипотетический ждательный падеж), *идти в солдаты* (гипотетический счетный падеж).

В работах по логической семантике, ср. [Borschev, Partee 2004], ставился вопрос о наличии единого значения у беспредложного род. п. в русском языке. Термин «инвариантное» значение (уместный в модели Р. О. Якобсона) заменяется близким, но не синонимическим термином «дефолтное», то есть контекстно-свободное значение, реализуемое автоматически вне поддержки контекста. Таким дефолтным значением для русского род. п. может служить значение «отношение между X и Y»: интерпретации «X — **хозяин** Y-а», «X — **автор** Y-а», ср. 1) *картина Петрова* = «картина, принадлежащая Петрову», 2) *картина Петрова* = «картина, автором которой является Петров», можно считать контекстными спецификациями. Употребления типа *ящик пива* (род. п. меры) целесообразно интерпретировать в терминах грамматики конструкций, то есть синтаксических выражений с неаддитивной семантикой, где значение целого не является суммой значения частей (из выбора формы род. п. *пива* не следует прямо, что пиво — это единица меры, а из сочетаемостных связей слова *ящик*, обозначающего вид КОНТЕЙНЕРА, не вытекает, что зависимое в род. п. непременно должно быть названием содержимого, ср. *ящик поставщика пива*). Чем больше конструкций учтено, тем более многозначными окажутся русские падежи, в частности, род. п. Полное игнорирование конструкций, выражающих заданное семантическое отношение, при описании употреблений русских падежей невозможно.

В ряде работ ставилась задача определить семантический инвариант конструкций со значением обладания, которые выражаются в русском языке беспредложными формами род. п. (на уровне ИГ) и предложными сочетаниями с род. п. (*у* + род. п., *от* + род. п.), см. [Кибрик 2000; Рахилина 2000]. Неясно, является ли Посессор элементарной семантической ролью или нет. В любом случае Посессор нельзя циркулярным образом определять как «роль элемента, маркированного род. п. на уровне ИГ», одновременно определяя род. п. как «прототипический падеж Посессора». Мы понимаем под Посессором только одушевленный субъект обладания и предлагаем различать при помощи тэгов Посессивность и семантические отношения Часть vs. Целое и Сложный Объект vs. Параметр. В этом случае предложно-падежные употребления типа *У*

¹ А. А. Зализняк не дает ответа на вопрос, следует ли постулировать 14 падежей для всех русских имен, или же только для тех, у которых есть противопоставление самостоятельных и отпредложных форм.

Ивана три сына и У стола неровная поверхность будут признаны нетождественными, а разметка подкорпуса русского языка при помощи тэгов, указывающих на разные роли, может трактоваться как операция по снятию внутриадажной омонимии.

В докладе будут рассмотрены предположно-падежные употребления *у* + род. п. и *с* + твор. п. и соотнесенный с ними набор семантических ролей. Хотя данные употребления не могут быть признаны особыми падежами, критерий семантической однозначности / многозначности не противопоставляет их беспредложным употреблениям русских падежей, поскольку последние, в частности, употребления род. п. и твор. п. также являются многозначными.

Литература

- Зализняк 1969 — А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967.
- Кибрик 2000 — А. Е. Кибрик. Внешний посессор как результат расщепления валентности // Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин (ред.). Слово в тексте и словаре. М., 2000. С. 343–446.
- Рахилина 2000 — Е. В. Рахилина. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
- Смирницкая 1969 — О. А. Смирницкая. Архаизмы и инновации в древнеисландском синтаксисе // Вестник МГУ. Сер. Филология. 1969. № 4. С. 30–40.
- Успенский 1957 — В. А. Успенский. К определению падежа по А. Н. Колмогорову // Бюллетень Объединения по проблемам машинного перевода. № 5. М., 1957. С. 11–18.
- Циммерлинг — А. В. Циммерлинг. Именные предикативы и дативные предложения в европейских языках // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 9 (16) по материалам международной конференции «Диалог 2010». М., 2010. С. 549–558.
- Якобсон 1985 — Р. Якобсон. Избранные работы, М., 1985.
- Borschev, Partee 2004 — V. B. Borschev, B. H. Partee. Genetives, types and sorts // Jy-Yung Kim, Yu. A. Lander, B. H. Partee (eds.). Possessives and beyond: semantics and syntax. Amherst, MA, 2004. P. 29–43.
- Delbrück 1907 — B. Delbrück. Syncretismus. Ein Beitrag zur germanischen Kasuslehre. Strassburg, 1907.
- Franks 1995 — S. Franks. Parameters of slavic morphosyntax. Oxford, 1995.

Т. В. ЧЕРНИГОВСКАЯ
(СПбГУ — НИЦ «КУРЧАТОВСКИЙ ИНСТИТУТ»)

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА КАК ЧАСТЬ КОГНИТИВНОЙ НАУКИ¹

Когнитивная наука — трансдисциплинарна по определению, так как исследовать такие сложнейшие явления, как язык, сознание и память, в рамках одной дисциплины невозможно. Ее объектом является изучение высших психических функций (включая язык как основную характеристику человека), их социальные и биологические, в том числе генетические, истоки,

¹ Поддержано грантом СПбГУ № 0.38.518.2013 «Когнитивные механизмы преодоления информационной многозначности».

нейрофизиологические механизмы, обеспечивающие развитие и функционирование в норме и при патологии, возможность коррекции и моделирования в искусственных системах. Когнитивные исследования являются частью конвергентной фундаментальной науки XXI века, и важно подчеркнуть, что это требует иной, многоаспектной подготовки ученых, а не механического соединения в одном научном сообществе разных экспертов. Формирование таких специалистов началась и успешно ведется на кафедре общего языкознания СПбГУ многие годы.

Проблема соотношения языка, сознания и иных когнитивных процессов и их материального субстрата — мозга остается по-прежнему одной из «предельных». Роль языка — огромна, ибо именно он показывает нам, как мир членится и формируется *для человека*. Не думаю, что здесь перепутана причина со следствием: по Дикону, язык оккупировал мозг, которому и пришлось приспособливаться к новым условиям [Deacon 2003;2006] см. также [Бикертон 2012].

Вербальный язык «объективизирует» индивидуальный опыт, обеспечивая описание мира и коммуникацию. Это значит, что именно и только язык, будучи культурным феноменом, хотя и базирующимся на генетически обусловленных алгоритмах, соединяет объекты внешнего мира с нейрофизиологическими феноменами, используя конвенциональные семиотические механизмы. Наше восприятие может быть описано как относительно объективное только благодаря конвенциональности номинации — договору о том, в какие ячейки мы будем упаковывать наши ощущения. Элегантность, размер и качество этих ячеек варьируется от языка к языку и от индивидуума и к индивидууму. Более того, мы сталкиваемся с нарушенным или даже иллюзорным и галлюцинаторным восприятием, но язык и мозг справляются и с этим. Мы должны соединять *слова с событиями и вещами*, и в каких-то случаях это удастся лучше (как с цветами и линиями), а в каких-то — хуже (как с запахами и вкусами) [Черниговская 2004;2006; 2010; Chernigovskaya, Arshavsky 2007].

Как устроен ментальный лексикон, в частности, — «словари» в мозгу? Мы почему-то *a priori* считаем, что там все разложено «по порядку», по типам: скажем, слова вербального языка сгруппированы по частям речи или более прихотливо — собраны морфемы, леммы, лексемы. И/или по частотности употребления... Или по противопоставлению конкретности — абстрактности... Или по алфавиту... Или по звуковому подобию, включая рифму... У человека есть способность к категоризации и классификации, к наведению некоего порядка, но она есть и у других существ. Только категоризируется ими что-то другое, даже если в эксперименте мы вынуждаем животное поддаться нашим схемам, то есть обучаем его, навязывая наши координаты. Что в этом случае мы проверяем? — Способность овладеть и другими, *не их, принципами и параметрами* (используя терминологию Н. Хомского в более широком, почти метафорическом, смысле). Или *принципы*, понимаемые как некие базовые алгоритмы, есть у нас всех — что-то типа *подбери подобное*. Зато *параметры* у всех разные, и они обеспечивают *Umwelt* — свой для каждого биологического вида, если не сказать — индивида. Уместно вспомнить похожий жесткий

приговор Л. Витгенштейна: *мир не имеет по отношению к нам никаких намерений*... Иными словами, мы строим его себе сами, и язык является для этого вневеконкурентным инструментом.

Комментируя дискуссии об истоках и специфических свойствах человеческого языка, нельзя не согласиться, что «видимо, гигантский авторитет Н. Хомского, заставил многих исследователей забыть о достижениях палеоневрологии и нижнепалеолитической археологии и увлечься поисками соответствий между гипотетической „рекурсионной мутацией“ и чрезвычайно поздно появляющимися свидетельствами комбинирования понятий. Противоположная крайность — свойственная приматологам склонность к нивелировке различий между общением людей и обезьян — кажется столь же неприемлемой» [Козинцев 2010:646]. Существенные сведения и их обсуждение можно найти в ряде работ [Фитч 2000; Liberman 2002; Панов 2005; 2008; Черниговская 2006; 2008; 2008а; 2010; Пинкер, Джакендофф 2008; Read 2008; Botha, Knight 2009; Резникова 2011; Томаселло 2011; Барулин 2012].

Очень вероятно, что идея неких врожденных концептов не так уж экстравагантна [Fodor 2009]. И все же мозг, генетически обладая способностью к порождению мандельштамовского «шепота прежде губ», *следует Локку: ум приобретает идеи, когда начинает воспринимать*. Это справедливо и по отношению к человеческому языку, потенция к овладению которым врожденна, но проявляться она начинает, только эмпирически столкнувшись с языковым опытом. На то, как происходит это поразительное овладение знанием сложнейшего кода, по-прежнему существуют две диаметральных точки зрения: (1) язык разворачивается и растет, как организм (то есть он *уже* присутствует в зародыше и генетически предопределен) и (2) язык приобретается с опытом, формируясь его характеристиками (пресловутая *tabula rasa* при рождении). Обучаясь чему бы то ни было, человек учится *понимать и интерпретировать*, а не просто наполняет память фактами. Это значит — работать со знаками [Лотман 1965; Пятигорский, Мамардашвили 1982; Черниговская 2012; 2012а]. Противоречивые факты о деятельности мозга становятся несколько более понятны, когда мы переходим к нейросемиотическому рассмотрению разных способов обработки информации [Chernigovskaya 1994; 1996; 1999; Черниговская 2008, 2010; 2012; 2012а; Финн 2009].

Стоит вспомнить пионерские исследования И. Г. Франк-Каменецкого, О. М. Фрейденберг и С. С. Аверинцева [2001], в частности, философско-культурологическую теорию взаимосвязи языка и сознания, образа и понятия Фрейденберг, раскрывшую архаические истоки формирования человеческой рациональности на основе понятий мифа и фольклора [Фрейденберг 1998]: «перевести язык образа на язык понятий невозможно», и «история сознания — это история освобождения от давления внешнего мира и ход в направлении к миру внутреннему». Десятилетия спустя Лакофф во многом повторит Фрейденберг (вряд ли слышав о ней): кинестетические схемы предваряют последующие концептуальные формы выражения, чему соответствуют образно-кинестетические концепты, на основе которых формируются метафоры, воспроизводящие телесный опыт и т. д. [Lakoff 1987]. Джакендофф [Jackendoff

2003] предложил перекинуть мост между вычисляющим и самодостаточным мозгом и внешним миром, вводя концепт *f-mind*, который можно понимать как способность средствами естественного языка кодировать определенные комбинации в нейронных сетях в релевантных контексту отделах мозга.

Современная когнитивная наука в состоянии решать эти вопросы.

Литература

- Аверинцев, Франк-Каменецкий, Фрейденберг 2001 — С. С. Аверинцев, И. Г. Франк-Каменецкий, О. М. Фрейденберг. От слова к смыслу: Проблемы тропогенеза. М., 2001.
- Барулин 2012 — А. Н. Барулин. Семиотический рубикон в глоттогенезе. Часть I // Вопросы языкового родства. М., 2012. № 8. С. 33–74.
- Бикертон 2012 — Д. Бикертон. Язык Адама: как люди создали язык, как язык создал людей. Пер. с англ. М., 2012.
- Козинцев 2010 — А. Г. Козинцев. Предыстория языка: общие подходы (The Prehistory of Language / ed. by R. Botha and C. Knight. Oxford, New York: Oxford University Press, 2009. 348 p.) // Российский археологический ежегодник. №1. 2011. С. 641–646.
- Лотман 1965 — Ю. М. Лотман. О проблеме значений во вторичных моделирующих системах // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1965. Вып. 181 (= Труды по знаковым системам. II). С. 210–216.
- Панов 2005 — Е. Н. Панов. Знаки, символы, языки. Коммуникация в царстве животных и в мире людей. М., 2005.
- Панов 2008 — Е. Н. Панов. Орудийная деятельность и коммуникация шимпанзе в природе // А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская (сост.). Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. М., 2008. С. 231–260.
- Пинкер, Джакендофф 2008 — С. Пинкер, Р. Джакендофф. Компоненты языка: что специфично для языка и что специфично для человека? // А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская (сост.). Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. М., 2008. С. 261–292.
- Пятигорский, Мамардашвили 1982 — А. М. Пятигорский, М. К. Мамардашвили. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. Иерусалим, 1982.
- Резникова 2011 — Ж. И. Резникова. Когнитивное поведение животных и его развитие в онтогенезе // Теория развития. М., 2011. С. 279–315.
- Томаселло 2011 — М. Томаселло. Истоки человеческого общения. Пер. с англ. М., 2011.
- Финн 2009 — В. Финн. Синтез познавательных процедур и проблема индукции // Научно-техническая информация. Сер. 2: Информационные процессы и системы 6. М., 2009. С. 1–37.
- Фитч 2000 — Т. Fitch. The evolution of speech: a comparative review // Trends in cognitive sciences. 2000. Vol. 4. P. 258–267.
- Фрейденберг 1998 — О. М. Фрейденберг. Миф и литература древности. М., 1998.
- Черниговская 2004 — Т. В. Черниговская. Семиотика запахов: вербализация, синестезия, память // Петербургское лингвистическое общество. Научные чтения-2003. Приложение к журналу «Язык и речевая деятельность». Т. 5. СПб, 2004. С. 171–176
- Черниговская 2006 — Т. В. Черниговская. Зеркальный мозг, концепты и язык: цена антропогенеза // Российский физиологический журнал им. И. М. Сеченова РАН. Т. 92. № 1. 2006. С. 84–99. (// Д. И. Дубровский, В. А. Лекторский (ред.). Искусственный интеллект. Междисциплинарный подход. М., 2006. С. 127–148.)
- Черниговская 2008а — Т. В. Черниговская. От коммуникационных сигналов к языку и мышлению человека: эволюция или революция // Российский физиологический журнал им. И. М. Сеченова. Т. 94. № 9. 2008. С. 1017–1028.

- Черниговская 2008 — Т. В. Черниговская. Человеческое в человеке: сознание и нейронная сеть // Д. И. Дубровский (ред.). Проблема сознания в философии и науке. М., 2008. С. 325–360.
- Черниговская 2010 — Т. В. Черниговская. Если зеркало будет смотреться в зеркало, что оно там увидит? (к вопросу об эволюции языка и сознания) // Когнитивные исследования (сб. научн. трудов). Вып. 4. М. 2010. С. 67–89.
- Черниговская 2010а — Т. В. Черниговская Т. В. Мозг и язык: врожденные модули или обучающаяся сеть? // А. И. Григорьев (ред.). МОЗГ. Фундаментальные и прикладные проблемы. По материалам сессии Общего собрания Российской академии наук 15–16 декабря 2009. М., 2010. С. 117–127.
- Черниговская 2012 — Т. В. Черниговская. Языки сознания: кто читает тексты нейронной сети? // Сб., посвященный юбилею акад. В. А. Лекторского, М., 2012. С. 403–412.
- Черниговская 2012а — Т. В. Черниговская. Нить Ариадны или пирожные Мадлен: Нейронная сеть и сознание // В мире науки / Scientific American, # 4. 2012.
- Botha, Knight 2009 — R. Botha, Ch. Knight (eds.). The prehistory of language. Oxford, 2009.
- Chernigovskaya 1996 — T. Chernigovskaya. Cerebral asymmetry — a neuropsychological parallel to semiotogenesis // U. Figge, W. Koch (eds.). Acta Colloqui. Bochum publications in evolutionary cultural semiotics, language in the Wurm Glaciation. Vol. 27. 1996. P. 53–75.
- Chernigovskaya 1994 — T. Chernigovskaya. Cerebral lateralization for cognitive and linguistic abilities: neuropsychological and cultural aspects // J. Wind, A. Jonker (eds.). Studies in language origins. III. Amsterdam; Philadelphia., 1994. P. 56–76.
- Chernigovskaya 1999 — T. Chernigovskaya. Neurosemiotic approach to cognitive functions // Semiotica (Journal of the International Association for Semiotic Studies) Vol. 127. 1(4). 1999. P. 227–237.
- Chernigovskaya, Arshavsky 2007 — T. V. Chernigovskaya, V. V. Arshavsky. Olfactory and visual processing and verbalization: Cross-cultural and neurosemiotic dimensions // M. Plumacher, P. Holz (eds.). Speaking of colors and odors (Converging evidence in language and communication research (CELCR)). Vol. 8. Amsterdam; Philadelphia, 2007. P. 227–239.
- Deacon 2003 — T. W. Deacon. Multilevel selection in a complex adaptive system: The problem of language origins // B. H. Weber, D. J. Depew (eds.). Evolution and learning: The Baldwin effect reconsidered. Cambridge, MA, 2003. P. 1–21
- Deacon 2006 — T. W. Deacon. Evolution of language systems in the human brain // J. H. Kaas (ed.). Evolution of nervous systems: a comprehensive reference. Vol 4: Primates. P. 529–547.
- Fodor 2009 — J. Fodor. Where is my mind? // London Review of Books. Vol. 31. № 3. 12 February, 2009.
- Jackendoff 2003 — R. Jackendoff. Précis of foundations of language: brain, meaning, grammar, evolution // Behavioral and Brain Sciences. 2003. 26. P. 651–707.
- Lakoff 1987 — G. Lakoff. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago, 1987.
- Lieberman 2002 — P. Lieberman. On the nature and evolution of the neural bases of human language // Yearbook of physical anthropology. 45. 2002. P. 36–62.
- Read 2008 — D. W. Read. Working memory: A cognitive limit to non-human primate recursive thinking prior to hominid evolution // Evolutionary psychology. 2008. V. 6. P. 676–714.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ

Синтаксическая неоднозначность связана с возможностью нескольких интерпретаций отношения между словами (*flying planes can be dangerous*: «летающие самолеты могут быть опасны» и «летать на самолетах может быть опасно») [Зализняк 2004]. Синтаксическая неоднозначность может быть рассмотрена как феномен языковой системы с точки зрения теоретического языкознания, как проявление неоднозначности в реальных текстах с точки зрения прикладной лингвистики и как инструмент выявления скрытых механизмов работы синтаксического анализатора в процессе речевой деятельности с точки зрения психолингвистики.

В задачи теоретического синтаксиса входит описание механизмов, благодаря которым становится возможным появление синтаксически неоднозначных конструкций. Так, грамматика зависимостей интерпретирует синтаксическую структуру предложения при помощи дерева зависимостей: ряд неоднозначных конструкций предполагает разные деревья для разных прочтений (*Мы встретили сына художника, который приехал из Парижа*) или разную разметку одного и того же дерева (*Преследование тигра закончилось неудачей*), другие конструкции могут быть описаны с точки зрения грамматики непосредственных составляющих (*новые книги и тетради*) [Гладкий 1985]. Принципиальная возможность синтаксической неоднозначности может быть связана с различными свойствами языковой системы как на морфологическом, так и на синтаксическом уровне, подробная классификация причин синтаксической омонимии в русском языке (в том числе грамматическая конверсия, частичная лексическая и грамматическая омонимия, неоднозначность интерпретации проформы, валентная вариативность и др.) представлена в диссертации О. В. Митрениной [Митренина 2010]. При создании формальной модели языковой системы (например, в рамках модели «Смысл ↔ Текст») возможность порождения неоднозначных конструкций учитывается как нежелательный фактор.

В связи с аспектом порождения речи синтаксически неоднозначные конструкции описаны и в рамках прикладных лингвистических дисциплин, имеющих дело с текстами (речью). Так, стилистика описывает потенциально неоднозначные конструкции как стилистические ошибки, подчеркивая их несоответствие дескриптивной норме. Предполагается, что любая неоднозначность затрудняет восприятие текста адресатом, поэтому описание таких конструкций приводится в связи с запретом на них (например, [Циммерлинг 2007]). Изучение синтаксической неоднозначности также было связано с проблемами автоматической обработки текста: это составление типологии причин возникновения неоднозначности [Иорданская 1967; Дрейзин 1988] и поиск факторов, опираясь на которые процессор мог бы из нескольких

возможных интерпретаций выбирать верную [Лазурский и др. 2003; Юдина 2010].

В рамках психолингвистики интерес представляют данные об обработке синтаксически неоднозначных предложений человеком в режиме реального времени на материале различных языков мира. Один из наиболее дискуссионных в современной психолингвистике вопросов заключается в том, одинаковы ли стратегии синтаксического анализатора в разных языках и на основе чего они формируются: на основе универсальных правил (принципов позднего закрытия и минимального присоединения [Frazier 1978]), на основе частотности прочтения конструкции в языковом опыте носителя [Mitchell et al. 1995], на основе семантики входящих в конструкцию слов и/или их лексико-грамматических характеристик [Sedivy, Spivey-Knowlton 1994; Desmet et al 2002].

Таким образом, проблема синтаксической неоднозначности представляет большой интерес для различных аспектов языкознания (и не только языкознания: процесс разрешения неоднозначности как когнитивная задача требует междисциплинарного изучения, например, с точки зрения нейробиологии [Анисимов 2013]).

Литература

- Анисимов 2013 — В. Н. Анисимов. Движения глаз при чтении предложений с синтаксической неоднозначностью в русском языке. Дисс. ... канд. биол. наук. М., 2013.
- Зализняк 2004 — Анна А. Зализняк. Феномен многозначности и способы его описания. Вопросы языкознания. 2004 № 2. С. 20–45.
- Иорданская 1967 — Л. Н. Иорданская. Синтаксическая омонимия в русском языке (с точки зрения автоматического анализа и синтеза) // НТИ. Сер. 2. 1967. № 5. С. 9–17.
- Дрейзин 1988 — Ф. А. Дрейзин. Синтаксическая омонимия // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1988.
- Гладкий 1985 — А. В. Гладкий. Синтаксические структуры естественного языка в автоматизированных системах общения. М., 1985.
- Лазурский и др. 2003 — А. В. Лазурский, А. С. Бердичевский, Л. Г. Крейдлин, Л. Г. Митюшин, В. Г. Сизов. Интерактивное разрешение лексической и синтаксической неоднозначности в системах автоматической обработки естественного языка. ИППИ РАН, М., 2003.
- Митренина 2005 — О. В. Митренина. Проблемы неоднозначности синтаксического анализа. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.
- Циммерлинг 2007 — А. В. Циммерлинг. Синтаксические ошибки в письменных текстах русских СМИ // Труды конференции «Культура речи». Институт русского языка РАН. Звенигород, 2007.
- Desmet et al. 2002 — T. Desmet, M. Brysbaert, C. De Baecke. The correspondence between sentence production and corpus frequencies in modifier attachment // Quarterly Journal of Experimental Psychology. 55A (3). 2002. P 879–896.
- Frazier, Fodor 1978 — L. Frazier, J. D. Fodor. The sausage machine: A new two-stage parsing model // Cognition 6. 1978. P. 291–235.
- Mitchell et al. 1995 — D. C. Mitchell, F. Cuetos, M. M. B. Corley, M. Brysbaert. Exposure-based models of human parsing: Evidence for the use of coarse-grained (non-lexical) statistical records // Journal of psycholinguistic Research. 24 (6). 1995. P. 469–488.

Sedivy, Spivey-Knowlton 1994 — J. Sedivy, M. Spivey-Knowlton. The use of structural, lexical and pragmatic information in parsing attachment ambiguities // C. Clifton, L. Frazier, K. Rayner (eds.). Perspectives on sentence Processing. Hillsdale, NJ, 1994. P. 389–413.

О. Ю. ЧУЙКОВА
(СПбГУ — ИЛИ РАН)

АКЦИОНАЛЬНОСТЬ РУССКОГО ГЛАГОЛА В КОНТЕКСТЕ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ

Место будущего времени в системе грамматических значений глагола (в языках, где данная граммема грамматикализована), а именно, вопрос о том, следует ли рассматривать футурум в одном ряду с такими темпоральными граммемами индикатива как презенс и претерит, является предметом дискуссий среди исследователей (см., напр. [Плунгян 2011: 360–363]). В связи с такой «неопределенностью» статуса будущего времени неудивительно, что в исследованиях, в частности, посвященных вопросам общей (и уже — славянской) аспектологии, авторы в большинстве своем имплицитно или эксплицитно избегают обращения к футуральным контекстам¹.

Существующие на настоящий момент варианты акциональных классификаций созданы в основном без привлечения материала будущего времени. При этом неясно, предполагается ли экстраполяция результатов, полученных на материале нефутуральных контекстов, на грамему будущего времени. Такое решение представляется небезупречным по причине а) отсутствия однозначного решения проблемы о статусе форм будущего времени в системе видо-временных форм глагола; б) наблюдаемой во многих языках асимметрии прошедшего и будущего. Утверждения относительно функционирования глаголов разных акциональных классов в будущем времени должны опираться на эмпирические данные, а не являться результатом простого распространения результатов изучения отдельных форм на всю парадигму.

В докладе приведена попытка анализа функционирования предикатов, относимых традиционно к разным акциональным классам, в контексте показателей будущего времени в русском языке. На настоящий момент создан целый ряд различных вариантов аспектуально релевантной классификации глагольной лексики (см., например [Татевосов 2005]), самым ранним из которых для русского языка является классификация, предложенная Ю. С. Масловым [1948]. Вопрос о преимуществах и недостатках существующих классификаций на данном этапе не ставится.

В литературе отмечалось, что в русском языке будущее НСВ употребляется гораздо реже, чем будущее СВ, в то время как в прошедшем времени обе видовые формы представлены более или менее равномерно [Князев 2009].

¹ Ср.: «Рассматриваются личные формы глагола — без отрицания; без модальности и буд. времени (разрядка моя. — О. Ч.); без переносного употребления времен» [Падучева 1996: 25]

Кроме того, что формы будущего времени в целом гораздо менее частотны, чем формы прошедшего времени. Ср. данные, представленные в Табл. 1.

Табл. 1. Соотношение форм СВ и НСВ в будущем и прошедшем времени¹

	Будущее время	Прошедшее время
СВ	24722	168029
НСВ	3568 ²	181249

При этом количественное распределение СВ и НСВ у (парных) глаголов, принадлежащих к различным акциональным классам, может существенно отличаться от того, что представлено в Табл. 1.

Табл. 2. Соотношение парных глаголов СВ и НСВ в будущем и прошедшем времени

	Прош. СВ	Прош. НСВ	Буд. СВ	Буд. НСВ
Предельные пары³:				
<i>умирать / умереть</i>	29148	3428	8381	270
<i>тонуть / утонуть</i>	1916	1161	471	41
<i>ловить / поймать</i>	5439	3627	1455	196
<i>догонять / догнать</i>	2176	413	903	13
«Градационные» пары				
<i>увеличиваться / увеличиться</i>	3488	1323	888	139
<i>слабеть / ослабеть</i>	1191	430	120	12
<i>богатеть / разбогатеть</i>	459	157	204	11
Моментальные / тривиальные пары				
<i>приходить / прийти</i>	82999	19755	22870	344
<i>найти / находить</i>	45905	10030	16742	94
Перфектные пары				
<i>видеть / увидеть</i>	52605	89216	21546	786
<i>слышать / услышать</i>	16272	33219	4295	140
<i>чувствовать / почувствовать</i>	20651	27481	1648	502
<i>ощущать / ощутить</i>	3806	3717	328	58
<i>возглавлять / возглавить</i>	1316	1388	198	26

Как можно видеть из Табл. 2, независимо от формальных характеристик видовой пары (приставочная / суффиксальная / супплетивная) в первых трех

¹ Поиск ведется по пользовательскому подкорпусу, включающему тексты, созданные в период с 1950 г. (точное вхождение), со снятой грамматической омонимией.

² Форма буд. НСВ является аналитической: возможна перестановка элементов и вставка между ними других слов (чаще всего — одного, крайне редко — более трех), что учитывалось при формулировании поискового запроса.

³ По возможности, выбирались такие глагольные предикаты, которые во всех (или хотя бы в значительном большинстве) случаев ведут себя как предельные, то есть глагол НСВ указывает на срединную стадию ситуации, естественное завершение которой предполагает достижение внутреннего предела, а предикат СВ указывает на то, что ситуация достигла предела. Учитывая данное ограничение, к рассмотрению не привлекались глаголы, значение предельности/непредельности которых задается характеристиками актантов.

группах предикат СВ оказывается более частотным видовым коррелятом и в прошедшем, и в будущем времени. Частотность прошедшего времени НСВ для некоторых пар оказывается ниже, чем частотность будущего времени СВ. В основном это глаголы, обозначающие ситуации, способные реализоваться без срединной стадии. В связи с этим следует упомянуть наблюдение, согласно которому глаголы НСВ в будущем времени крайне редко употребляются в актуально-длительном значении [Рассудова 1968; Князев 2009]. Можно предположить, частотность глагола НСВ зависит от того спектра значений, которым данный глагол способен реализовать: чем уже данный спектр (что может зависеть как от контекста, например, будущего времени, так и от собственных характеристик глагольной лексики, например, принадлежность к акциональному классу моментативных глаголов), тем ниже частотность глагола.

Несколько иная картина наблюдается для перфектных пар. Здесь также наблюдается существенное преобладание употреблений в форме прошедшего времени по сравнению с аналогичными употреблениями в форме будущего времени. Частотность будущего времени НСВ ниже, чем будущего времени СВ. Тем не менее в прошедшем времени не наблюдается сколько-нибудь значительного преобладания глаголов СВ: в зависимости от конкретной видовой пары количество употреблений глаголов СВ и НСВ либо примерно одинаково, либо НСВ более частотен. В докладе ставится вопрос о причинах такого распределения.

Также в свете рассматриваемых вопросов подвергаются проверке и уточнению в соответствии с анализом функционирования глаголов разных классов два тезиса:

1) Глагол НСВ, в отличие от глагола СВ, содержит идею начинательности [Рассудова 1968: 90; Падучева 2008: 76], указывает на то, что действие полностью отнесено к плану будущего. Ср.:

(1) *Ты будешь дома? — спросила она. — Я сейчас приеду... вот только оденусь* [Ирина Безладнова. Такая женщина // «Звезда», 2001] (*≈закончу одеваться*);

(2) *Вы не возражаете, если я буду одеваться? — сухомерно сказала Ольга. — Мне уже пора, скоро мои часы начинаются в лицее* [Н. Леонов, А. Макеев. Эхо дефолта (2000-2004)] (*≈начну одеваться*).

2) Основное значение будущего НСВ — общефактическое. Остальные значения (и, особенно, актуально-длительное) встречаются гораздо реже [Рассудова 1968: 87] (см. также [Князев 2009]).

Литература

Князев 2009 — Ю. П. Князев. Видовое противопоставление в предложениях с формами будущего времени в русском языке // Круглый стол «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы» 12–14 марта 2009 г. (материалы). URL: <http://iling.spb.ru/nord/materia/rusconstr2009/knjazevju.pdf>.

- Маслов 1948 — Ю. С. Маслов. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // ИАН ОЛЯ. 1948. № 4. С. 303–316.
- Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 2008 — Е. В. Падучева. Дискурсивные слова и категории: режимы интерпретации // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М., 2008. С. 56–86.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Рассудова 1968 — О. П. Рассудова. Употребление видов глагола в русском языке. М., 1968.
- Татевосов 2005 — С. Г. Татевосов. Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 108–140.

Список участников Конференции / List of participants:

Андронов Алексей Викторович (Санкт-Петербургский государственный университет) baltistica[at]gmail.com

Барабанов Андрей Евгеньевич (Санкт-Петербургский государственный университет) Andrey.Barabanov[at]pobox.spbu.ru

Бондарко Александр Владимирович (Институт лингвистических исследований РАН — Санкт-Петербургский государственный университет) abondarko[at]gmail.com

Брандист Крейг / Brandist, Craig (University of Sheffield, UK) c.s.brandist[at]sheffield.ac.uk

Венцов Анатолий Владимирович (Санкт-Петербургский государственный университет) av.ventsov[at]gmail.com

Вербицкая Людмила Алексеевна (Санкт-Петербургский государственный университет) president[at]pu.ru

Воейкова Мария Дмитриевна (Институт лингвистических исследований РАН — Санкт-Петербургский государственный университет) maria.voeikova[at]gmail.com

Гирфанова Альбина Хакимовна (Санкт-Петербургский государственный университет) albigirf[at]gmail.com

Глотова Ольга Николаевна (Санкт-Петербургский государственный университет) oglotova[at]phonetics.pu.ru

Головко Евгений Васильевич (Институт лингвистических исследований РАН — Европейский Университет в Санкт-Петербурге — Санкт-Петербургский государственный университет) evggolovko[at]yandex.ru

Горбов Андрей Андреевич (Санкт-Петербургский государственный университет) verde2002[at]yandex.ru

Горбова Елена Викторовна (Санкт-Петербургский государственный университет) elena-gorbova[at]yandex.ru

Грудева Елена Валерьевна (Череповецкий государственный университет) egrudeva[at]gmail.com

Гулида Виктория Борисовна (Санкт-Петербургский государственный университет) v-gulida[at]yandex.ru

Даугавет Анна Дмитриевна (Санкт-Петербургский государственный университет) anna.daugavet[at]gmail.com

Евграфова Карина Владимировна (Санкт-Петербургский государственный университет) evgrafova[at]phonetics.pu.ru

Евдокимова Вера Вячеславовна (Санкт-Петербургский государственный университет) postmaster[at]phonetics.pu.ru

Елоева Фатима Абисаловна (Санкт-Петербургский государственный университет) fatimaeloeva[at]yandex.ru

Ерофеева Елена Валентиновна (Пермский государственный национальный исследовательский университет) elevaer[at]gmail.com

Ерофеева Тамара Ивановна (Пермский государственный национальный исследовательский университет) genling.psu[at]gmail.com

Заика Наталья Михайловна (Институт лингвистических исследований РАН — Санкт-Петербургский государственный университет) zaika.nat[at]gmail.com

Зорихина-Нильссон Надежда Витальевна (Гетеборгский университет, Швеция) nadja.zorikhina[at]sprak.gu.se

Зубова Людмила Владимировна (Санкт-Петербургский государственный университет) l-zubova[at]yandex.ru

Казанский Николай Николаевич (Институт лингвистических исследований РАН — Санкт-Петербургский государственный университет) nkazansky[at]iling.spb.ru

Каленчук Мария Леонидовна (Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН) mkalenchuk[at]yandex.ru

Касаткин Леонид Леонидович (Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН) rolekas[at]yandex.ru

Касаткина Розалия Францевна (Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН) rolekas[at]yandex.ru

Касевич Вадим Борисович (Санкт-Петербургский государственный университет) vadim.kasevich[at]gmail.com

Клейнер Юрий Александрович (Санкт-Петербургский государственный университет) yurikleiner[at]hotmail.com

Климонов Владимир Дмитриевич (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия) klimonow[at]web.de

Князев Юрий Павлович (Санкт-Петербургский государственный университет) kyp[at]mail.natm.ru

Конума Юкари (Санкт-Петербургский государственный университет) ikezuki[at]yahoo.com

Кочаров Даниил Александрович (Санкт-Петербургский государственный университет) kocharov[at]phonetics.pu.ru

Кочаров Пётр Александрович (Институт лингвистических исследований РАН — Санкт-Петербургский государственный университет) peter.kocharov[at]gmail.com

Кронгауз Максим Анисимович (Российский государственный гуманитарный университет) mkronhaus[at]yandex.ru

Крылов Сергей Александрович (Институт востоковедения РАН — Санкт-Петербургский государственный университет) krylov-58[at]mail.ru

Кюльмоя Ирина Павловна (Тартуский университет, Эстония) irina.kulmoja[at]ut.ee

Мелиг Ханс Роберт (Университет им. Хр. Альбрехта, Киль, Германия) mehlig[at]slav.uni-kiel.de

Мокиенко Валерий Михайлович (Санкт-Петербургский государственный университет) mokienko40[at]mail.ru

Новик Александр Александрович (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого «Кунсткамера» РАН — Санкт-Петербургский государственный университет) njual[at]mail.ru

Ольховская Марина Владимировна (Санкт-Петербургский государственный университет) m_olkhovska[at]mail.ru

Павлова Анна Владимировна (Майнцский университет, Германия) anna.pavlova[at]gmx.de

Перехвальская Елена Всеволодовна (Санкт-Петербургский государственный университет) elenap96[at]gmail.com

Петрова Елена Александровна (Череповецкий государственный университет) olymp35[at]yandex.ru

Пиотровская Лариса Александровна (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена) larisa11799[at]yandex.ru

Плунгян Владимир Александрович (Институт языкознания РАН) plungian[at]gmail.com

Рахилина Екатерина Владимировна (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН) rakhilina[at]gmail.com

Риехакайнен Елена Игоревна (Санкт-Петербургский государственный университет) reha[at]inbox.ru

Ройланд Эрик / Reuland, Eric (Utrecht institute of Linguistics OTS, the Netherlands) ericreuland[at]yahoo.com

Савенкова Елена Дмитриевна (Санкт-Петербургский государственный университет) elena7savenkova[at]yahoo.com

Светозарова Наталия Дмитриевна (Санкт-Петербургский государственный университет) ndsvetozar[at]gmail.com

Скрелин Павел Анатольевич (Санкт-Петербургский государственный университет) skrelin[at]phonetics.pu.ru

Слепокурова Наталия Арсеньевна (Санкт-Петербургский государственный университет) n.slepokurova[at]gmail.com

Федченко Валентина Владимировна (Санкт-Петербургский государственный университет) ilmen2005[at]yahoo.com

Фонякова Ольга Игоревна (Санкт-Петербургский государственный университет) harami[at]harami.ru

Храковский Виктор Самуилович (Институт лингвистических исследований РАН — Санкт-Петербургский государственный университет) khrakovv[at]gmail.com

Цейтлин Стелла Наумовна (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена — Институт лингвистических исследований РАН) stl2006[at]list.ru

Циммерлинг Антон Владимирович (Институт современных лингвистических исследований Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова) fagraey64[at]hotmail.com

Черниговская Татьяна Владимировна (Санкт-Петербургский государственный университет — Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт») tatiana.chernigovskaya[at]gmail.com

Чернова Дарья Алексеевна (Санкт-Петербургский государственный университет) chernovadasha[at]yandex.ru

Черноглазов Дмитрий Александрович (Санкт-Петербургский государственный университет) d_chernoglazov[at]mail.ru

Чуйкова Оксана Юрьевна (Санкт-Петербургский государственный университет — Институт лингвистических исследований РАН) oxana.chuykova[at]gmail.com

Чукаева Татьяна Валерьевна (Санкт-Петербургский государственный университет) chukaeva68[at]mail.ru

**Конференция, посвященная 150-летию
Кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского
государственного университета: тезисы**

Составители:

Елена Игоревна Риехайнен

Оксана Юрьевна Чуйкова